№ 4 (87)
апрель 2015

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ

Ежемесячный литературно-художественный, общественно-политический журнал

В номере:

Лекции по литературе
Владимир Соколов..... 3

Личности и гении
Андрей Гросу. ***Гулькин Д.П. народный трибун***. 12

70 лет Победы
Виктор Гришин. ***Гонка ценою в жизнь***. 23
Георгий Никифоренко. ***Случай на войне с самолётом «ЯК»***..... 28

Проза
Вадим Молодых. ***Пустые головы***..... 35
Полина Бабушкина. ***Итак – аплодисменты?***..... 58

Драматургия
Егор Черлак. ***Мера пресечения*** 64

Поэзия
Дмитрий Манаев..... 88
Николай Мирсков 90
Гарри Беар 92

Дебют
Екатерина Максимук..... 94

Мир приключений
Георгий Каюров. ***Жёлтый император*** 95

На обложке картина Вячеслава Игнатенко.

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России

Учредитель
Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор
Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет–журнала
Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер
Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера
Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина, Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука,Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая, Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Гросул, Надежда Дёмина, Иван Дуб, Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко, Олег Цуркан.

Литературный редактор
Вера ДИМИТРОВА

Корректор
Светлана БРОНСКИХ

Художник–иллюстратор
Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф
Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн
Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дережинская, Александр Зингалюк

Вёрстка
Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317
E–mail: nashepokolenie@pisem.net
www. nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

РМ 32026

© Generaţia noastră – Nashe Pokolenie, 2010
© Наше поколение, 2010

Владимир СОКОЛОВ

Окончание. Начало в №2.

Тема: «Перевод как способ обучения писателя стилю»

10. в–г) Еще важнее понять, что языковые значения передаются не отдельной категорией, а их комплексом. Все слова и грамматические явления находятся между собой во всеобщей связи. Так и лезет на ум ненужное слово «система». И лезет совершенно не по делу. В языке нет законов, а есть только правила, а правила не могут образовывать системы, хотя и должны быть продуманы и связаны между собой. Может быть, было бы лучше сказать «находятся в органической связи». Скажем, модальность можно передать особыми модальными глаголами: «хотеть», «мочь», «быть». Черт его знает, как лучше сказать. Поэтому для донесения своей мысли страждущему читателю опять придется бить ему по мозгам примером.

Всем знакома такая игра, как футбол. Там играют друг против друга, и каждая из них состоит из 11 человек: 1 вратаря и 10 полевых игроков. Функции между этими игроками четко распределены: есть нападающие, есть защитники, есть полузащитники. Но функции зависят не только от позиции игрока на поле, но и от тактики команды. Есть, например, нападающий-столб. Это игрок высокого роста, мощный, сдвинуть которого с места невозможно. На него партнеры посылают мяч верхом, а уж он его переправляет в ворота. Но если есть столб, должны быть игроки, которые могут точно направить мяч ему на голову, обыграв при этом соперника. Это, как правило, либо крайки – крайние нападающие, либо полузащитник, который отправляет мяч с центра поля на голову партнеру. Такой столб – игрок крайне редкий. И вот представьте себе, он заболел, лег спать и ушел. В этом случае приходится перестраивать всю игру команды. Голы забиваются теперь не головой, а ногами, и забивающие игроки не торчат у чужих ворот, а врываются в зону перед ними с центра поля или края. Соответственно приходится перестраивать и игру команды на краях и в центре поля.

То же самое и в языке. Если в одном языке не развит какой–либо способ выражения, то приходится его заменять другими. Возьмем такое распространенное во всех западных языках явление, как сослагательное наклонение. В русском языке оно тоже есть. Это предложения с частицей «бы». «Я бы сделал это не хуже». «Вот именно, говорят, сделал, да ‘бы’ мешает». Но не только. Во всех европейских языках сослагательность – это огромное монументальное сооружение. Такое же монументальное, как категория вида в русском языке, и также включающее в себя различные модусы, о которых носители языка даже и не подозревают, как и русские в отношении совершенного вида. Сослагательное это и предположение, и пожелание, это и модальность, это и неопределенное высказывание и, наверное, еще многое другое.

В частности, это и передача чужого мнения, как с уничижительной приставкой «якобы», так и стилистически вполне нейтральная:

Аристотель thought that a body was in its natural state when it was at rest, and for the body to move in a straight line at a constant speed an external agent was needed continually to propel it, otherwise it ***would stop moving*** – «Аристотель думал, что в своем естественном положении тело находится в покое, и если тело привести в движение, то чтобы оно двигалось с постоянной скоростью по прямой линии, нужно чтобы что–то постоянно подстегивало его, иначе тело остановится».

А вот Галилей, напротив *stated that, in the absence of a force, a moving object* ***will continue moving*** – «...утверждал, что при отсутствии [воздействующей] силы движущийся объект **продолжит движение**», т. е. не *continue moving, a will continue moving*. Автор этой статьи из английского сектора Википедии не рискует присоединяться ни к Аристотелю, как делали наши предки, ни даже к Галилею, в правоте которого мы по школе вроде бы все убеждены. Он просто излагает то, что учение говорили, снимая с себя всякую ответственность за истинность высказывания, предпосылая глаголу сослагательность в виде **would** и **will**.

10. Но особенно интересна сослагательность, когда она употребляется для выражения действия, которое имело место быть в прошедшем для нас, но которое было будущим по отношению к тому моменту, о котором идет речь. В русском языке здесь не совсем удачно, как мне кажется, используется обыкновенное будущее время:

Napoleon’s uncle, the later cardinal Joseph Fesch, ***would fulfill*** *the role as protector of the Bonaparte family for some years* – «наполеонов дядя, позднее кардинал, **будет выполнять** роль покровителя для семьи Бонапартов»: почему будет, если он уже выполнял?

Two days after the marriage, Bonaparte left Paris to take command of the Army of Italy, leading it to what would ultimately ***become*** *the most decisive campaign of the Revolutionary Wars* – «Через два дня по-

сле свадьбы Бонапарт оставил Париж, чтобы принять командование итальянской армией («Итальянским фронтом», сказали бы мы, ибо армия-то была французской), руководя которой он в конце концов **проведет** одну из самых блестящий кампаний революционных войн». Почему только «проведет», если то, что он «провел», уже давно стало историческим фактом?

*Bonaparte met Talleyrand, France's new Foreign Minister—who **would** later **serve** in the same capacity for Emperor Napoleon* – «Бонапарт встретил Талейрана, нового иностранного министра, который позднее **будет служить** в той же должности императору Наполеону». Талейран не будет уже служить никому, ибо он уже 200 лет как умер, и его кости сгнили. Употребление сослагательного наклонения в подобных случаях позволяет избегать совершенно неуместного и грубого употребления будущего времени.

Таким образом, переводчик не должен цепляться за грамматические формы иностранного языка, либо отсутствующие в должном объеме в русском, как сослагательное наклонение, либо употребляемые несколько иначе, как это имеет место быть с родом. А выражать переводимую мысль совсем иным, порой нетривиальным образом. Например, в только что приведенных случаях я бы использовал обстоятельства времени: «Через несколько лет дяде Наполеона представилась возможность...», «...Бонапарт принял командование Итальянским фронтом, на котором он в последующие годы»... и так далее.

А вот здесь сослагательность выражает пожелание *[duty] if my duty be too bold, my love is too unmannerly,* которое я не считаю неуместным заменить модальным глаголом, которого у Шекспира и в помине нет «чтобы мой долг был смелым, моя любовь **должна быть** неподобающей».

Словом, переводчик должен ориентироваться во всех тонкостях своего языка и не стесняться заменять одни грамматические явления другими, чтобы текст «звучал» на русском языке. Знать русский язык – это значит иметь перед умственными глазами все его богатство, включая диалекты, специальные сферы, жаргон. Знать русский язык для переводчика – это владеть им, то есть уметь определить языковый пласт, к которому относится слово или которому должна соответствовать речь персонажей, и находить благодаря словарям ли, личному опыту ли, интуиции ли нужные слова.

11. Третьим пунктом в нашем эссе стоит постулат: переводчик должен знать литературу языка, с которого он переводит. Изменим форму предложения на вопросительную: «Должен ли знать...» И не будем стесняться вопросительного знака в конце предложения, который скорее носит риторический характер, ибо никакого вопроса здесь в принципе быть не может. Ответ на этот вопрос уже ясен из предыдущего рассмотрения, и тем менее порезвиться на его просторах поподробнее довольно-таки интересно. Хотя бы ради примеров, которые порой гораздо интереснее той темы, которую они должны вроде бы иллюстрировать.

Однозначно можно только ответить: то знание, которое дается в учебниках литературы, литературоведческое знание, излишне для писателя. Можно даже выразиться категоричнее: не знать литературу таким образом, каким ее знают литературоведы, совершенно необходимо, ибо это знание угнетает дух и отягчает память: *dedi cor meum ut scirem litterarum scientiam et agnovi quod in his quoque esset labor et adflictio spiritus.*

Подступимся к проблеме несколько сбоку, с рассмотрения фигуры переводчика, какой она сложилась в России, но не исконно, иначе мы бы не могли похвастаться не Лермонтовым, не Майковым, не худобедно Маршаком, а в советские времена и в каковой поре она пребывает до сих пор. Переводчиков в советские времена у нас специально не готовили, а готовили филологов широкого профиля, которых поглощала в основном школа. А кому везло больше, устраивались в разных художественно–литературных, в более научно-технических журналах, разных НИИ и конторах, где знакомство с иностранной литературой, чаще всего специальной, вроде бы полагалось по штату. Вот эти-то люди, которые если и обладали какими способностями к языкам, безвозвратно выветрили их за годы добывания диплома. Вот так набирался контингент переводческой профессии.

За отпущенное мне богом здоровьем и трудовым законодательством время я в качестве патентоведа, редактора, преподавателя университета довольно хорошо изучил эту касту двуногих. Забитые, зачуханные, они боялись своей работы и ненавидели ее. В патентном отделе мне часто приходилось помогать им при переводе технической литературы. Работали мы в НИИ сварки и холодной штамповки. И каждое утро они с тоской в глазах взбирались на Голгофу словарей и справочников, чтобы хоть как-то разобраться в китайской премудрости технических текстов. А разобраться было невозможно.

Вот английское слово die. Я имею в виду не глагол «умирать», а существительное, которому словари через точку с запятой дают такие значения «штамп; пуасон; матрица» и еще ряд других. Но ведь

«штамп; пуансон; матрица», если ты работаешь с текстами, где о них только и речь – это совершенно разные детали. Штамп, если приводить пример из быта,– это обыкновенный дырокол, который состоит из пуансона и матрицы. Пуансон – это штырьки, которыми в бумаге пробивается дырка, а матрица – пластина, где просверлены отверстия, куда эти штырьки при пробивании бумаги входят.

Вроде бы все просто. Пуансон – подвижная часть, матрица – неподвижная. А если сделать наоборот. Если пластиной с дырочками давить на неподвижные штырьки. А в технологии это часто более практичная конструкция. Что тогда будет пуансоном, а что матрицей? Я спрашивал наших инженеров, и точки зрения расходились как круги по воде почти что поровну. Одни считали штырьки (стержни) пуансоном, давили ли они на бумагу, или бумага надавливала на них, а пластину матрицей, другие, наоборот, а большая часть глубокомысленно чесала в затылке: «А черт его знает?!»

Черт, значит, его знает, а как переводить прикажете бедному переводчику? Особенно если учесть, что штамп может представлять из себя очень сложную конструкцию, например, составную, где пунсон или матрица сами являются штампом, содержащим собственные пуансон и матрицу, а одна и та же деталь может пуансоном в одной операции и матрицей – в другой. Но для инженеров это никакой проблемы не представляло: достаточно было взглянуть на чертеж, соотнести его с описанием, и где штамп, где пунсон, где матрица – все тут же вставало на свои места. Тем более что англичане давали довольно–таки толковое описание технических конструкций, без тех наворотов, которыми так любят блистать русские, да и немцы грешат частенько.

Для инженеров проблемы не было, а для переводчиков, которые ненавидели чертежи и глядели на них, как на паука или крысу, боясь прикоснуться к ним даже взглядом, не то что руками, перевод представлял ежедневную неистребимую каторгу. И с какой надеждой и мольбой во взгляде глядели они на того, кто брался им помочь (а мне как работавшему в одном с ними отделе это приходилось делать чаще, чем кому бы то ни было).

12. Вы думаете, с переводом художественной литературы дело обстоит лучше? С чего бы это? Ведь так называемые художественные переводчики кончали те же вузы, из них также выдалбливали всякие творческие поползновения, чтобы втемяшить взамен филологическую хмурь и дурь. То есть они той же поляны ягоды.

Читаю замечательный диалог Уайльда (роман Диккенса, пьесу Шеридана, стихи кого угодно из иностранцев, без разницы), смотрю на работу переводчика и сердце подпрыгивает от радости: а как же, ведь приятно осознавать себя умным, когда видишь такого дурака, хотя бы он и с апломбом рассуждал на страницах «Русского журнала» о работе переводчика, и как резко упал статус и качество этой профессии в наши времена. Называется диалог «Артист как критик». Заметьте «артист как критик», а не «критик как артист». Вот видите, вы заметили разницу, а переводчик – ни за что.

И оттого возникает ощущение полной непрожеванности текста. Остроумные, полные задора куски, которые даже переводчик не в силах испортить, на живульку приляпаны к эскападам ни к селу ни к городу. Мешанина, одним словом. Не без вины Уайльда, но в гораздо большей степени, который, увидев в тексте die, наобум вставляет то «штамп», то «пуансон», то «матрица». В уайльдовском тексте повод к такой путанице дает слово critic, которое можно перевести и как «критик», и как «критика», причем и то и другое слово понимаются не так, как в русском языке.

В своем диалоге Уайльд вовсе не занимается проблемами литературной критики, то есть сферы деятельности, где оцениваются качества и значение художественных произведений, хотя для пущей путаницы несколько колкостей по поводу литературной критики и отпускает.

Уайльд трактует проблему, в классическом виде поставленную Шиллером: о наивном и сентиментальном художнике. Наивным Шиллер называет художника типа Гомера: «что вижу, то и пою». Или как отвечал один из пятилетних корреспондентов «От двух до пяти» на вопрос: «Почему ты дерешься?», «А что я могу поделать, если драка из меня так и лезет». Из наивного писателя поэзия именно так и лезет. Напротив, его сентиментальный коллега постоянно погружает в рефлексию о своем творчестве: почему он пишет так, а не этак, зачем он вообще пишет. Примером наивного художника являлся Гоголь, пока его не свихнули с пути истинного его друзья–славянофилы, не вложили в него понятие долга, чем полностью парализовали его писательскую деятельность. Сентиментальных же художников, особенно в Новое время, пруд пруди: Флобер, Стендаль, Музиль. А Пруст так тот целый том отгрохал в объяснением своих литературных методов и принципов.

Уайльд в этом споре занял бескомпромиссную позицию, как он всегда делал в вопросах искусства –

нюансов он знать не хотел: наивных писателей не бывает вообще, всякий писатель – сентиментальный, или по его терминологии, с которой не совладал обремененный филологическим образованием и долгим редакторством в солидном журнале переводчик, является критиком. Причем Уайльд считает, что это касается не только современного писателя, но и художника (вот еще одна терминологическая загогулина, которую переводчик так и не сумел преодолеть, хотя вроде бы усек, в чем дело: у нас любой творческий человек «художник»: художник слова, художник вокала, художник в своих ролях, у них для этого употребляется слово artist) любой эпохи, вплоть до первобытных времен:

All fine imaginative work is self–conscious and deliberate. No poet sings because he must sing. At least, no great poet does.

Творческая работа воображения всегда осознанна («осознанна самим художником – self–conscious») и обдуманна. Нет таких поэтов, у которых песня просто лилась бы из души («нет таких поэтов, которые поют, потому что они поют» – в скобках мы корректируем текст перевода). Во всяком случае, великих поэтов.

A great poet sings because he chooses to sing. It is so now, and it has always been so. We are sometimes apt to think that the voices that sounded at the dawn of poetry were simpler, fresher, and more natural than ours,

Великий поэт создает песни, потому что решает их создать. Так в наши дни, и так было всегда. Подчас мы склонны думать, будто голоса, звучавшие в раннюю пору поэтического искусства, были проще, свежее и естественнее, чем сегодня,

and that the world which the early poets looked at, and through which they walked, had a kind of poetical quality of its own, and almost without changing could pass into song.

и будто мир, постигнутый и исхоженный поэтами древности («по которому ходили великие поэты и на который они смотрели» – переводчик в общем–то перевел право, но простую и ясную мысль Уайльда сделал вычурной, добавил литературной красивости), сам по себе заключал нечто поэтическое («сам по себе был поэтичным»), не требуя почти никаких изменений, чтобы сделаться песней («и в таком виде без изменений переходил в песню» или как говорили про казахов: «что вижу, то и пою»).

...

I am inclined to think that each myth and legend that seems to us to spring out of the wonder, or terror, or fancy of tribe and nation, was in its origin the invention of one single mind

Я даже склонен полагать, что любой миф или легенда, в которых нам видятся недоумения, страхи и фантазии племени или страны, в истоке своем являются творением какой-то определенной личности

То есть художник, и писатель в первую голову, критик по самой своей природе, именно потому, что он осознанно относится к своему творчеству, а вовсе не потому что он пишет критические статьи.

А тот клерк, который, совершенно не разобравшись с сутью проблемы, взялся переводить Уайльда, тупо понял, что в диалоге речь идет о профессиональном критике, отчего напустил в переводе столько глупостей, что простые и ясные, хотя и требующие внимания мысли англичанина превратились в полную сумятицу.

В частности, переводчик не обратил внимания на то, что Уайльд когда пишет о критике, употребляет два разных слова: **to critic**, **to criticism**. **Critic** – у него это рефлексия о творчестве, **a criticism** – это как раз то, чем занимаются рецензенты, обозреватели, авторы критических статей. Переводчик же слил их в одно понятие – «критика».

И поэтому в переводе получается, что всякий художник – критик,

The actor is a critic of the drama...

Актер – вот критик драмы... Музыкальный критик – это певец, или скрипач, или флейтист.

The etcher of a picture robs the painting of its fair colours, but shows us by the use of a new material its true colour–quality, its tones and values, and the relations of its masses, and so is, in his way, a critic of it.

Гравер лишает работу живописца ее прекрасных красок, зато в новом материале выявляет для нас истинное качество ее цветовой гаммы, тонов и оттенков, композиционных центров, таким образом делаясь ее критиком.

а буквально двумя абзацами ниже, что художник не может по определению быть критиком, то есть оценить работу другого художника

Technique is really personality. That is the reason why the artist cannot teach it, why the pupil cannot learn it, and why the aesthetic critic can understand it. To the great poet, there is only one method of music – his own. To the great painter, there is only one manner of painting – that which he himself employs. The aesthetic critic, and the aesthetic critic alone, can appreciate all forms and modes. It is to him that Art makes her appeal.

Техника — это на самом деле личность художника. Вот почему мастер и не способен ее обучить, а подмастерье не в силах ее перенять, понять же ее может критик-художник. Для великого поэта существует только одна музыка — его собственная. Для великого художника нет никаких приемов живописи, кроме используемых им самим. Оценить все формы, все методы творчества способен критик-художник (the aesthetic critic – «художественный критик»), и только он. Искусство обращается непосредственно к нему.

Различай переводчик «критику» и «критицизм», такой бы нелепицы не было. Резюме: переводчик не знает ни европейской, ни английской: ни их проблематикой, ни их терминологией. А чтобы знать литературу языка, с которого переводишь, нужно, как моль проветривания, избегать учебников по литературе, и отечественных и зарубежных, а больше читать иностранных авторов, и больше учиться, набивать, так сказать, свою руку общекультурной образованностью.

Это вообще. А в частности, нужно просто иметь на плечах голову, а не промаринованный верхним образованием качан. Чтобы не тыкать наобум вместо die то «штамп», то «пуансон», то «матрицу», запутывая самое простое техническое описание так, что и Соломон не разберется, достаточно посмотреть на чертеж, и тогда текст будет ясен тебе как стеклышко, не затемненное в огне, чтобы удобнее было глядеть на Солнце. Чтобы понять мысль Уайльда, можно и не читать ни Шиллера с его «наивным и сентиментальным художником», ни По, этого ярого предшественника Уайльда по части адептирования художника как критики с его «Философией композиции», ни их антагониста Шелли с его «врожденной поэтичностью», которая не только не зависит от ума и критического чувства, но управляет ими, ни Марк Твен с его «чувством юмора», становящимся продуктивным, только когда оно направляется здравым смыслом, то есть когда «наивное» и «сентиментальное» работают в содружестве (заметьте, сколько людей высказывалось на эту тему, и у каждого своя терминология). Можно читать одного Уайльда (=глядеть на чертеж), но читать внимательно, с использованием головы, а не заднего места.

Таким образом, переводчику нужно не столько знать литературу языка, с которого ты переводишь, сколько обладать неистребимым желанием «узнать» ее. Не знать, прежде чем переводить, а переводить, чтобы знать – вот каковым должно быть правило переводчика по отношению к чужим языку и литературе.

13. И хотя все советские и нынешние русские переводчики высыпались из одного образовательного мешка, все же есть смысл обратить внимание на разницу, которая существует между переводом художественной литературы и научной, философской, технической. Сфера литературы – это жизнь, поэтому переводчику, чтобы переводить, достаточно просто не быть дураком – недостижимый идеал для нынешнего поколения этой профессии. Техническому же и научному переводчику нужно владеть сферой, в которой ты пурхаешься по роду деятельности.

Внутри одного большого языка существует множество индивидуальных языков: строго говоря, у каждого человека свой язык, а у писателя особенно. Поэтому чтобы переводить Шекспира, нужно знать язык Шекспира, а Диккенса – язык Диккенса. Но для переводчика Шекспира достаточно знать только язык Шекспира, а Диккенса – Диккенса. Не важно, что Вальтер Скотт буквально насыщен Шекспиром, если ты внимателен к Вальтеру Скотту, литературно-языковые справки по Шекспиру тебе ни к чему.

С техникой, наукой, философией все не так. Нужно знать язык именно этой сферы, причем не только иностранного языка, но и родного. Любой новый переводчик уже должен ориентироваться на установившиеся термины и смирять свою гордыню, даже если у тебя есть мысли, как это выразить получше. Иначе тебя не поймут твои же коллеги. Наши лингвисты говорят «сравнительное литературоведение» и «сравнительное языкознание», а англичане comparativistic, которое объединяет их одним словом, но переводчик вынужден их разделять в своих переводах, чтобы было ясно, где речь идет о языке, а где о литературе. Утвердились у нас слова «штамп», «пуансон», «матрица», и нужно разбираться в работе устройства, а не пытаться строить новые конструкции, хотя наши технические специалисты и постоянно пытаются это делать, отчего появляются монстры вроде «пуансон-матрица», «штамп-пуансон», «матрица-фреза» и так далее, понять значение которых только можно по месту их конкретного, а часто единичного употребления.

То же, и даже в большей степени, касается юридических документов. Заключают договор (особенно в истории российско-, английско-, французско-... -китайских отношений такое происходит часто), а потому дипломаты каждой из стран тычут свой вариант текста и говорят, что вот он правильный, а противная сторона его искажает. То есть здесь в отличие от художественной литературы нужно держаться общепринятой буквы. То что не просто хорошо, но необходимо для литературы, неприемлемо для науки и практики.

14. Если к чужой культуре, к чужому языку, к чужой литературе для переводящего достаточно проявлять лишь интерес, жгучий и шилоколющий в одно мягкое место, то свою родную литературу нужно знать досконально. А «знать» здесь не зубрить «Истории русской литературы» и читать монографии литературоведов-недоумков, а ориентироваться в ней, как в своих карманах.

Некоторый отскок в сторону для углубления в суть картины не посчитайте лишним. Для чего писатель вообще переводит? Именно писатель, а не профессиональный переводчик, который переводит меньше для славы, чуть больше для тщеславия, а вообще-то исключительно ради денег. Денег не очень больших, а таких, чтобы забеспечить собственное существование, то есть занят поденной работой. Некоторые распространят эти стимулы и на писателя. Любой писатель, ответим, переводит, как и вообще пишет, ради славы и денег. Ответ неверный. Стимулов для писания очень много, и они весьма прихотливы и разнообразны. Как и для перевода.

Один из главных стимулов здесь обращение к чужой культуре. Это как раз тот самый жгучий интерес, о котором мы только что упомянули: любопытно узнать и понять, как живут люди в других странах, чем они дышат, какие у них нравы, обычаи. Такие ли они как мы под всеми их национально-правовыми оболочками, или все же другие? Особенность такого интереса состоит в том, что человек не способен понять чужого, и даже просто воспринять, не отталкиваясь от привычного и обычного. В чужой культуре поэтому стремятся увидеть и рассмотреть нечто знакомое. Восточные женщины прячут свои лица под чадрой, западные девушки едва прикрывают попку юбчонкой, а в Африке женщины вообще щеголяют голыми. И тем не менее «бабы они и в Африке бабы». Точно так же, как «в любом народе есть люди хорошие и есть проходимцы: что американцы, что русские, что готтентоты – везде одно и то же. И везде, прав тот, у кого больше прав»... Сравнение чужого мира с собственным – основной способ познания чужого мира, и отраженным, как в теннисе мячом – своего собственного.

Другой распространенный стимул обращения к чуждым языковым берегам, значит, лучшее познание через сравнение того, что под носом, но как-то слишком близко, чтобы тщательно и со всех сторон разглядеть. В ракурсе этого рассуждения мелькает частная мысль, что перевод для писателя – один из эффективных способов обретения собственного стиля. Недаром западные собратья русских писателей почти поголовно начинали свою литературную стезю с изучения античных образцов. А когда в XX веке, особенно в Америке, писатели стали приходить в литературу из жизни, чаще всего из газетной, стиль резко пошатнулся. Фицджеральд настолько же лучше пишет Драйзера, насколько лучше университетский курс литературы (их курс: не путать с нашим убогим т. н. «филологическим» недообразованием), лучше репортерских наблатаканности и нахватанности газетными штампами. Только на классических, то есть античных, образцах и можно научиться хорошей литературе и хорошему стилю.

Глупые люди, правда, в ответ суют тебе в нос Пушкина, Гоголя (у которого вообще чему-либо путному научиться трудно, не потому, что он плохой писатель, а потому что индивидуальностью так и разит от него, как от портянок: аж нос затыкать приходится)... А еще Бунина. Ничему хорошему у Пушкина и Бунина, по нашему мнению, научиться невозможно, если не учиться с умом. А с умом – это значит учиться

у них не напрямую, а косвенно. Напрямую стиль этих писателей совершенен, и придраться тут не к чему. Не к чему придраться, не за что и зацепиться. А чтобы зацепиться, нужно посмотреть на них со стороны, нужно понять, «как сделан их стиль». А для этого необходимо сравнение со сторонними культурами.

Я, как и большинство из нас, долгое время считал Пушкина непревзойденным мастером русского пейзажа, пока не прочитал Грифцова, который убедительно доказывает, что как раз пейзаж у Пушкина не русский, а книжный, заимствованный не из картин родной природы, а из классических французских, а вернее античных, переданных французскими поэтами источников:

«Есть место: влево от селенья,
Где жил питомец вдохновенья,
Две сосны корнями срослись;
Под ними струйки извились
Ручья соседственной долины.
Там пахарь любит отдыхать,
И жницы в волны погружать
Приходят звонкие кувшины;
Там, у ручья, в тени густой
памятник простой.»

Что значат эти звонкие кувшины, еще более ставшие вольными от вольного поэтического ударения? Едва ли иначе, чем ведрами, черпали воду и сто лет назад. Или то кринки, как их в той местности называли – горланы? Не слишком они звонки. Иную картину напоминает мне эта строфа. Жительницы Olevano Romano в классически медных кувшинах и поныне несут на плече воду из ручья, какие в самом деле журчат на склонах Сабинских гор.

Вот загадочное слово: что Пушкин назвал ручьем? Только по весне, когда тают снега, Россия знает струи журчащего ручья. В другое время нам придется спутешествовать в иную, гористую местность, вернее всего, в Швейцарию, здесь не иссякают ручьи в не вызывающем никаких сомнений значении этого слова. Возможно ли наши реки, речки, речушки, беззвучно, бесструйно сливающиеся по покатости, журчащие слабо-слабо лишь в том случае, когда вода встречает искусственное препятствие, – можно ли их называть ручьями? Или то – ключи, родники? Но и ключи, ненадолго выходя из-под земли, здесь стекают тихо или и вовсе прячутся под землей».

Таким образом, у Пушкина можно и нужно учиться, но не тому, как описывать «родную» природу, а как работать над источниками, как чужие образцы перелопачивать в собственное творчество так ловко, будто оно так и списано с готовой натуры. То есть учиться у Пушкина русской культуре и языку через призму иностранных.

15. Но если у Пушкина целесообразнее учиться через иностранные образцы, то учиться тому, как передавать иностранных писателей на русском языке, сподручнее будет как раз у Пушкина. Вот такая головоломка, или, как говорят поляки, ломиглувка. Главный арсенал художественных средств и стилистических приемов для любого переводчика (как и писателя) родная литература. Собственно говоря, любой перевод состоит в том, чтобы подобрать переводимому писателю аналог в отечественной словесности. Богатство русской литературы таково, что очень редких авторов есть необходимость переводить с нуля (хотя в сфере религии и философии работенка еще осталась, да и с наукой не так уж все гладко), как это делали Жуковский и Крылов, переводы которых, а также Пушкина, Лермонтова, Мея, стоят в нашей литературе на одном уровне с оригинальными произведениями. Нет и острой необходимости изобретать (или находить) для перевода еще ненайденный стиль. Оригинальничаньем можно только навредить. Что, однако, не означает, что творческим выбрыкам нет простора, ибо лишь малая часть творчества – изобретение нового или необычного: большая часть – это выбор точных средств выражений.

И переводчика это касается в первую очередь. Как и то, что именно в выборе художественных средств и проявляется индивидуальность переводчика. О выборе тематики и автора можно бы и не говорить: если ты переводишь по заказу, ты вовсе не писатель, а поденщик. Перевод начинается там же, где начинается и писатель: со стремления сказать то, перевести произведение того автора, которого не хватает русской литературе и тебе лично.

Вот для примера стихотворение Бернса «Горной маргаритке, которую я примял своим плугом». Пере-

вел его на русский язык, и очень хорошо, Маршак.

О скромный, маленький цветок,
Твой час последний недалек.
Сметет твой тонкий стебелек
Мой тяжкий плуг.
Перепахать я должен в срок
Зеленый луг.

...

Такая участь многих ждет...
Кого томит гордыни гнет,
Кто изнурен ярмом забот,–
Тем свет не мил.
И человек на дно идет,
Лишенный сил.

Хорошо то, хорошо, но выразил в нем поэт свою индивидуальность книгочея, отдаленного и сознательно оградившего себя за книжным забором от бурь повседневности. Все гладенько так, грамотненько, литературненько... Прямо не поэт, а издательский идеал. Грубый, невежливый, мужланистый Бернс в этих стихах даже и не пропахивает.

Стихотворение состоит из 8 строф, по 6 стихов каждая. Сначала идут первые 4 строфы, а к ним добавляются еще четыре. В первых строфах поэт описывает самое заурядное обыденное происшествие из своей пахарской практики (весьма необширной, но постоянно им декларируемой). И круг понятий и предметов здесь самый заурядный: «скромный, маленький цветок», «тяжелый плуг», «перепахать я должен в срок», «жаворонок полевой», «в садах ограда и кусты» и т. д. В следующих строфах поэт перескакивает в мир высоких дум и стремлений, в абстрактную сферу возвышенного. Так сказать, переходит из быта в бытие. Соответственно меняется и круг понятий: «певец, страстей неопытный пловец», «гордыни гнет», «грозный рок»... фу, отобрал все что можно, уж больно однообразен в выборе эпитетов и лексики Маршак.

Меняется при переходе к последним строфам и язык стихотворения. Первые четыре строфы написаны на шотландском диалекте. На нем поэт разговаривал с соседями, друзьями и недругами, словом, крутился в своей повседневности.

Wee, modest, crimson–tipped flow'r,
Thou's met me in an evil hour;
For I maun crush amang the stoure
Thy slender stem:
To spare thee now is past my pow'r,
Thou bonnie gem.

В последующих же четырех Бернс в пику восхвалителям, обрядившим его в одежду непритязательного полуграмотного селянина, щеголяет прекрасным литературным английским, причем не просто школьным английским, а изысканным языком высокой поэзии, поэзии Мильтона, Библии и... не Паниковского, нет... Шекспира.

Such fate to suffering worth is giv'n,
Who long with wants and woes has striv'n,
By human pride or cunning driv'n
To mis'ry's brink,
'Till wrenched of every stay but Heav'n,
He, ruin'd, sink!

(Сравните два последних стиха у Маршака и Бернса: «И человек на дно идет, лишенный сил» против «пока не выдернутый от всякой опоры, кроме Неба, руинированный человек не тонет»).

Как бы следовало переводить подобное стихотворение поближе к оригиналу (автор вовсе не считает, что Маршак перевел «неправильно» – Маршак – это одна поэтическая индивидуальность, Бернс – совсем другая; более правильной здесь просто по определению быть не может), чтобы передать этот переход с плана обыденного в план философский? От каких образцов русской поэзии стоит отталкиваться. Ну со второй частью все понятно: вот вам Тютчев, вот вам Державин, вот вам и Ломоносов.

Тогда предъявлено судьбою,
Что с трепетом перед тобою

В безмерном углубя пространстве разум свой

Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет

Писал, конечно, Ломоносов корявовато. Ну так на то ты и поэт, чтобы, используя наработанный вокабулярий, воплотить его в изящное и красивое.

А вот для первых четырех строф аналог подыскать труднее. В русском языке нет явно выраженных диалектов. Думаю, лучше всего здесь бы сгодился язык среднеобразованный городской, примерно как у Высоцкого:

На Тау Кита
Чегой-то не так:
Там таукитайская братия
Свихнулась, по нашим понятиям.

Покамест я в анабиозе лежу,
Те таукитяне буянят.
Все реже я с ними на связь выхожу –
Уж очень они хулиганят.

Так что переводить «Горной маргаритке...» можно еще не одному поколению поэтов. Поле иностранной литературы – это до сих пор непаханое поле terra incognita для русского человека.

16. И в первом, и во втором случаях, таким образом, необходимо опираться на родную культуру. Чтобы объяснить читателю и самому себе чужие явления, писатель вынужден запускать писательское перо в родные арсеналы, переводя чужое на язык привычных понятий и представлений. Обогащая и уточняя их, если он хороший писатель, находя новый смысл в обычном и приходя через сравнение к пониманию необычного.

Андрей ГРОСУ

историк, начальник Управления Образования сектора Рышкань города Кишинева, Республика Молдова

Гулькин Д.П., народный трибун, защитник прав молдаван,инородцев и иноверцев в Государственной Думе Российской империи

Независимый депутат Гулькин Д.П. эрудированный, мудрый и остроумный человек, наделенный ораторским талантом и тонким чувством юмора, превратился в политическую личность, которой могут гордиться не только бессарабские старообрядцы, но и мы, потомки тех молдаван, которых он представлял в Государственной Думе Российской империи.

В ходе четвертой сессии Государственной Думы третьего созыва Российской империи, которая начала свою работу 15 октября 1910 года в г.Санкт-Петербурге – столице Российской империи, был рассмотрен в трех чтениях законопроект «О начальных училищах». «Октябристы», самая многочисленная фракция Государственной Думы третьего созыва, внесли поправку к 16-й статье законопроекта, которая предусматривала предоставление некоторым народам права на национальную школу на родном языке.

Однако бессарабских молдаван среди них не было. «Октябристы», а также чиновники Министерства Народного Просвещения, считали молдаван достаточно русифицированными и что они могут обучаться на русском языке.

Введение преподавания на родном языке для молдаван Бессарабии не входило в планы Царского Правительства, которое опасалось влияния на местное население со стороны соседней Румынии и проявления тенденций сепаратизма.

Какого было реальное положение молдаван Бессарабии? В 1812 году в результате русско-турецкой войны и Бухарестского мирного договора территория между Прутом и Днестром была оторвана от Молдавского княжества, включена в состав Российской империи и изолирована от своего этнического пространства.

В течение ста лет молдаване Бессарабии, как и все народы Российской империи, стали подвергаться национальному угнетению и насильственной русификации. В конце XIX века молдавский язык был практически выведен из администрации, юстиции, школ и церкви. В результате массивной колонизации изменился национальный состав населения Бессарабии. Но, несмотря на это, молдаване составляли более половины населения Бессарабии. В 1911 году в Бессарабии существовали 1522 начальные русские школы с 101 375 учащихся и не функционировала ни одна молдавская. Родной язык молдаван не преподавался даже как учебный предмет.

Молдаване составляли 0,9% от общего числа населения Российской империи и занимали 14-е место по численности, имели самый низкий уровень образования, опережая только татар и башкир. Да и в самой Бессарабии молдаване занимали девятое место по уровню грамотности среди представителей народов, которые населяли губернию, потому что не имели свои национальные школы. Согласно переписи населения 1897 года, среди молдаван только 10,5% мужчин и 1,7% женщин были грамотными.

В Государственную Думу третьего созыва Бессарабская губерния была представлена девятью депутатами. Двое из посланников бессарабских избирателей, священник Гепецкий Н.Е. из села Старо-Казачье Аккерманского уезда и голова города Сороки Солтуз Н.М., были молдаванами по национальности. Большинство депутатов Бессарабской губернии, включая и двух депутатов молдаван, были противниками начальной школы на родном языке для бессарабских молдаван.

И все-таки в Думе нашелся защитник прав молдаван на начальную школу на родном языке. 10 ноября 1910 года в ходе 16-го заседания четвёртой сессии выступил депутат от крестьян Бессарабской губернии Гулькин Дионисий Петрович, который потребовал, чтобы молдаван включили в состав народов, которым будет представлено право на начальную школу на родном языке. Подчёркивая при этом, что молдаване православные и являются самым лояльным народом империи. Надо отметить, что даже богослужение проводилось на русском или на церковно-славянском языке.

«Спрашивается, как же это так, здесь ходатайствовали за калмыков, за бурят, за изучение им родного языка в школах, чем же согрешили эти православные люди? Это не горсть – их полтора миллиона молдаван, которые, отчаявшись в помощи своих депутатов, послали телеграммы и письма кавказским депутатам, Гегечкори и др.», – подчеркнул Д.П.Гулькин.

«…нашлась добрая душа староверца… который, исходя не из нужд игнорированного рода, а из человеческой справедливости, попросил начальную школу для детей бессарабских молдаван», – написал Николае Йорга в статье, опубликованной 29 ноября 1910 года.

«Великодушный великоросс Гулькин, – отмечал Пантелеймон Халиппа, – сделал то, что ему продиктовало сознание человека и гражданина».

Что мы знаем о Д.П. Гулькине? Дионисий Петрович Гулькин принадлежал к крестьянскому сословию, русский по национальности, старообрядческого вероисповедания, родился в 1861 году в местечке Теленешты Оргеевского уезда Бессарабской губернии. Скончался 27 февраля 1947 года и похоронен в родных Теленештах. Не окончил даже начальной школы, имел домашнее образование, это такая форма образования, когда священник в своём доме обучал детей чтению, молитвам, псалтыри и часослову. Д.П.Гулькин был самоучкой, много читал и имел глубокие знания в области литературы, истории, философии, юриспруденции и богословии. Арендовал четыре десятин помещичьей земли. Занимался земледелием, в основном садоводством и виноградарством. Имел пасеку. Занимался ещё мелкой торговлей. В одном из своих выступлений он подчеркивает, что является чиновником волостной управы.

После начала революции 1905-1907 гг. в России была создана реакционная организация «Союз Русского Народа» (СРН). Д.П.Гулькин, как и многие крестьяне Бессарабии, вступает в эту организацию и в короткий период становится руководителем Теленештского волостного отдела СРН.

В 1907 г. при поддержке партии Центра Бессарабии избирается депутатом Государственной Думы третьего созыва Российской империи от крестьян Бессарабской губернии. Безусловно, лидеры партии Центра, представители многочисленного клана помещиков Крупенских, учитывали личные качества Д.П.Гулькина. Этот мудрый крестьянин имел обширные познания, большой жизненный опыт и ораторский талант. В течение многих лет он являлся судьей волостного суда (крестьянский суд) и присяжным заседателем Кишинёвского окружного суда. Владел молдавским (румынским) языком и пользовался большим авторитетом у крестьян Оргеевского уезда.

П.Н.Крупенский, лидер депутатской группы из восьми человек, которые прошли в Третью Государственную Думу при поддержке партии Центра Бессарабской губернии, намеревался использовать ораторский талант Д.П.Гулькина в борьбе против демократических сил Думы. Д.П.Гулькин был членом умеренно-правой фракции Думы. В ходе первых двух сессий Государственной Думы третьего созыва выполнял указания своего партийного начальника, выступая против кадетов, трудовиков и социал-демократов. Однако, будучи честным человеком и глубоко верующим, он понимает, что ему не по пути с реакционными силами, и в мае 1909 года выходит из умеренно-правой фракции, становится независимым депутатом и покидает ряды «Союза Русского Народа». Он заявляет, что не желает больше быть лакеем и отныне будет говорить то, что ему его совесть подскажет.

Начинается новый плодотворный период в депутатской деятельности Д.П.Гулькина. Раскрывается его ораторский талант, меняется его мировоззрение. Д.П.Гулькин проявляет себя как защитник крестьян и рабочих. Защищает права молдаван и других инородцев, а также иноверцев. Становится настоящим народным трибуном. В одном из своих выступлений на пленарном заседании Государственной Думы он отметил: «…и как вообще без исключения люблю всех инородцев, как их называют, люблю все народности, населяющие Россию, не русских по национальности, как моих братьев и детей, так и моих бессарабских молдаван». (Сессия 4, заседание 50, 4 февраля 1911г.)

В ходе пятой сессии Государственной Думы третьего созыва при рассмотрении вопроса «местного суда» он объединяет вокруг себя всех депутатов-крестьян, которые являлись членами различных партий, и становится их неформальным лидером.

Но вернёмся к вопросу обсуждения в ходе четвёртой сессии третьей Государственной Думы предложения Д.П.Гулькина о предоставлении молдаванам Бессарабии права на начальную школу на родном языке. 12 ноября 1910 года в ходе 18-го заседания против предложения Д.П.Гулькина высказываются депутаты от Бессарабии, члены умеренно-правой фракции, священник Гепецкий Н.Е. (молдаванин), голова г.Сороки Солтуз Н.М. (молдаванин), П.Н.Крупенский и один из лидеров правой фракции, лидер «Союза Михаила Архангела», Пуришкевич В. М., депутат от Бессарабской губернии, и он, священник Гепецкий, фарисейски скажет, что он молдаванин и не просит того блага, о котором говорит Гулькин. Что своим предложением о предоставлении права на открытие начальных школ на родном языке для детей молдаван Бессарабии Гулькин предал интересы Бессарабии.

В поддержку предложения Д.П.Гулькина выступили депутат от Кутаисской губернии, лидер группы социал-демократов, грузин Гегечкори Е.П., депутат Саратовской губернии, граф Уваров А.А., русский по национальности, депутат от Сувалской губернии, лидер группы трудовиков, литовец Булат А.А., а также лидеры кадетов, русские Милюков П.Н. и Шингарёв А.И. Е.П.Гегечкори в своём выступлении отметил: «Мы утверждаем, что Гулькин, который защищал интересы молдаван, является истинным представителем молдавской на-

ции». (Сессия 4, заседание 18, 12 ноября 1910 г.)

Отвечая на обвинения в свой адрес со стороны молдавского священника Николая Гепецкого, Д.П.Гулькин скажет: «Так неужели я не имею право защищать бессарабских крестьян молдаван? Мне становится стыдно и жалко этих людей, ибо я бессарабский житель… молдаване есть наш народ, православный и очень лояльный. Я нахожусь в самом центре Бессарабии, в уезде, где население сплошь молдаване. Передо мною масса писем и телеграмм… где молдаване просят со слезами на глазах, чтобы они приобщались к государственной трапезе, как и другие народы». Реакционное большинство Государственной Думы, под влиянием остальных восьми реакционных бессарабских депутатов, отклонило предложение Д.П.Гулькина в защиту прав бессарабских молдаван на начальную школу на родном языке.

Тогда Д.П.Гулькин, после окончания заседания, в тот же день, 12 ноября 1910 года, в пятницу в 18.55 часов, написал статью «Местный язык в Бессарабии», которую на второй день, в субботу 13.11.1910 года, направил прогрессивным бессарабским газетам, которые издавались в Кишинёве на русском языке. К чести редакторов русских газет «Бессарабская жизнь» и «Бессарабец» статья Д.П.Гулькина была опубликована соответственно 17 и 18 ноября 1910 г. К сожалению, эти газеты не сохранились ни в Национальной библиотеке, ни в библиотеке Национального Архива Республики Молдова. Я получил сокращенный вариант этой статьи от Николая Василевича Гулькина из Нижнего Новгорода, правнука Ивана Петровича Гулькина, родного брата Д.П.Гулькина, который накопил богатый архивный материал о своём знаменитом предке. В полученном материале указывался фонд Национального Архива Республики Молдова, где находится данная статья. Здесь я нашёл полный вариант статьи в папке, с вырезками из газет «с подозрительными статьями», которые предоставлялись для оценки Губернатору Бессарабии.

Бессарабский
Вице-Губернатор
17 Ноября 1910 года

ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ
Господину Бессарабскому Губернатору

Вменяю себе в служебный долг и имею честь предоставить на благоусмотрение Вашего Сиятельства нижепомещаемую вырезку из №161 газеты «Бессарабец» отъ 18 Ноября 1910 года

Вице-Губернатор
Слово депутата Гулькина.
Местный языкъ въ Бессарабии.

Карты раскрылись. Бессарабское население, а в частности коренное население Бессарабии молдаване, это лояльное безропотное, но, к сожалению и великому прискорбию несчастное и забытое даже нынешней Гос. Думой, увидит печальную картину, нарисованную в заседании Гос. Думы 12 ноября 1910 г., его мнимыми избранниками и печальниками. Начались прения по пресловутому всеобщему народному обучению. Что говорили около 3 лет в комиссии нар. образования бессарабские депутаты – это тайна, ибо стране мало известно, что творится в комиссиях, но думская трибуна срывает маски с врагов государства и заставляет их показаться стране во всей своей грязной наготе. Еще в Думе 8 декабря с.г., бессарабский депутат, по национальности молдаванин, о. Гепецкий в своей русификаторской речи сказал:

– Господа, я свидетельствую, что молдаване с радостью и гордостью смотрят, когда их ребенок читает по церковно-славянски и что Гос. Дума не имеет права отказать молдаванам в преподавании их детям церковно-славянскаго языка, в противном случае – Дума обидит окраину, ибо население Бессарабии само искренно желает того, о чем я говорю.

Конечно, я в моей речи 10 ноября возразил о. Гепецкому, сказав, что подавляющее большинство Бессарабии, коренное население молдаване, тяготятся церковно-славянским языком, и внес поправку к ст.16 гласящей следующее: «В начальных училищах преподавание проводится на русском языке, допущенным министерством нар. просвещения». К этой статье партия 17 октября внесла правило, гласящее: «в местностях с населением польским, эстонским, немецким, татарским, эстонским, латышским, армянским, чешским и грузинским разрешается преподавание на природном языке учащихся; это вводится уездным училищным советом на основании желания местного населения, выраженного в форме приговора, постановления или ходатайства родителей соответствующего количества учащихся». Отсюда ясно, что, кроме желания местного населения и кроме приговора и ходатайства родителей, никто не вправе навязывать никому местный язык, и вот, видя, что поляки, литовцы, немцы, татары, эсты, латыши, армяне, грузины и горсть чехов получают особое право, а 1 с полов. мил. молдаван православных остается за флагом, я решил внести поправку – после слов «и грузинским» вставить слова и «молдавским». Что же вышло? Какой шум поднялся из-за моей поправки? О.Гепецкий вышел на трибуну и выругал меня, как извозчик, сказав, что я не в праве, будучи великороссом, вносить

поправку для бессарабских молдаван и что поправка вызовет в Бессарабии пожар, смерч, несчастье, преступления и др.несчастия. обозвал меня отщепенцем Бессарабии, так как я не молдаванин, и что я занимаюсь скупкою садов в Бессарабии, и что за меня крестьяне не подали ни одного голоса на выборах. И другие обидные слова говорили с трибуны как о.Гепецкий, так и никогда не говорящий Солтуз; теперь же и он вышел на трибуну, и хотя очень мало сказал, но зато очень глупо, по моему адресу и по адресу молдаван.

Теперь представляю судить всей нашей Бессарабии, кто из нас отщепенец, – я ли, старавшийся с начала 1 сессии Гос. Думы что-нибудь сделать для Бессарабии, а в частности для избравших меня молдаван, или о. Гепецкий и Солтуз, будучи молдаванами, изменили своей нации и нуждам Бессарабии. Вообще, я не удивляюсь тому: что против поправки голосовали греки Кара-Васили, Синадино, а также армянин Демьянович или Третьяченко, которому, как кухарке в пьесе Андреева, – «все равно», или Крупенский с Пуришкевичем, ищущие чашку министерского чаю, – но я крайне обижаюсь все-таки на о. Гепецкого как на священника, а также и на Солтуза, ведь для моей поправки не хватило только 3 голосов, а бессарабцы имеют 8 голосов. Лучше бы они уклонились и поправка прошла бы. Бог будет судить, а также и потомство рассудит, но моя совесть чиста.

Член Государственной Думы.
Д.Гулькин

Помещая эту статью, депутат Гулькин просит прийти к нему на помощь и разъяснить посредством печати населению Бессарабии, в каком положении находится он в Гос. Думе, бойкотируемый товарищами по губернии, и в каком положении очутилась Бессарабия, представляемая бессарабскими горе-депутатами. (Национальный архив Молдовы, фонд 2, опись 1, дело 9003).

7 февраля 1911 года, в ходе заседания 50 четвёртой сессии Государственной Думы, при обсуждении в третьем чтение законопроекта «О начальных училищах» Д.П.Гулькин вновь потребовал, чтобы бессарабским молдаванам было предоставлено право на начальную школу на родном языке.

«… если вы даете всем народам, даже бурятам и калмыкам и горсти чехов-колонистов в России, право изучать их родной язык, что вы отказываете в этом молдаванам, которые в Бессарабии составляют большинство населения? На каком же основании мы, русские, насилуем этот народ, православный народ и очень лоялен по отношению к нам».

Д.П.Гулькин будет говорить и об участии бессарабских молдаван в Русско-японской войне 1904-1905 гг.

«… молдаване запасные сражались под Мукденом, у императорских могил, как львы за Россию и Русского Царя. И вот эти храбрые молдаване не заслуживают в нынешней Государственной Думе, тем более справа, никакого уважения. Я ещё раз от имени бессарабских молдаван прошу Государственную Думу принять мою поправку».

Молдаванам Бессарабии так и не было предоставлено право на начальную школу на родном языке до 1917 года, когда в результате Февральской революции был свергнут царский режим.

Дионисий Петрович Гулькин выступил 225 раз в ходе пленарных заседаний третьей Государственной Думы. Тексты его выступлений в Госдуме занимают почти 500 печатных страниц. В основном это короткие выступления, на несколько минут, но у него есть и много больших выступлений до 10-20 минут. Большинство из них, это выступления с позиции честного русского гражданина. Когда он стал независимым депутатом, он говорил только то, что продиктовала ему его совесть, а не с партийных позиций.

Почти в каждом втором выступлении Д. П. Гулькин поднимал проблемы Бессарабской губернии и защищал права бессарабских молдаван.

11 мая 1912 года в своем выступлении в ходе 130-го заседания четвертой сессии Государственной Думы третьего созыва Д.П.Гулькин отмечал: «…что же им дали, этим молдаванам за целое столетие мы, русские люди?

…Бессарабия имела при присоединении и автономию, но всё улетучилось. Я не молдаванин. Я русский, но вы вплоть до молдавского языка отняли у них всё».

В ходе заседания 144-й пятой сессии от 01.06.2012 в своем выступлении Д.П.Гулькин подчеркнул: «Я говорю, что у нашего Правительства такова политика, чтобы разъединять, а не мирить, – такова она и в Бессарабии. Припомните, так как, может быть, вам это известно из газет: в нынешний столетний юбилей присоединения Бессарабии, кого облагодетельствовало русское Правительство? Греки и армяне получили награды, а местное крестьянство – молдаване, ничего не получили, местное крестьянство, которое считается лояльным в России. Такова политика в Закавказье, такова политика и в Бессарабии, такова везде на окраинах».

При обсуждении законопроекта «О применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской», отвечая

правым депутатам, которые в своих выступлениях высказали опасение, что поляки могут прийти к руководству земством в западных губерниях, Д.П.Гулькин отметит: «…я представляю инородческую губернию, где истинно русские заправляют губернией: у нас в Бессарабии 16 Крупенских, которые держат Бессарабию в тисках; они заправляют земством, они заправляют школой. Скажите пожалуйста, легко ли крестьянству бессарабскому, молдаванам, от того, что там земство истинно русское? У меня за 20 верст нет больницы, нет врача, нет в селении школы, потому что там… владеют Бессарабией гг. Крупенские». (Сессия 3, заседание 112,18 мая 1910 г.)

Д.П.Гулькин выступал в защиту молдаван, поляков, грузин, евреев и мусульман, а также своих единоверцев-старообрядцев. Он призывал к тому, чтобы всем гражданам Российской империи, независимо от национальности и вероисповедания, были предоставлены одинаковые права. Его позиции находили поддержку в центре и у левой части Государственной Думы.

В ходе 5-й сессии Государственной Думы третьего созыва при обсуждении законопроекта «О частных учебных заведениях, классах и курсах» в примечании к одной из статей, внесенной правыми депутатами, указывалось, чтобы право преподавания русского языка и литературы, истории и географии представлялось только лицам русского происхождения, Д.П.Гулькин обращается к другим депутатам от Бессарабской губернии, нерусского происхождения, чтобы они выступили против данного примечания, но безрезультатно: «Сидящие здесь члены Государственной Думы Солтуз, Думьянович, Синандино, Кара-Васили и отец Гепецкий, все они греки, армяне и молдаване, но они не только не защищают свой родной народ Бессарабии, они не хотят слушать и мою защиту, потому что они националисты (русские националисты) и им этого нельзя слушать, как же можно поколебать свою присягу, которую они, очевидно, дали национальной фракции.

Я только что обращался к члену Думы Солтузу – молдаванину – с вопросом: что же вы делаете, выходите на трибуну и протестуйте, ведь в нынешнее время в Бессарабии 9/10 учителей молдаван и молдаване от своего родного языка никогда не откажутся, у молдаван в семье всегда говорят на родном языке… так как же можно допустить это примечание; для Грузии или для Бессарабии, – и не говорю уже об армянах, поляках и немцах, я говорю только о православных, и грузины православные и молдаване тоже православные, значит, тут нечего толковать о неверии, даже с точки зрения владыки Евлогия немыслимо принимать это примечание. Что же нынешних бессарабских учителей надо изгонять, если они пожелают поместиться в этих новых училищах, и их по закону нельзя принимать». (Сессия 5, заседание 131, 12 мая 1912 г.).

В ряде выступлений в ходе обсуждения законопроекта «О начальных училищах» он будет защищать права представителей нерусского населения, то есть инородцев, как их называли в царской России, независимо от национальности и вероисповедания, быть учителями. Он будет выступать за соблюдение прав инородцев, когда обсуждался вопрос об уездных и губернских училищных советах и когда депутаты правых фракций настаивали, что право возглавить училищные советы имеют только русские по национальности, православного вероисповедания.

В своем выступлении в ходе 19-го заседания четвертой сессии, при втором обсуждении законопроекта «О начальных училищах» он ссылается на статью 31, которая предусматривала, что «учителями и учительницами в начальных училищах избираются русские подданные православного вероисповедания».

«Я, господа, с точки зрения малограмотного крестьянина понимаю: …Эта статья делит Россию на половину… на благонадежных и неблагонадежных. ….почему в боях Русско-японской войны не было такого деления. По данной статье даже нынешний министр народного просвещения (Л.А.Кассо) лишается права быть учителем в начальной школе, ибо он нерусского происхождения, он грек».

Д.П.Гулькин настаивает, чтобы учителями в начальной школе имели право быть те, кто имеет соответствующее образование, независимо от национальности и вероисповедания. «В конвой Его Имперского Величества казаков, терцев и кубанцев, старообрядцев допускают и им доверяют драгоценнейшую жизнь Государя, а в народных училищах преподавателями арифметики нельзя, не доверяют…

Я гг. вношу поправку: «в ст.31 слова «православного вероисповедания» исключить. По-моему, пусть будет в народной школе и мусульманин, и еврей, и чухна, и калмык – все русские граждане. (Голоса слева: правильно, правильно). (Сессия 4, заседание 19, 15 ноября 1910 г.)

При обсуждении в ходе пятой сессии законопроекта «О выделении из губерний Царства Польского восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии», в котором указывалось, что в новой

губернии преподавание всех предметов в народных училищах будет вестись на русском языке, Д.П.Гулькин выступит против русификации поляков, он выскажет своё видение по организации образования для нерусского населения и отношение к языку народа, среди которых он проживал, к языку бессарабских молдаван.

«Это насильственная русификация вашему покорному слуге очень известна. Она практикуется в Бессарабской губернии, которая заселена целиком коренным населением – молдаванами, которых русифицируют насильственно. У них отняли все из их автономии, которую они имели, у них ничего не осталось вплоть до родного языка, так что в Бессарабии у молдаван нет нигде школ на родном языке и не позволяют в народных училищах преподавать родной язык. Это ведет не к слиянию инородцев с нашим русским народом, с коренным русским населением, а посредством таких выпадов, таких законопроектов и тиках статьей о не допущении преподавания родного языка в начальных училищах только насаждают в крае среди инородцев сепаратизм, ненависть к русским, к русскому народу, который вообще ничего не имеет против инородцев, и если проводят насильственную русификацию среди инородцев, то это, я скажу, не народ – русский народ ничего подобного не хочет – но это делает кучка самозванцев, которые сеют раздор и смуту среди русских граждан.

…Мне кажется, что начальное образование должно быть дано человеку, прежде всего, чтобы он в начале учения изучил свой родной язык, чтобы он мог читать на своем материнском языке, как это было сказано в одной из речей члена Государственной Думы фон Анрепа. Затем государственный язык русский, как необходимый каждому русскому гражданину, обязательно изучать, да, он и необходим, он и будет преподаваться обязательно. Каждый, живущий среди инородцев, как ваш покорный слуга, изучит и инородческий язык.

… Я изучил добровольно этот инородческий язык, потому что мне необходим, потому что там надо его знать, тем паче инородцы, получающие образование и будучи русскими гражданами, они обязаны изучать русский язык. Но нельзя же лишать этих людей своего родного языка, ибо этим мы только посеем к себе ненависть, что уже и заметно». (Сессия 5, заседание 73, 22 февраля 1912 г.)

23 мая 1912 г. при обсуждении вопроса «О выдачи из казны ежегодного пособия на содержание Звенигородского коммерческого училища» на пленарном заседании Государственной Думы Д.П.Гулькин отметил: «Господа. Что говорят справа по отношению к евреям? Это песенка всем известна, но я скажу, как человек, стоящий вне партийности, как человек, не имеющий плохого взгляда на инородцев, как русский гражданин и как православный, посмотрите, гг., как из таких же самых евреев в Западной Европе и Америке вырабатывают государственных мужей. Например, в Лондоне, таких как лорд Биконсфильд, в Австрии, как граф Лекса Эренталь, а у нас воспитывают из евреев врагов государства. (Сессия 5, заседание 137, 23 мая 1912 г.)

Д.П.Гулькин утверждает, для того, чтобы Россия была сильной, необходимо, чтобы все народы Империи пользовались равноправием и свободой.

«Мы неоднократно читаем и в «Новой Руси» и в «Речи», и в передовой статье «Новаго Времени», что наши писатели требуют в Оттоманской империи равноправия всех народностей. Так я бы сказал: пускай наши писатели и наше Правительство постараются прежде уравноправить свои народы, а потом обращаются в другие государства, куда обращаться не следует, где проповедуется единение и прогресс, а здесь, где кричат с трибуны: бей евреев или избивай инородцев, – здесь надо проповедовать мир, а не человеконенавистничество. Я гг., скажу в заключение – не буду распространяться, ибо время теперь дорогое – что великий геометр и механик Архимед сказал: «дайте мне точку опоры вне нашей планеты, и я вам переверну землю». Так и я вам говорю: дайте всему народу, подданному Российской империи, дайте ему свободу и права, пусть он почувствует, что он у себя дома, чтобы он везде с гордостью носил гражданство русское, что я русский гражданин, и тогда мы без всяких союзов будем служить грозой всем соседям-врагам (рукоплескания слева)». (Сессия 3, заседание 100, 3 мая 1910 г.)

Выступления Д.П.Гулькина в Государственной Думе по различным вопросам привлекают внимание прессы. Его острые высказывания и умение обратить внимание на самые наболевшие вопросы общества признаются даже политическими оппонентами. Так, член русской национальной фракции, депутат от Минской губернии Павлович И.Я. в своем выступлении отмечает: «… депутат Гулькин лишь с весны этого года эволюционировал и вдруг превратился по уверению газет в самородок». (Сессия 3, заседание 14, 16 ноября 1909 г.)

По результатам своей деятельности депутат Гулькин Д.П. был настоящим феноменом в Государственной Думе. Он поднялся выше имперского менталитета, который был характерен для многих представителей титульной нации Российской империи, стал человеком передовых взглядов и по многим вопросам опередил свою эпоху. Д.П.Гулькин

был единственным защитником прав молдаван среди тех 26 депутатов, которые представили избирателей Бессарабской губернии во всех четырёх Государственных Думах.

Несмотря на то что о Д.П.Гулькине упоминают в своих работах бессарабские публицисты и политические деятели, Пантелеймон Халиппа, Петре Казаку, Антон Крихан, великий румынский историк Николай Йорга, бессарабский историк Александру Болдур, американский историк К.У.Кларк, российские историки А.Я.Аврех, А.А.Дорошенко, Ю.В.Клюкина, Ф.А.Селезнев, до последнего времени о нем в Республике Молдова практически ничего не было известно.

Более подробную информацию о Д.П.Гулькине можно найти в книге А.К.Гросу «Молдавский великоросс. Бессарабский феномен в Государственной Думе Российской империи», Кишинев, 2011. Книга посвящается 150-летнему юбилею со дня рождения Гулькина Дионисия Петровича, депутата Государственной Думы от крестьян Бессарабской губернии. Народному трибуну. Защитнику молдаван, инородцев, иноверцев и всех угнетенных в высшем законодательном собрании Российской империи. В 2013 году книга была издана на румынском языке.

* * *

После истечения полномочий Государственной Думы третьего созыва 9 июня 1912 года Д.П.Гулькин возвращается в родные Теленешты, где занимается сельским хозяйством, в основном садоводством и виноградарством. В селе Инешты, которое находится рядом с Теленештами, он покупает земли и закладывает большой сад. Деревья, посаженные Д.П.Гулькиным, сохранились и сегодня. В Инештах у Д.П.Гулькина были пасека, винпункт и сушилка для фруктов.

После 1918 года, когда Бессарабия входила в состав Королевства Румынии, ему была назначена персональная пенсия, видимо, по ходатайству Пантелеймона Халиппа, который занимал должность министра Бессарабии в Правительстве Румынии. Румынское правительство признало его заслуги в защите прав молдаван Бессарабии в Государственной Думе Российской империи.

После смерти жены Д.П.Гулькин встречает свою последнюю любовь, молдаванку Марию Друцэ из села Инешты, которая была моложе его на тридцать лет. Несмотря на то что они не зарегистрировали официальный брак, они дали жизнь, вырастили и воспитали четырёх сыновей, которые носили фамилию матери. От этих четырёх сыновей у них 27 внуков и 36 правнуков. Двое из сыновей Д.П.Гулькина, восьмидесятитрехлетний Василие Друцэ и восьмидесятивосьмилетний Афанасие Друцэ, проживают в селе Инешты Теленештского района. В Теленештах сохранился дом, в котором проживал Д.П.Гулькин. Скончался он 27 февраля 1947 года в возрасте 86 лет.

* * *

Минуло уже более ста лет от тех событий, когда депутат от крестьян Бессарабской губернии потребовал, чтобы бессарабским молдаванам было предоставлено право на начальную школу на родном языке, которое было бы первым шагом их выводу из мрака темноты, мы должны дать дань уважения этому единственному защитнику наших предков в высшем законодательном собрании Российской империи и надеемся, что Д.П.Гулькин займёт заслуженное место в истории, чтобы о нем упоминали в школьных и университетских учебниках.

Пантелеймон Халиппа писал: «… дворяне и священники Бессарабии проявляли холодное равнодушие по отношению к проблемам молдавских крестьян…». Д.П.Гулькин поднялся в защиту прав бессарабских молдаван в том периоде, когда, как отмечал в 1905 году Ион Пеливан, один из лидеров национального освободительного движения, интеллектуальные силы других народов поднимались в защиту прав своих соплеменников, молдавские же интеллектуалы проявляли полное бездействие: «… наши молдавские интеллектуалы продолжают самое постыдное молчание: ни слова открыто не произнесли относительно национальных нужд молдаван. Ни одной жалобы, ни одного пожелания, ни одной резолюции. Какое скандальное молчание!

Когда наконец, Господа дворяне, Земские представители, святые отцы духовники и другие, живущие исключительно из народного пота, когда они откроют рот об этом исключительно важном вопросе для Бессарабии».

Более того, за то что он потребовал в Государственной Думе право на начальную школу на родном языке для детей бессарабских молдаван, Д.П.Гулькин был оклеветан и назван «предателем интересов Бессарабии» бессарабскими депутатами молдавской национальности, а именно священником села Старо-Казачье Аккерманского уезда Гепецким Н.Е. и головой города Сороки Солтузом Н.М., которые, как выразился Пантелеймон Халиппа, потребовали, чтобы была отклонена поправка Д.П.Гулькина: «…предатели рода не подвержены чувством жалости к этому бедному народу, который своим потом привёл их на верх социальной пирамиды».

Д.П.Гулькин поднялся в защиту прав и достоинств бессарабских молдаван тогда, когда в результате политики русификации, проводимой царскими властями, которые использовали и авторитет православной церкви, большинство безграмотного молдавского крестьянства не осознавало ещё собственные национальные и духовные потребности.

Великий румынский историк Николай Йорга в статье «Боль и надежды из Бессарабии» опубликованной в 1906 году в №57 газеты «Neamul românesc», приводит следующую информацию: «На последних заседаниях земства Кишиневского уезда, одного из самых «молдавских» уездов Бессарабии, когда обсуждался вопрос об организации обучения на румынском (молдавском) языке в сельских земских школах, все двенадцать представителей крестьян были против и предложение было отклонено. Господин Дическул, предводитель дворянства, председатель заседания, был возмущен и после закрытия заседания не находил достаточно выражений, чтобы объяснить крестьянским представителям, как недостойно они себя проявили при голосовании по проблеме национальной важности».

Осознавая свою ответственность перед молдавскими крестьянами из Бессарабской губернии, которые избрали его депутатом Государственной Думы третьего созыва Российской империи, Д.П.Гулькин выступал с думской трибуны в защиту их прав и интересов в 1907-1912 годах в период, когда в Российской империи были ограничены демократические свободы, когда царили полицейский произвол и черносотенские погромы, когда и он сам рисковал быть подвергнутым полицейскому произволу. Как он отмечал с думской трибуны: «И вот я решил говорить, прекрасно помня, в каком я положении. Быть может, мне будет не мёд, быть может, я рискую быть в тюрьме от полиции, но правду нужно сказать…» (Сессия 3, заседание 53, 22 февраля 1910 г.)

Надеюсь, правда об этом защитнике молдаван восторжествует.

Были сделаны первые шаги, чтобы вывести из безвестности Д.П.Гулькина. Были опубликованы статьи о нем в периодической печати. Достаточно удачно и метко назвал свою статью о Д.П.Гулькине Тудор Русу в еженедельнике „Făclia” от 22.04.2011 года «Один человек против целой империи». Заслуги Д.П.Гулькина в защите прав и интересов бессарабских молдаван должны быть признаны на национальном уровне.

29 августа 2014 года в г. Теленешты был открыт районный музей истории и этнографии, где достойное место занимают оригиналы фотографий Д.П.Гулькина думского периода и его личные вещи. Если на празднике «Наш язык румынский» или на других национальных праздниках будем отмечать тех, кто способствовал тому, чтобы румынский (молдавский) язык почувствовал себя на территории между Днестром и Прутом как у себя дома, помянем добрым словом и русского старообрядца Дионисия Петровича Гулькина. Он этого заслуживает. Пришло время вспомнить добрым словом имя этого великодушного молдавского великоросса.

* * *

В Государственной Думе третьего созыва Д.П.Гулькин будет защищать права и старообрядцев. Поддержанный еще 31 депутатами, подписывает заявление с требованием о создании Комиссии по старообрядческому вопросу из 15 человек. На 12-м заседании первой сессии Государственной Думы третьего созыва от 29.11.1907 г. Д.П.Гулькину, как первому подписывающему это заявление, предоставляется слово. Он просит, чтобы вопросы старообрядчества не рассматривали в вероисповеданной комиссии вместе с магометанским и еврейским вопросами, ибо старообрядцы тоже православные и русские, искренно любящие своего Государя и Отечество.

В ходе заседания 23 первой сессии от 25.01.1908 г. на пленарном заседании Государственной Думы на основании заявления председателя комиссии по старообрядческим вопросам Караулова В.А. был включен вопрос о передаче в комиссию ряда законопроектов по проблемам старообрядцев, которые были внесены ранее в комиссию по делам Православной церкви. В прениях по этому вопросу выступил и Д.П.Гулькин: «Господа народные представители, я избранник православных христиан, не старообрядцев, но, будучи старообрядцем, не могу не сказать вам, господа народные представители, несколько слов по поводу этих законопроектов, которые просят старообрядцы передать их старообрядческой комиссии. Эти законопроекты говорят о старообрядческих и сектантских общинах, об упорядочении гражданского правового положения старообрядцев и сектантов, браки которых не записаны в метрических книгах. Это совершенно верно, господа, ведь старообрядцы – есть ли еще несчастнее народец в мире – как старообрядцы, которые живут предоставленными самим себе 250 лет.

Дайте же нам, господа народные представители, типичнейшим истинно русским людям, вашим братьям, дайте хотя то право, которое имеют евреи. Ведь еврейские раввины, как казенные, так и духовные, утверждены Правительством; еврей-

ские казначеи утверждены Правительством. У старообрядцев этого ничего нет. У меня есть два сына. Меньший сын ростом выше старшего; тянут меньшего на очередь, говорят, он старше. Ни метрических книг, ни законов нет. Имеются в России калмыки, кочующий народ язычники; их духовенство утверждено Правительством…

Поэтому я прошу вас, господа народные представители, если найдете, что нет ничего вредного в этом, то прошу передать упомянутые законопроекты в старообрядческую комиссию».

Будучи членом комиссии по старообрядческим вопросам, Д.П.Гулькин принимал активное участие в разработке законопроекта «О старообрядческих общинах». Он болезненно воспринял тот факт, что во время обсуждения законопроекта большинство правых депутатов и особенно представители клерикальных кругов выступали с осуждением и издевкой над проблемами старообрядчества, в том числе и его коллеги из умерено-правой фракции. Д.П.Гулькин выступил с большой речью на пленарном заседании Государственной Думы от 13 мая 1909 г., излагая историю старообрядчества и основные проблемы старообрядцев.

В ходе обсуждения законопроекта «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», он будет выступать за свободу, за равноправие российских граждан независимо от национальности и вероисповедания.

На формирование его политических взглядов определенное влияние оказали не только выдающиеся личности, с которыми Д.П.Гулькин сотрудничал в Государственной Думе третьего созыва, но и произведения великого русского писателя-моралиста Льва Николаевича Толстого. Более глубокий анализ выступлений Д.П.Гулькина доказывает, что принципы социального и этно-религиозного течения «толстоизма», возникшего под влиянием философско-религиозных идей Л.Н.Толстого, были близки политическим взглядам Д.П.Гулькина. В ряде выступлений он осуждает убожество, в котором находились самые бедные слои общества. Требовал земли для бедных крестьян. Поддерживал развитие образования в России. Защищал не только интересы молдаван, которых представлял в Государственной Думе, но и других инородцев, порабощенных Российской империей. Тот факт, что Л.Н.Толстой в своих религиозных поисках прибегает и к старообрядчеству, еще больше приближает Д.П.Гулькина к концепциям великого русского писателя с мировым именем.

По некоторым признаниям, в последние тридцать пять лет жизни Д.П.Гулькин не употреблял мясо, был вегетарианцем, что подтверждает лишний раз его симпатию к «толстоизму».

Последние дни Л.Н.Толстого, когда ежедневно публиковались сведения о состоянии его здоровья не только в российских газетах, но и всего мира, а также его похороны в Ясной Поляне, держали в напряжении общественное мнение в России и в мире. Отречение Святым Синодом Л.Н.Толстого от христианской церкви в феврале 1901 года и лишение его права быть похороненным по христианским обрядам из-за того, что великий писатель отрицал некоторые церковные догмы и тот факт, что Л.Н.Толстой до конца своей жизни отказался примириться с церковью, определило решение Святого Синода запретить все официальные поминки Л.Н.Толстого в церквях.

По направлению к местности Астапово, где скончался Л.Н.Толстой, потом к Ясной Поляне, где 9 ноября 1910 года проходили гражданские похороны великого писателя, имело место настоящее паломничество интеллигенции, учащейся молодежи и крестьянства из разных губерний Российской империи. Управление железной дороги Москва-Курск было вынуждено предоставить несколько дополнительных составов для перевозки в Ясную Поляну делегаций. Хотя Святой Синод запретил проведение поминальных служб по Л.Н.Толстому в подведомственных православных церквях, все-таки во многих неправославных христианских церквях были проведены поминальные службы. Общественное мнение во всей России с глубокой скорбью восприняло известие о смерти великого русского писателя. Большинство театров России перенесли свои спектакли. Не осталась безучастной и Государственная Дума Российской империи.

В понедельник, 8 ноября 1910 года в 11 часов и 25 мин. открылось 15-е заседание четвёртой сессии Государственной Думы третьего созыва. Объявляя заседание открытым, А.И.Гучков, Председатель Госдумы, отметил: «Наше Отечество переживает тяжелое горе, умер граф Л.Н.Толстой, великий мыслитель и великий художник, составляющий гордость России, славу всего человечества. Господь милосердный да откроет перед ним Царство Небесное. Предлагаю Государственной Думе почтить память его вставанием (Все встают за исключением некоторых членов Государственной Думы справа). В знак глубокой нашей печали предлагаю прервать наши занятия на сегодняшний день».

С правой стороны Думы раздаются голоса протеста. Член правой фракции, депутат от города Вильна (Вильнюс) Г.Г. Замысловский просит слово. Он высказался против того, чтобы почтить память Л.Н.Толстого перерывом занятий Государ-

ственной Думы, подчеркнув, что Л.Н.Толстой за последнее время отрицал церковь, государство, государственные учреждения, семью и собственность. Толстой умер в разрыве с церковью, и церковь отказалась хоронить согласно православным обрядам.

А.И.Гучков ставил на голосование предложение о перерыве занятий Государственной Думы на 8 ноября 1910 г. Большинством голосов предложение было принято. Заседание Государственной Думы было объявлено закрытым. Заседание не состоялось и 9 ноября 1910 года в день похорон Л.Н.Толстого. Государственная Дума возобновила свою работу только 10 ноября 1910 года.

Д.П.Гулькин тяжело переживал смерть великого писателя и написал статью «Свершилось» (Голос старообрядца) и направил в редакцию газеты «Бессарабец», которая издавалась в Кишинёве. Статья была опубликована в №166 от 23 ноября 1910 г.

Несмотря на то что номер этой газеты не сохранился, тем не менее в фондах Национального Архива Республики Молдова мне удалось найти вырезку из газеты с данной статьей, которая «была представлена на благоусмотрение» царскими чиновниками бессарабскому губернатору, наряду с другими «подозрительными» материалами.

Бессарабский
Вице-Губернатор
23 Ноября 1910
№842

ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ
Господину Бессарабскому Губернатору

Вменяю себе в служебный долг и имею честь предоставить на благоусмотрение Вашего Сиятельства нижепомещаемую вырезку из №166 газеты «Бессарабец» от 23 Ноября 1910 года

Вице-Губернаторъ
Свершилось
(Голос старообрядца)

Постигло наше отечество великое горе, умер величайший в мире старец гр.Л.Н.Толстой, краса и гордость России и всего человечества, оставил чувственно-земную и превременную жизнь великий, незаменимый гений; сомкнулись пресладкие уста всемирннаго Златауста, проповедавшего миру нестяжание; смежились телесные очи приснопоминаемого ясновидца, изсяк, чувственно всемирный источник источавший обильно пресладкую целебную по учениями миролюбия живую воду; не услышит боле мир песню сладкопевчевой ластовицы, отошел в вечность всемирный прехвальный Апостол – мира и любви; прекратилось священное для человечества дыхание прекороткой, незлобивой голубицы, призывавшей человечество не противиться злу; зашло во гроб всемирное мысленное солнце, согревавшее проповедью сердца и души обездоленных; переселился в вечность – непримиримый враг человеконенавистничества, погромов и смертной казни; померкнуло чуственно-немерцаемое светило, просвящавшее сердца и души людей, закатилась бозвозвратно лучезарная всемирная мысленная звезда, наставлявщая лучами проповеди человечество на путь мира и незлобия; умолк учитель, отец, друг и заступник обездоленного русскаго крестьянства, взывавшй свободным голосом к власть имущим: «дайте страждущему, нуждающемуся крестьянину землицы, и страна успокоится»; запечатлилась священная для человечества гортань, обличавшая насильников и чинителей произвола и взывавшая к поборникам смертной казни: «не могу молчать»; не достигает разум достойно оценить великого мыслителя, одарившего мир неоценимым сокровищем: «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресенье» и много других на пользу человечеству.

Объединитеся же, друзья, мысленно, без различия веры и национальности, помолимся Творцу вселенной, да учинить душу усопшаго раба своего Льва в месте злачне, в месте покойном, идеже праведнии упокояются.

Крестьянин, член Государственной Думы.
Д.П.Гулькин

(Национальный Архив Молдовы, фонд 2, опись 1, дело 9003).

Вот так написал о великом русском писателе Л.Н.Толстом этот бессарабский крестьянин, который по своему выражению не окончил даже начальной школы, этот крестьянин самоучка, жаждущий знаний, этот скромный русский, одаренный врожденным чувством справедливости и любви к людям, этот мудрый крестьянин, депутат Имперской Думы со стороны крестьян Бессарабской губернии, которым был Д.П.Гулькин.

Библиография

1. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1907-1908 гг. Сессия первая. Часть первая. Заседания 1-30 (с 1 ноября 1907 г. по 19 февраля 1908 г.). Санкт-Петербург. Государственная типография, 1908.

2. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчёты 1909 г. Сессия вторая. Часть четвёртая. Заседания 101-126 (с 27 апреля по 2 июня 1909 г.). Санкт-Петербург. Государственная типография, 1909.

3. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчёты 1910 г. Сессия четвёртая. Часть первая. Заседания 1-38 (с 15 октября по 17 декабря 1910 г.). Санкт-Петербург. Государственная типография, 1910.

4. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчёты 1911 г. Сессия четвёртая. Часть вторая. Заседание 39-73 (с 17 января по 5 марта 1911 г.) Санкт-Петербург. Государственная типография, 1911.

5. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчёты 1912 г. Сессия пятая. Часть третья. Заседания 84-119 (с 5 марта по 28 апреля 1912 г.) Санкт-Петербург. Государственная типография, 1912.

6. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчёты 1912 г. Сессия пятая. Часть четвёртая. Заседание 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г). Санкт-Петербург. Государственная типография, 1912.

7. Госархив Республики Молдова Ф № 9, оп. № 9, д. № 250, Ф № 2, оп.№1, д № 9003.

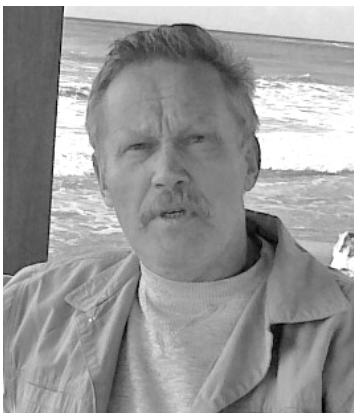
8. А.К.Гросу. «Молдавский великоросс. Бессарабский феномен в Государственной Думе Российской империи». Кишинев, 2011.

9. А.К.Гросу. «Lipoveanul. Un fenomen basarabean în Duma de Stat a Imperiului Rus". Chişinău, 2013.

10. Ю.В.Клюкина. «Старообрядцы и политические партии 1905-1917 гг.) «Проблемы истории России», вып.5, Екатеринбург, 2003.

11. Ф.А.Селезнёв «Судьба законопроекта о старообрядческих общинах 1905-1914 гг.». Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского, №1, 2008.

Виктор ГРИШИН



Гонка ценою в жизнь

Мы были высоки, русоволосы,
Вы в книгах прочитаете как миф
О людях, что ушли недолюбив, Не
докурив последней папиросы.
«Мы». Николай Майоров.

Эти простые, но продирающие до озноба строки касаются и моего отца. Он современник поэта-фронтовика Николая Майорова. Почти ровесники, оба ивановские. Николай Майоров рано начал писать стихи, и я думаю, что в студенческой аудитории, к которой принадлежал мой отец, зачитывались молодым поэтом-студентом. Затем их породнила война.

Эту историю я слышал от отца. Будучи студентом последнего курса Шуйского учительского института (прообразы педагогических институтов), он был призван на второй день после объявления войны. Начинал служить на Карельском фронте, потом были Ленинградский, Белорусский. Закончил войну старший сержант Гришин Алексей Иванович в Кенигсберге, после чего был демобилизован по указу Сталина как преподаватель. Учителей увольняли в запас к первому сентября.

В 1965 году зародилась традиция в нашем городе ходить на кладбище и поминать всех, кто ушел от нас. Девятое мая стал народным праздником, независимо кто кем был: фронтовиком, тружеником тыла, ребенком, стоявшим за станком на ящике. Этому способствовало постановление правительства вновь объявить День Победы выходным. Наш город война, слава Богу, не достала. Но в нем размещались госпитали, и умерших от ранений фронтовиков хоронили на старом погосте. Воинское кладбище выглядело очень скромно: земельные холмики с пирамидками, на которых указывалось, кто захоронен. Монументы, трибуны будут позже.

Фронтовики не проходили мимо воинского захоронения. Привыкшие больше к спецовкам, они неловко чувствовали себя в костюмах. На пиджаках – ордена, медали. Им не нужно было речей. Останавливались у воинского кладбища и поминали тех, кто не дожил до Победы.

На обед собирались у моего деда, Гришина Ивана Ивановича, который по возрасту не был призван на фронт, но за ратный труд в тылу награжден медалью «За доблестный труд».

А потом была война. Баскакова (Гришина) Нина. (второй ряд вторая справа) 1941 год
Парни во втором ряду с войны не вернутся.
Мальчишки будут работать на прядильно ткацкой фабрике

Я и сейчас вижу их, своих дядьев. Это были «чернорабочие» войны. Рядовые, сержанты, они добросовестно тянули свою солдатскую лямку. С винтовкой или с пулеметом, они были на различных фронтах, закончив войну кто в Берлине, кто в Праге, кто в Кенигсберге.

Великая Отечественная война. Она на генном уровне впиталась в нас, и мы, независимо от возраста, были причастны к ней. Мы были военными с детских лет. Любимым головным убором у уличных пацанов была солдатская пилотка. Как нам хотелось послушать родственников, которые, выпив за Победу, становились разговорчивее, однако бабушка, накормив, выпроваживала нас на улицу. Но мальчишки есть мальчишки. Пропустить воспоминания родителей о войне! Мы прильнули к окну, и я услышал голос отца. Это меня очень удивило. Наши родители не любили рассказывать о войне. «Нужно было, вот и воевали» – отмахивался от меня отец. Он даже по телевизору фильмы не смотрел. Исключение было сделано для фильма «Живые и мертвые», поставленного по трилогии К.Симонова.

– Карельский фронт открыли в августе 1941 года, – слышал я голос отца. – Под Ленинградом мы

прошли курс молодого бойца и – на Карельский перешеек. Фронт хоть и открывался, а войска оттуда и не уходили после финской кампании. – Отец помолчал, потом добавил: – Мы и не знали, что против нас стояли финские егеря. Старослужащие рассказывали, что губят солдат не перестрелки, а финские снайперы. Это бывшие охотники, которыми богата северная Финляндия. Эти парни пощады не знали.

Баскакова Н.Г., 1943 год

Били хладнокровно. Причем выбивали старший и младший комсостав. Выйдет командир отделения из землянки по надобности, – щелчок, и нет человека. И снова тихо, только сосны шумят. Осень наступила рано, в сентябре уже холодно. Зарядили дожди со снегом, – продолжал отец. – Промокнем на учениях, а спрятаться некуда. Температура снижается, шинели – колом. На ногах ботинки с обмотками, и в них – по болотам! Все простудились. – Отец вздохнул. – Наше счастье, что активных боевых действий на участке еще не было. А то не знаю, какие мы были бы защитники. Вскоре ударили морозы. Они сковали озера. На их поверхности можно было кататься на коньках. В это время стали формировать лыжные истребительные батальоны. Первую роту сформировали быстро. На прикидочных гонках было видно, кто спортсмен-лыжник, а кто вытягивал только на природной силе. Шинель и солдатские ботинки как-то с лыжами не увязывались, да и вооружение (винтовка) для лыж было неподходящее.

То, что отец занимался лыжами и имел первый мужской разряд, это я знал. Он был чемпионом по лыжным гонкам в Шуйском учительском институте. Обычно отец мало интересовался, чем занимаются его сыновья, но что касается лыж, то он не был безразличным к нашим успехам. «Тренируйтесь, мальчишки, бегать на лыжах, в армии пригодится», – говорил он. Так что сообщение отца о лыжном батальоне меня особенно не удивило.

– Стали тренироваться. Много бегали по пересеченной местности. Карелия – это не средняя полоса России, где приличную горку надумаешься найти. Мы были равнинные спортсмены, и гонять с сопок, да еще маневрировать среди гранитных глыб, было сложно. Когда бегали на ботинках, было совсем плохо: ремни ногу не держали. Нельзя было не только лыжами управлять, устоять невозможно. А тут еще винтовка бьет по ногам. Командование поняло проблемы, и нам выдали кирзовые сапоги. До стычек с финнами дело не доходило. Они вышли на свои исторические рубежи, заняли Петрозаводск и остановились. Стояли и мы.

Баскакова Н.Г., 1944 год

Отец замолчал, собираясь с мыслями. Сидевшие за столом тоже молчали. Чтобы Алексей Иванович разговорился… Подействовал, наверное, День Победы, который стал выходным днем, вручение юбилейной медали «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Не секрет, что отмена с 1948 года выходного дня девятого мая да плюс Указ Президиума Верховного Совета от 1947 года об отмене денежных выплат по орденам и медалям негативно повлияли на настроение бывших фронтовиков.

– Однажды нам выдали белые масхалаты и сухой паек, – продолжал отец. – Пополнили боекомплект. Все это сложили в армейский вещмешок, почему-то прозванный в армии «Сидор». Ох уж этот «Сидор»! Более неудобного мешка трудно что-либо найти. С ним ходить-то невозможно, не то что на лыжах бегать. Возглавил роту старшина… – Отец напрягся. – Нет, не помню фамилии. Знаю, что он был чемпионом России по лыжным гонкам. Десять километров пробегал за милую душу, словно разминался. Мы, кто до войны занимался лыжным спортом, пытались от него не отставать, но не удавалось. Уходил.

Рано утром построили роту. Старшина объяснил задачу, и мы пошли. Поняли, что марш-бросок длительный. С утра был хороший морозец и лыжи скользили неплохо. Старшина впереди поставил наиболее сильных лыжников, чтобы прокладывали лыжню. Так что я оказался за старшиной.

– Слушай, Алексей, – перебил отца дядя Гена, – насколько я помню, в финскую войну наших немало полегло из-за отсутствия лыжной подготовки. Я как раз призывался в 1939 году, так не помню, чтобы мы активно бегали.

– Ты прав, Геннадий, – ответил отец, – если даже и учили, то как-то по-строевому. Рисунки разбирали, как стрелять с лыжных палок, ложиться, не снимая лыж. Этого мало. Бегать нужно уметь, все остальное придет. И вообще, воевать с финнами дело тяжелое. Они же люди лесные. Мы в лесу, как куропатки, сбиваемся в кучу, а они словно тени между деревьев скользят. Да потом и лыжи у них особые. Вроде охотничьих, даже шкурами подбиты. Идем мы достаточно быстро, подгонять не нужно. Лес сосновый, строевой, стволами в небо уходит. Тишина, только вершины сосен шумят. Страшно. Чувствуешь, что тебя кто-то ведет на мушке. А что сделаешь: твоя задача от старшины не отстать. А он спуску никому не дает. Успевает задних бойцов подгонять и впереди идти. Железный парень, что и говорить. Не помню, сколько времени прошло, но рассвет забрезжил. Заря как желток разлилась где-то вдалеке. О солнце и говорить нечего, оно из-за сопок так и не появилось. Среди сосен просвет выглянул. Старшина остановился, фонариком под полой карту осветил, посмотрел и вполголоса сказал, что сейчас будет озеро. Это недалеко от финских позиций. Идти нужно максимально быстро. На льду мы отличная мишень. Сказал и пошел вперед. Мы – за ним. Хотя мы и лыжная рота, но лыжников в нее набрали немного, остальные – просто крепкие ребята. Растянулись по озеру прилично.

Н.Г. Баскакова Перед Парадом Победы, 1945

Отец снова замолчал. Налил себе воды, выпил. Народ терпеливо ждал. Все понимали, что сейчас будет развязка. О простом переходе отец бы и рассказывать не стал.

– Я иду, чувствую, что ноги немеют. Темп старшина взял высокий. Да и не в ботинках лыжных бежим, а в кирзовых сапогах. Подошвы елозят по резиновой накладке, а она старая, стертая. Наледь образуется, а сбивать некогда. Того гляди, сапог съедет в сторону и в снег закопаешься. Шинель по ногам колотит, идти мешает.

И тихо. Кажется, дыхание последнего слышишь. Вдруг… Я даже не понял, что это. Словно палкой по забору кто-то играется.

– Бойцы, финны! – закричал старшина – Ложись! Занимай оборону. А мы народ еще необстрелянный, встали и головами крутим. Где они, эти финны? В какую сторону ложиться и оборону занимать. Озеро же, голову некуда спрятать.

Наблюдатель. Зенитная батарея в Рублево. Оборона Москвы.

– Ложись! – кричит старшина. – Слева егеря! Передай по шеренге. – А сам быстро упал и винтовку – наизготовку. – Слышите, из пулемета бьют. Во-он там, на сопке, у них пулеметное «гнездо».

– Мне повезло, – продолжил отец. – Я был рядом со старшиной и все делал как он. Частокол по забору сменился более быстрым тарахтением. Это заработали автоматы, а егерей не видно.

– Смотрите на сопку! На склон! – надрывался старшина. – Цельтесь и стреляйте по моей команде. Не дайте им спуститься со склона. На озере они нас изрешетят!

– Вот тут-то я их и увидел. Егеря предстали во всей своей красе и подготовке. На коротких лыжах с ботинками, надежно схваченными жесткими креплениями, они виртуозно спускались со склона сопки. Лыжными палками они не пользовались. Ремни палок висели у них на руках, а ладони сжимали автоматы. Ловко огибая гранитные валуны, финны еще и стреляли. Они били по нам очередями. Да так, что мы голов не могли поднять.

– Цельтесь! – кричал старшина – Огонь!

– Из нашей цепи раздались одиночные выстрелы. Что скажешь, – задумчиво сказал отец, – винтовка она и есть винтовка, очередями стрелять не может. Потом мы народ был необстрелянный, торопимся. Да еще сумрачное марево над озером клубится, прицел не видишь. Вскоре у нас в цепи стоны разда-

лись. Винтовки затихать стали. А егеря почти со склона спустились. Некоторые уже у подошвы сопок оказались. Похоже, на две группы разбиваются. Нас обходить собираются. Я их наконец-то разглядел. Высокие, крепкие, в коротких куртках. За спиной прижатые к спинам рюкзаки. Все пригнанное, ничего не болтается. Им даже ветер не мешал: шапки с длинными козырьками укрывали лицо, но стрелять не мешали. И глаза. Мне показалось, что я увидел их глаза. Они сверкали, словно лезвия финских ножей. В них был только холод. В душе у меня зародился страх, что противостоять этой группе мы не сможем. Я, – продолжал отец, – поставил последнюю обойму и, видя, что старшина стреляет редко, решил не спешить тоже. А на фланге стали затихать выстрелы.

– Все… – выругался старшина, – патроны расстреляли, а финны к нам еще не подошли.

Демобилизация. Осень 1945 года

– Что будем делать, старшина? – спросил кто-то из бойцов, что лежали рядом с командиром. – Похоже, они нас обходят.

– Не только обходят, – зло сплюнул старшина, – они нас в плен брать будут. Слышите, не особенно активно стреляют, так, больше для испуга.

Воцарилось молчание. Егеря спустились с сопки и, отталкиваясь палками, стремительно побежали вдоль нашей цепи с явным намерением взять нас в кольцо.

– Так, – неожиданно заявил о себе старшина. – Передайте по цепи. По моей команде встать и поворачиваем назад. Раненых спасти не сможем. Погубим и их, и себя. И бежим, насколько сил хватит. Можете сбросить шинели, но не вздумайте оставить винтовки. Тогда вам конец, даже если добежите, ГПУ потери винтовки не простит. А так, может, обойдется. Будете говорить, что выполняли мою команду: «Отступать». Все, парни, приготовились.

Я по его примеру сбросил шинель, ослабил поясной ремень. Подумал и снял этот проклятый «Сидор», который болтался за спиной.

– Приготовились! – закричал старшина. Он преобразился, словно это были лыжные соревнования. – Вперед!

– Это прозвучало так странно, – улыбнулся отец, – команда «Вперед», а мы отступаем. Но команда была понята, и бойцы, кто поднялся, неуклюже отталкиваясь палками, заскользили.

– Быстрее! – снова закричал старшина. – Если они нас окружат, никто не выберется. – Затем обернулся к нам, нескольким бойцам, которые за весь переход не отстали от него. – Ну что, парни, представьте, что вы на соревнованиях. Настраивайтесь на гонку пятнадцать километров, только наградой будет не кубок, а жизнь. Бегите, не оборачивайтесь! Вы никому не поможете, патронов у нас нет. Если мы не сдадимся, они нас перестреляют.

Отец помолчал. За столом тоже задумались. Все понимали, что лыжная рота отступила с поля боя, это было противно советской науке побеждать. Нужно было погибнуть, ибо сдача в плен – позор. Да и финны прославились своей жестокостью. Так что старшина все рассудил правильно.

– Ну и как, Иваныч, добежали? – нарушил молчание дядя Петя. Это был стреляный волк. Без малого восемь лет провел он в армии. Только было закончил строчную, как добавили младшему комсоставу еще год. Затем – финская компания, а там и отечественная не за горами.

– Добежали, – усмехнулся отец. – Старшина развернул нас, и мы бежали цепью, как на соревнованиях. Только «болельщиками» были егеря со своими «Шмайсерами». Они не ожидали такого разворота и поостереглись стрелять, так как вторая группа финнов обогнула нас с другой стороны и оказалась напротив своих же. Это нас и спасло. А так бы всех покосили. Я бежал, удивительно, без мысли быть убитым. Меня больше пугало, что сейчас кирзач соскользнет с лыжи и я закопаюсь в снег. Тогда точно конец. Когда я буду отходить от этой гонки, то почувствую холод в сапоге. Посмотрев, увижу, что я оторвал подошву пальцами, впиваясь в нее, чтобы удержаться на лыже.

– О господи! – воскликнул дед. – За какие же грехи ты нас так наказал. – И перекрестился.

– Это был еще не грех, – усмехнулся отец. – Вот когда мы ушли в лес и перестали слышать выстрелы,

старшина дал команду остановиться. Мы оглянулись, а от роты десятка полтора бойцов осталось. Остальных перебили. Вот здесь мы почувствовали свой грех. Отставшие собой отвлекли егерей, и мы имели возможность уйти. Эта мысль пронзила всех одновременно. Мы стояли, уткнувшись лицами в палки, и не могли говорить. Долго стояли. Думали, что, может, кто-то еще подбежит. Никого. Мы прекрасно понимали, что сейчас творится на озере: раненые финнам были не нужны.

Старшина не дал нам отдыхать. Только наладилось дыхание, он дал команду: «Вперед», и мы снова побежали. Придти к своим позициям, был вопрос времени.

Отец закончил рассказывать, налил себе воды, залпом выпил. Я никогда не видел отца таким: у него горели щеки, словно ему было стыдно.

– Так чем дело закончилось? – спросил дядя Гена, кавалер двух орденов «Славы», расписавшийся на рейхстаге.

– Да никак, – ответил отец, – даже не арестовали за бесславный возврат. Винтовки мы не бросили, бой приняли. Силы были неравные. Отступили по команде старшины. Только от старшины роты попало. Шинельки-то мы свои потеряли. Но в глаза не могли смотреть друг другу долго.

Неожиданно встал дядя Гена. Он поднял стопку и сказал:

– Ну что, Алексей, ты выиграл гонку со смертью. И никто из вас, добежавших до своих, ни в чем не может упрекнуть. Погибнуть было легче всего, но вас, выживших в этом бою, впереди ждали еще четыре года гонки, цена которой – Победа. Давайте выпьем за нее. – И опрокинул стопку. Остальные последовали его примеру.

…Больше эту историю я от отца никогда не слышал.

Георгий НИКИФОРЕНКО

Родился в 1937 году в г. Боровское Смоленской обл. в семье военного. Окончил Кишинёвский госуниверситет, физик. Работал в институте ВНИИНК 36 лет, в институте Фраунгофера Германия – 8 лет и сейчас продолжаю работать. Имею печатные статьи в технических журналах, изобретения, зарубежные патенты. Изобретатель СССР, США, Канады. Одному из моих патентов в США официально присвоено "US PATENT GENIUS".

Случай на войне с самолётом «ЯК»

Я сын военного лётчика. Мы жили на авиабазе Боровское Смоленской области. В июле 1941 года нас эвакуировали в г. Ярославль, а затем в г. Оренбург. Уже в 1944-м мы вернулись к родителям моей мамы в Беларусь, так при отступлении немцы взорвали все здания авиабазы. В Белоруссии немцы строили свои блиндажи из брёвен, разбирая деревянные дома жителей. Так был разрушен и дом моей бабушки. Дедушка достроил бывший погреб, и мы начали жить в землянке. Потом дедушке-машинисту предоставили старые деревянные железнодорожные шпалы, и он из них построил небольшой домик.

Мой отчий дом! И как-то враз
Слеза горючая сбежала.
Но в памяти моей не раз,
Крестя меня, в дорогу мама провожала.

В 1945 году выдалась мягкая и тёплая осень. Моя бабушка, большая любительница грибов, засобиралась в лес, конечно, с внуком. Эти лесные места ей были хорошо знакомы, исхожены вдоль и поперёк. Вот только была опасность – мины, оставшиеся после войны. Советовалась с соседями, с дедушкой. Наметили место, куда поехать. Утренним рабочим поездом тронулись до остановки «Переезд». В этих местах были хорошие сосновые леса с берёзовыми рощами и полянами с вереском. Грибные места!

Пока мы будем в пути, я вас познакомлю с моей любимой бабушкой. Её звали Евдокия Антоновна. Дома она – мама, а для меня, внука, она – бабушка Дуня. Да, мне тогда было 8лет. Знакомые и соседи очень уважительно относились и называли её только Евдокия Антоновна. Приходили за советом и особо обращались к ней за помощью, когда корова не отдавала всё молоко, свинья не ела, ребёнок много плакал и т. д. Не знаю, как это назвать, вроде как «врачевала». Меня, ещё совсем ребёнка, эта помощь очень привлекала. Я с интересом и любопытством подслушивал. Предварительно она всегда внимательно выслушивала, что произошло, как, когда, задавая вопросы и пытаясь понять и определить, может ли она помочь. Потом осматривала и сама чувствовала, как она говорила, была реакция на её организм. Потом она оставалась наедине с «больным». Удивительно, но после «врачевания» корова отдавала всё молоко, свинья хорошо ела, ребёнок переставал плакать и засыпал, но ей самой становилось плохо. Да, кстати, она никогда не брала плату за услуги, считая, что это дано БОГОМ. Люди с уважением относились к Евдокии Антоновне. Очень хотела передать эту «Божью милость» своим девочкам, но по молодости лет они не вникли, не осознали, а потом горько об этом сожалели, когда матери не стало.

Поезд уже начал тормозить к нашей остановке. Вышли, осмотрелись. Знакомые места моей бабушке. Пока шли к лесу, она мне рассказывала истории из Библии, которую хорошо знала, и читала стихи про осень. Вот и лес. Высокие крепкие сосны. Я было бросился к грибам, но бабушка остановила меня. Там, дальше – настоящие грибы. Шли долго. Деревья становились ещё выше, кроны гуще, луч солнца уже не пробивался. И вдруг, в стороне, мой взгляд выхватил знакомый силуэт: «Бабушка, там что-то есть». Приблизились. Ба! Самолёт с красными звёздами практически вертикально стоял, упёршись носом в землю,

а хвостом опирался на крепкую сосну. Мы осторожно обошли его. Помню, самолет был совершенно цел: крылья, хвостовое оперение, фюзеляж. Вот только лопасти пропеллера были немного изогнуты. «Бабуля, так этот самолёт-истребитель, у него же только один мотор. Я знаю и помню. Мне папа показывал, когда к нам на авиабазу прилетела эскадрилья истребителей для защиты наших бомбардировщиков и самой авиабазы в 1941 году». С детской пытливостью я цепко осматривал самолёт…

Впоследствии я не раз возвращался к тем военным событиям, в которые мы, дети, оказались втянуты ввиду того, что наши матери остались помогать на авиабазе по подготовке авиабомб, лент для пулемётов, подвески бомб, заправки пулемётов. Ну, куда нас было девать?! И дети несли все тяготы войны вместе со своими родителями. Мы провожали наших отцов в полёт и ждали их возвращения здесь же, на лётном поле в подготовленных траншеях. Участие наших мам рассматривалась начальством как вынужденная необходимость, так многих военных направили на защиту ближайших подступов к авиабазе. Ещё в мирное время жёны лётчиков-офицеров занимались парашютизмом и совершили по три прыжка, учились стрелять из винтовки и пистолета и выполнили нормы «Ворошиловский стрелок», обучались на курсах медсестёр по оказанию первой помощи раненым. Всем женским коллективом руководила жена начальника штаба – профессиональная парашютистка. А когда грянула война, жёны офицеров не дрогнули, не побежали, а стойко и мужественно вместе с мужьями боролись с врагом. Время сделало их настоящими боевыми подругами! А мы, дети, уже различали наши самолёты от немецких, а мальчишки украдкой забирались в кабины самолётов своих отцов и вращались в турелях.

И матери, все силы напрягая,
То в госпиталь, то с детками играя,
В урочный час и к самолётам:
Подвеска бомб и ленты к пулемётам,
А при налёте бегство по окопам…
Да шум моторов тех военных дней
Остались в детской памяти моей…

Ещё я запомнил, что фонарь того истребителя был открыт, но заглянуть в кабину я не мог, так было до неё высоко, да и бабушка не позволяла. Ничего не трогать! И вдруг бабуля вскрикнула и замерла. Я подбежал. На земле, недалеко от самолёта в кустах лежал лётчик на спине: в комбинезоне, шлемофон на голове, очки на лбу. Присмотрелись. Замерли, вздрогнули и прослезились. Глазницы были пусты. Пистолет и планшет лежали рядом. Внешне вся одежда была цела.

Их комсомол позвал летать!
Мечта запала, в горле ком,
А на пороге со слезами мать.
И он ушёл, покинув отчий дом…

Этот лесной эпизод прошедшей войны еще долго жил во мне… Мы переехали в другой город. Я учился уже в 5-м классе. В наш город дислоцировался штаб дивизии пикирующих бомбардировщиков. И так уж случилось, мы подружились с дочерью командира дивизии, светловолосой красавицей Светланой, студенткой 1-го курса пединститута. Она часто брала меня с собой в кино, а иногда заходили даже в штаб дивизии. Она держала меня за руку. Её приветствовали молодые офицеры, отдавая честь, и непременно оглядывались. Там было на что посмотреть. Она носила тёмно-синюю пилотку, меховую лётную куртку, и у неё были красивые светлые с завитками волосы. Без разрешения открывала дверь кабинета отца и, несмотря на совещание, прямо и кратко говорила: «Папа, я жду тебя на обед». Её мать погибла при налёте немецкой авиации на авиабазу. Они жили вдвоём: дочь и отец. Как-то мы посмотрели фильм о войне и лётчиках – «Жди меня». После кино я рассказал ей эпизод с самолётом в лесу. Мой рассказ тронул её. «Я позову тебя в гости, когда папа будет дома и свободен. Расскажи ему», – сказала Светлана. Пригласили, пили чай. Услышав рассказ, дядя Серёжа глубоко задумался, по-видимому, сопереживал и более глубоко осмысливал, как лётчик, обстановку воздушного боя и сказал: «Этот лётчик обладал прекрасным лётным мастерством и, несмотря на тяжёлое ранение, сумел практически погасить скорость брюхом самолёта по веткам густой кроны соснового леса, а затем самолёт, своим весом, мягко скользнув с крон сосен, упёрся носом в землю. Очевидно, у него оставалась единственная и последняя возможность – другого места для

посадки он не нашёл. Поэтому самолёт практически остался невредимым. Думаю, это был «ЯК». Это уникальный случай, и подобного не помню!» Наш разговор прервался телефонным звонком, и машина уже стояла у подъезда. Светлана сказала, что её папа не раз вспоминал этот эпизод. Случай один из тысячи!

Несправедлива жизнь, когда калечит
Или лишает жизни тех,
Кто эту жизнь ещё подлечит
Иль привнесёт ей свой успех.

Помню, была ранняя весна. Возвращаясь из школы, я встретил Светлану с грустным лицом и плохим настроением. «У нас завтра похороны. Разбился наш самолёт, и все шестеро членов экипажа погибли. Возвращались с задания. Шли на посадку и пробивались из облачности, но низкий, густой туман прижал их прямо к вершине лесного массива, и, зацепив верхушки сосен, бомбардировщик срезал целую полосу леса и врезался в землю. Когда их нашли, лётчик ещё был жив, и он всё успел рассказать. Хоронили летчиков-истребителей всем городом.

Однажды забежала Светлана и сообщила, что они уезжают на новое место дислокации. Подарила на память свою тёмно-синюю пилотку и сказала: «Учись летать. Я выйду за тебя замуж!» Тяжело было расставаться.

Пилотка синяя и белые кудряшки
На куртку лётную сползали на плечо.
Какими были мы, наивные мордашки,
А может быть, мы встретимся ещё?!

Но нет, не судьба! Остались только наилучшие воспоминания о Светлане и дяде Серёже…

Наломали лапок от молодых сосен, уложили у изголовья лётчика и ещё добавили несколько крупных красивых белых грибов. Просто не верилось, что после столь затраченных усилий планирования и торможения по вершинам соснового леса и вертикальной посадки носом в землю он ещё открыл фонарь, выбрался из кабины, отполз на безопасное расстояние от самолёта, достал пистолет и планшет, по-видимому, хотел определить место приземления, и только потом силы покинули его. Стояли, склонив головы. Слёзы текли ручьём, ком застрял в горле. Бабушка перекрестила его.

Людскою кровью, не водицей,
Здесь щедро полита земля,
И ты с твоей стальною птицей
Здесь жизни отдали не зря!
Мы память о тебе сложили
И сообщили в военком.
Не знали дети, ждали, жили
Тобою в доме, сложенном венцом.

Мы покидали это место с тяжёлым сердцем. Нашли грибное место, заполнили корзинки. Молча возвращались домой. На другой день сообщили в военкомат. Похороны прошли в торжественной обстановке, присутствовало много народа.

Очень сожалею, что не запомнил ни имени, ни фамилии этого лётчика.

Встречи в пути

Я из семьи военного. В 1953-1954 годах мы жили в Казахстане. Мои родители принимали участие в строительстве Семипалатинского атомного полигона. Там были задействованы лучшие умы и силы учёных, военных, геологов, рабочих для строительства Усть-Каменогорской и Бухтарминской ГЭС, промышленных предприятий, поиска и добычи урановых руд, там же велись и раскопки древних курганов с помощью преподавателей и студентов Ленинградского университета, так как эта территория должна была стать дном Бухтарминского водохранилища. В то время директором Усть-Каменогорской ГЭС был назначен известный политический деятель Г. Маленков. Запомнилось, как за одну ночь в городском пар-

ке был огорожен высоким забором участок с уютным домом для Г. Маленкова.

Мы, дети, вместе с родителями делили все трудности этого грандиозного строительства. Учились и отдыхали в пионерских лагерях, купались в Иртыше, Бухтарме, Ульбинке. В этих местах было много мёда и рыбы. А школа на Аблакетке г. Усть-Каменогорска, где я учился – новая, чистая, большая, с прекрасными учителями. Особо отмечу, что с 8-го класса на высоком уровне преподавалось военное дело. Мы изучали устройство разных видов оружия. Практически самостоятельно разбирали и собирали винтовку и автомат. На имевшихся стендах обучались точности прицеливания, а уже весной в тире стреляли из мелкокалиберной винтовки по мишеням. Учились военному делу и мальчики, и девочки, причем с большим интересом и прилежанием благодаря отцам-офицерам.

Ещё учились в школе, и при этом
Отцы водили в тир. И каждый раз
Стреляли мы не по мишеням, силуэтам,
А на «пятёрку» – точно между глаз.

Хочу подчеркнуть, что секретность объекта была на самом высоком уровне. В этом, несомненно, заслуга Л.Берия. О предназначении полигона мы узнали только тогда, когда начались испытания атомного оружия.

Наступило лето 1954 года. Я окончил 8-й класс. У родителей отпуск. Прекрасная пора. Уже в поезде Усть-Каменогорск – Барнаул я понял, что, по-видимому, никогда не вернусь в эти края. Как результат частых поездок, я очень любил пить чай в поезде. Вот те тонкие стеклянные стаканы в ажурных металлических подстаканниках, свежая заварка и проводница с подносом чая остались в памяти на всю жизнь. И ещё я любил смотреть в окно, сидя в купе или стоя в проходе купейного вагона. За окном чернела вспаханная земля. Тот год был годом начала освоения целины. Да, земля-матушка, к ней приложили свои молодые и крепкие руки комсомольцы-целинники. То было время, когда молодёжь ехала «за туманом и за запахом тайги»!

Наш поезд медленно подошёл к вокзалу города Барнаул. Здесь мы вышли, приобрели билеты на поезд до Новосибирска и расположились с вещами прямо на перроне. Было солнечно и тепло. Рядом пристроились студенты из Барнаульского горного института с рюкзаками и кирками. Среди них была симпатичная девушка в форме горного института: в кителе с красивыми погонами. У неё были светлые волосы и причёска «офицеры, за мной». Я смотрел на неё, не отрываясь, пока она не подошла и спросила: «Ну что, влюбился?» Я покраснел, смутился. Хотя я окончил только восемь классов, но был крепкого телосложения, так как занимался спортом. Спросила, в каком я классе. Она закончила 3-й курс и вместе с группой отъезжала на Алтай для участия в полевых работах геологической партии. Познакомились: «Алёна – Жора». Как романтично звучали эти слова: «Геологи, геологи»…

Да, да! Вспомнил. Когда нас, семей лётчиков-офицеров, эвакуировали в г. Ярославль в 1941 году, военкомат предоставил нам квартиру, хозяин которой – геолог, был призван на фронт. По-видимому, он не был женат. Его свободная квартира была под охраной военкомата. Вот нам и предоставили его однокомнатную квартиру. То, что в квартире не было женщины, было видно сразу. В комнате стояли стол, два стула и кровать. Всё висело по стенкам и на спинках кровати. В углу лежал чем-то наполненный рюкзак с киркой, на подоконниках – красивые образцы камней и что-то ещё просто на полу. Нас предупредили: это ценные образцы из Хибин. Я был зачарован многообразием, красотой и блеском камешков. Для меня это было совершенно новое в моём детском познании. Мой маленький детский мир состоял из самолётов, шоколада, сгущенного молока и какао. Дом, в котором мы поселились, был в четыре этажа и располагался на конечной остановке трамвая. Перед окном была большая круглая цветочная клумба, в центре которой стоял столб с электрическими проводами. Трамвай объезжал эту клумбу и шёл в обратном направлении. Однажды, это было уже глубокой осенью, неожиданно прилетел мой отец и прямо с аэродрома позвонил нам. Я стал ждать его и смотреть в окно. И вот остановился очередной трамвай, среди пассажиров вышел человек в меховом комбинезоне, унтах, шлемофоне – это был мой папа. Я крикнул: «Папа, папа!»…

Я пристально смотрел на этих студентов – будущих геологов, открывателей кладовых земли Русской. И вспомнилась ещё одна встреча с геологами. Снежная зима 1953 года. Мы ехали с геологами на трёх машинах-вездеходах по заснеженной трассе в направлении села Бухтарма. И где-то на самом высоком перевале мы добрались до «Чайной», от которой видна была только крыша и труба с дымком. Значит,

нас здесь ждут, подумали. Оставив машины, продрогшие и голодные, предварительно расчистив снег, открыли полузанесённые двери. Поток тёплого воздуха вырвался наружу, окутав нас. В зале было пусто. Мы поняли, эту занесённую снегом трассу одолели только наши машины геологоразведки. Геологи – бывалый народ, смелый, закалённый сложными условиями своей специфической работы. Горячий обед сделал всех нас румяными и говорливыми. Расслабились.

Там, на алтайском перевале,
Пюре с кониной кушал я.
А за окном буран в разгаре
Гулял в начале февраля.
И там, в тепле за чашкой чая,
Геологи, лихой народ,
В азарте спора обещали
Найти уран под Новый год.

Этими воспоминаниями поделился с Алёной. «Ну вот, видишь, у тебя уже с детства к геологии есть предрасположение. Окончишь школу, приезжай к нам, в Барнаул поступать в горный институт. Как учишься? Математика и физика на отлично. Значит, ты наш, геолог!» «Всё, – сказал я себе, – буду только геологом!» Наш состав уже подают к перрону. Простились рукопожатием. Я почувствовал её крепкую руку и понял – кирка в надёжных руках! На прощание Алёна добавила: «Учись метко стрелять! Такая необходимость у геологов возникает». Вот и поезд Алёны, и весёлая компания студентов, разобрав свои рюкзаки, по одному исчезали за дверьми пассажирского вагона. Через какое-то время открылось окно, и с весёлой улыбкой выглянула Алёна. Я только смотрел на неё и пытался запомнить ее лицо. Оно было прекрасно.

О, эти голубые взоры,
Алтайская твоя краса!
Да, те вода, леса и те просторы
Творят такие чудеса!

Я стоял и смотрел, как тронулся поезду. Вот так бывает, что я ученик уже 9-го класса вдруг осознал, что поезд уносит какую-то радость или надежду и, как впоследствии оказалось, увёз навсегда! А я все ещё смотрел вслед уходящему поезду, пока последний дымок паровоза не растаял вдали!

Да, расставанья, встречи
И стук колёс подчас,
И тёплых звуков речи
Застряли где-то в нас.
Дорога ты, дорога!
А путь и долг и скор,
И кто-то у порога
Нас ждёт с тех давних пор.

Всю дорогу до Новосибирска я вспоминал эту красивую светловолосую девушку с голубыми глазами в пиджаке с погонами горного института и с рюкзаком и киркой!

Поезд Новосибирск – Москва отошёл от перрона и уже набирал скорость, когда в наше купе вежливо постучали. Вошёл мужчина в военной форме. Поздоровался. Пока он располагался, всё купе заполнилось приятным запахом духов. Для меня это было как-то необычно, чтобы такой обильный запах духов внёс человек в военной форме. Ну а потом как всегда: кто, куда, откуда? Знакомясь, он отрекомендовался: Василий Никандрович! Меня поразило его отчество, дотоле мною не слышанное, и к тому же полковник, лётчик. Его внушительная внешность соответствовала лётчику-бомбардировщику, и, как потом выяснилось, я не ошибся. В составе военной миссии он побывал во многих странах мира. Да, внешне он выглядел таким, каким и должен быть советский офицер за рубежом в те послевоенные годы. Военная форма была просто влита в его крепкое тело, ни одной складки и морщинки. Крупное лицо, квадратный

подбородок, чисто выбрит, короткая стрижка «ёжик», подтянутый, стройный. Военные знаки различия чётко подчёркивали высший офицерский состав. Вот только избыточный запах духов, хотя и приятный. Мужские духи, как потом отметила мама. Конечно, о военной технике не говорили, но зато мою маму интересовало, как там живут, в чём одеты женщины, где самые красивые женщины и т. д. Он был дипломат! Его постоянные поездки за рубеж, а потом общение у себя на родине выработали необходимую сдержанность в оценках виденного в сопоставлении с нашей действительностью. Поэтому больше всего разговор шёл о женщинах, к чему наибольший интерес и проявляла моя мама. В конце концов выяснилось, что, на его взгляд, самые красивые японки. Василий Никандрович высоко оценил участие моих родителей в работах по созданию Семипалатинского атомного полигона, что, конечно, нам было особенно приятно. Об этом полигоне ему было известно как члену военной миссии. И, конечно, я тоже задал свой вопрос: «А почему вы не самолётом, а поездом едете?» «Я прилетел самолётом в Новосибирск, был на авиационном заводе, а вот теперь поездом хочу добраться до отчего дома». Кажется, я затронул слабую струну, и Василий Никандрович разговорился. Родился и вырос он в глухой деревушке на Урале. Ходил в школу за несколько километров в другое село, окончил десять классов. Призвали в армию, прошёл медкомиссию и по состоянию здоровья предложили поступить в лётное училище. Согласился. Учился, воевал на фронте. Вот уже много лет не был дома. «Да, уральцы мы! Я так соскучился по родному дому, по домашним пельменям. Предвкушаю: приеду, соберёмся за столом, усядемся на длинной лавке и начнём стряпать пельмени. Ведь они ещё вкусней, когда их сам лепишь. Нас было пятеро детей: три мальчика и две девочки. Очень волнуюсь. Пребываю в особом волнении, ожидании встречи с отцом и матерью, увидеть братьев, сестёр и те стёжки- дорожки, исхоженные босыми ногами в моём детстве, побывать на сенокосе, поспать на сеновале, прислониться к тёплой русской печи.

Вот эту лавку у печи
Я помню, как, продрогнув, «жуть»!
Бежал к ней поздним вечером, в ночи,
Чтоб к тёплой стеночке прильнуть.

Какое это всё родное, чистое и тёплое столь неразрывное со мной и, кажется, что оно где-то глубоко внутри меня и навсегда! Я не могу сравнить свою глухую деревушку, свой деревянный дом, сложенный венцом, с асфальтом, каменными домами, гостиницами, сервисом и пр. А длинная скамья у стола и печи в родном доме мне дороже тех мягких кресел в больших городах». Василий Никандрович откинулся на спинку сидения, глубоко задумался и добавил: «Нужно приложить все наши совместные усилия к созданию атомного щита СССР. Нам есть что защищать!»

Вот и Тюмень. На остановке к нам в купе постучали. Дверь открылась Мужчина, задержался на мгновение в проёме двери, окинул взглядом всех нас, сделал шаг назад, проверил номер купе и сказал: « Да, мне сюда». Поздоровался. Мне показалось, слово «здравствуйте» он произнёс как-то странно. Опять вышел, снял фуфайку, очень изношенную, посмотрел, куда повесить, а потом свернул её и забросил в верхний багажный ящик, туда же и вещь-мешок. В купе запахло хвоей. Я сидел у окна на нижней полке рядом с мамой, а дядя Вася – напротив, один. Поезд тронулся. Незнакомец, по-видимому, застеснялся сесть в своих поношенных брюках на чистые постельные простыни. Захотел выйти, но дядя Вася пригласил его сесть. Познакомились. Назвался, но имени его я не запомнил. Он был эстонец. Разговорились. Как-то сразу, не скрывая и не таясь, он сказал, что был осуждён за антисоветскую деятельность, работал на лесоповале, отсидел свой срок и вот сейчас освободился и спешит домой, в Эстонию. В купе воцарилась атмосфера настороженности. Говорил он с акцентом, медленно, но понятно. Я не помню, кто он был по профессии, но по манерам это был человек культурный, образованный. Теперь беседовали только мужчины. Мы с мамой слушали. Его неприятие советской власти, как рассказывал эстонец, состояло не в его личной неприязни, а в общественной направленности, той атмосферы в Эстонии, которой он был вынужден подчиниться, ибо он был бы чужой среди своих. «То было время, когда мы были собой не властны, мы были времени подвластны». В период военных действий он никого не убил, но участвовал в доставке продовольствия, одежды, оружия и т. д. Он прекрасно понимал свою ответственность за содеянное, но подчёркивал, что все его действия были вынужденные той обстановкой. Дома его ждали родители и многочисленные родственники. Уже вечером мы уступили ему место за столиком для ужина. Когда он достал из вещь-мешка свои скудные припасы, мы вышли из купе, предоставив ему спокойно поужинать. Потом дядя Вася пошёл к проводнице и за-

казал для него чай с печением. После ужина в купе воцарилась атмосфера мягкой беседы, но элемент настороженности сохранялся.

На следующий день дядя Вася больше внимания уделял мне. Он внимательно слушал мои воспоминания о начале войны, как нас бомбили на авиабазе, о нашей эвакуации, о том, что произошло с самолётом «ЯК» во время войны, когда раненый лётчик осуществил посадку в лесу Белоруссии, используя торможение брюхом по вершинам густого соснового леса. Спросил, успешно ли я окончил 8 классов? Удовлетворился моим ответом и произнёс: «Так держать»! Мама вспомнила и добавила: «Наш папа тоже часто так говорил – так держать». Посоветовал поступать после окончания девятого класса в ДОСААФ на курсы лётчиков, а потом в лётное военное училище. Сыновья офицеров должны идти по стопам отцов. Оставил свой адрес со словами: «Если возникнут трудности, сообщи мне. Способным нужно помогать! Бездари пробьют дорогу сами. Это из моего личного опыта». Положил свою руку на моё плечо и добавил: «Необходим максимум упорства и настойчивости в учёбе, чтобы стать хорошим лётчиком». Я почувствовал его крепкую, тяжёлую и надёжную руку и сказал себе: «Буду только лётчиком».

Дядя Вася пошёл в вагон-ресторан и заказал обед с доставкой в купе для соседа из Эстонии. Собрал вещи и пожелал нам приятного путешествия и летнего отдыха. А мне ещё раз в учёбе «так держать»! Эстонец благодарил Василия Никандровича за понимание его сложной судьбы и любезно сказал: «Не ожидал! Помнить буду всегда с благодарностью». Поезд остановился только на одну минуту. Василия Никандровича никто не встречал. Он хотел сюрпризом. Кинул взгляд в наше окно и ещё раз помахал рукой. Поезд тронулся.

Теперь в моей памяти поселились воспоминания, рассказанные эстонцем. Сложное было военное время, непростая его судьба, когда линия жизненного пути не зависела от его желания, а была определена внешними событиями!

Несправедлива жизнь, когда калечит
Или лишает жизни тех,
Кто эту жизнь ещё подлечит
Иль привнесёт ей свой успех.

В купе воцарилась тишина. Мы читали, а он смотрел в окно. Через какое-то время я вспомнил, что мы скоро будем переезжать реку Волгу. Наш сосед оживился. «Я очень хочу видеть Волгу». Как выяснилось, там им в лагере показывали фильм «Волга- Волга», который очень понравился и глубоко затронул его. Он с необыкновенной теплотой отзывался об этом фильме и актёрах. Рассказал, что этот фильм помог ему преодолеть многие трудности лагерной жизни. Я тоже несколько раз видел этот фильм и переезжал Волгу, но всякий раз новая встреча была волнительна. Ещё несколько часов езды, и вот она уже видна, широкая и полноводная. Несколько пароходов, катеров и лодок представились нашим взорам. Нет, это была не та Волга, что в кино. Эта действительно широкая и полноводная. Вся река даже не вмещалась в поле моего зрения, а только по частям. Эстонец близко прильнул к оконному стеклу, затем, отпрянув, открыл верхнюю часть окна. Наше видение дополнилось ворвавшимся потоком ветра с запахом воды. Теперь мы не только видели, а чувствовали Волгу!

Оставшийся путь до Москвы прошёл тихо. После «Волги» напряжённость незаметно и окончательно спала. Нет, нет, да и возникала мысль, глядя на его руки, шею, голову: «Сколько же понадобится времени, чтобы смыть этот лесоповал и очиститься душою?» Очень хотелось бы узнать дальнейшую судьбу нашего соседа из Эстонии, в общем-то, хорошего человека, интеллигента и приятного собеседника.

Вадим МОЛОДЫХ

Родился 18 мая 1965 года. В 1982 году окончил среднюю школу №6 в Новороссийске. 1983-1985 годы – служба в Советской армии. В 1986 году уехал в Западную Сибирь, в Ханты-Мансийский автономный округ Тюменской области. Работал сначала на стройке, затем – на нефтепромыслах ЛУКойла. 1991-1995 годы – учеба в Ростовской государственной академии строительства по специальности «Экономика и управление». В 1993 году дебютировал в качестве тележурналиста. 1995-1998 годы – ведущий, а затем главный редактор ведомственной телекомпании «Лангепас» нефтяной компании ЛУКойл. 1998-2001 годы – директор муниципальной телерадиокомпании «Простор». В 1999 году окончил Московский институт телевидения и радиовещания по специальности «Руководитель телерадиостудии». С 2008 года – главный редактор ООО «Информационно-Аналитическая Ассоциация Юга». Полноцветный, иллюстрированный журнал «NRB» – «New Russian Business» на русском языке и Интернет-портал www.nrb.su, где публикуется в качестве журналиста и литератора на ссылке «библиотека».

Пустые головы

Повесть

Смотри, это твой шанс узнать, как выглядит изнутри то, на что ты так долго глядел снаружи...

Иосиф Бродский, «Развивая Платона»

Часть I

Глава 1

– Ну что там?

– Ничего нового... Труп как труп.

– Не надо входить. Оставайтесь за дверью...

Будничность в тоне произносимых слов, как будто речь шла об обыденности – а это и была обыденность для служивых людей! – внесла успокоение в пока только взволнованные, не успевшие ещё осознать и испугаться, души жильцов соседних квартир, собравшихся на площадке. Они с облегчением услышали последнюю фразу, ставшую начальственным оправданием их естественному нежеланию видеть мертвеца, тлен которого своим запахом побудил их поднять тревогу. Вернее, кого-то одного... скорее, одну... из них. Кого именно – не важно было уже до такой степени, что он... то есть она и сама об этом не помнила. Как обычно – пенсионерка, целыми днями сидящая дома и пытающаяся хоть чем-то занять своё заслуженное и вынужденное безделье. Только ещё начинавшаяся трупная вонь, не заметная для других в их житейской суете, но неторопливо унюханная домовой активисткой, побудила её обратиться к старшей по дому – такой же пенсионерке-соседке, облечённой на общем собрании жильцов протокольными полномочиями.

Принюхались вдвоём. Озаботились. Стали судачить уже со всеми встречными и вспоминать сообща, давно ли видели жильца из тревожной квартиры – одинокого мужчину средних лет. Вежливого – всегда здоровался, но нелюдимого. Не бедного, но не разгульного, хотя женщины его посещали часто. Некоторые приходили-уходили быстро, словно бы с осторожностью, оставляя свои машины не во дворе дома, а неподалеку в других местах, которые можно было бы назвать присутственными.

Активные домовые пенсионерки стали всматриваться. Одна из них в период межсериальной телепустоты случайно услышала шедший с лестничной площадки звук осторожно и тихо закрываемой двери, обратила внимание на эту осторожность и, уловив плохо скрываемый и торопливый стук каблучков по ступеням, легко на цыпочках подбежала к окну, увидела выходящую из подъезда красивую, со вкусом одетую брюнетку. Шустро, забыв про любимые болячки и не забыв выключить газ под кастрюлькой с ещё недоваренной тыквенной кашкой, прямо в домашних тапках (благо было лето) на полусогнутых старческих ногах, оставаясь незамеченной, протрусила следом за красавицей. Та в квартале от дома села в хорошую дорогую машину и, запустив мотор, стала «наводить марафет», смотрясь в зеркало заднего вида.

«А лицо-то блаженное... Любовница! Замужняя... Точно!» – пенсионерка сполна удовлетворилась

разведданными. Даже не столько самой аналитической информацией как таковой, сколько своим эксклюзивом на неё.

Она, конечно, поделилась потом во дворе своим знанием с соседками, млея от собственной осведомлённости. Но – тихо! Вполголоса... Шепоточком... С положенными в таких случаях конспиративными недомолвками и кивками – «тс-с-с, мол, сами понимаете».

А почему, собственно, тс-с-с? Да на всякий случай! Вежливый мужик... Приличный с виду... Не ханыга – ухоженный... Но слишком уж малоразговорчивый, словно засекреченный какой-то... «А может, и впрямь засекреченный?! – Да и дамы у него непростые... Эта вот, например... Прячется ведь! Скрывается... – Любовница, ясно! – Но уж совсем как шпионка... – Она, кстати, Шурка говорит, давно уже к нему ходит... – Да! Не часто... Видно, мужа опасается, но давно. – Кто такая, интересно? Узнать бы... – Молчи, Клавдия, ну её к лешему! А то так узнаешь – не обрадуешься, что узнала, когда она или он про твоё знание понимать начнут. – А ты думаешь, они не понимают?! Дураки они! – Не дураки! Понимают, конечно... Но знаешь... Не буди лихо, пока оно тихо! Много ты про них знаешь? Ну любовники. Ну и что? Мало таких?.. А кроме этого что? Не хотят люди вместе показываться, вот и не лезь! – Да я и не лезу...»

Так и посудачили... На том и порешили...И вот теперь – труп! Засекреченный – опять! – теперь полицией... Может быть, и такой же ухоженный... Во всяком случае, этот мужчина, даже будучи трупом, в безобразном виде соседкам не представлялся.

– Чем покойный занимался?

Это был конкретный уже (а чего тут мямлить – всем всё понятно) служебный вопрос местного участкового, оставленного на лестничной площадке. Как оказалось, никто из соседей ничего толком не знал. Впрочем, служивый этому не удивился: весь контингент был как из дома престарелых, – что могло быть общего у покойного с соседями? Крыша одна – жизни разные, удовлетворявшиеся обоюдным встречным «здрасьте», наглухо разделённые на квартирные ячейки... Хотя не так уж и наглухо! Запашок-то пошёл... Ну и слава богу! Что не наглухо, а не что запашок! Тьфу-тьфу-тьфу, спаси и помилуй, царица небесная...

– Как же так, Клавдия Петровна? – театрально, для вида и провокации, недоумевая, продолжал выполнение служебных обязанностей полицейский чин. – Сосед... покойный вам ключ доверял от своей квартиры, а вы про него ничего как будто не знаете... Так не бывает!

И папочку с зажатым в ней бланком протокола эдак перед грудью наизготовку – оп!

– А вот так вот! – соседка на подозрение разгорячилась вполне искренне – вероятно, от испуга, усилившегося большой волной трупного запаха, захлестнувшей всех из распахнутой двери. – Оставлял ключ бывало! Уезжаю, говорит... говорил, прости господи... в командировку, вы, мол, за попугаем присмотрите – семечек ему, зёрнышек там всяких – в коробке у него, оставлял на видном месте – водички ему, Петру, то есть – попугая так звал... Платочком клетку на ночь накрыть... А утром открыть – снять, значит, платочек-то... И вежливо так всегда... Клавдия Петровна, мол, прошу вас... То да сё... Вот ключ, мол... Показывал каждый раз, как замок открывается – работает, мол... Уезжал ненадолго всегда... Гостинчик привозил, как возвращался... Спасибо, мол, Клавдия Петровна...

– А куда он ездил?

– Не знаю! – соседка так распахнула глаза и вытянула губы в своём незнании, что любому человеку – даже полицейскому! – должно было стать ясно, что покойный сосед был не только вежливым, но и пугающим своей подчёркнутой вежливостью человеком – не допускавшим возможности лишних вопросов.

– А кроме воспитанности, других странностей за ним не замечали? – весёлый дознаватель уже развлекался соседкиным страхом.

– Да нет как будто... Мужик... В смысле, мужчина видный...

Петровна осеклась, уловив свою чрезмерную верноподданную услужливость, чуть не столкнувшую её в обрыв сплетен про личную жизнь покойного.

– Мужчина как мужчина!

– А дома у него ничего необычного не видели?

Соседка задумчиво:

– Да нет вроде...

И сразу же, словно проснувшись и нырнув в суетливую живость:

– Да я и не смотрела там... Не ходила по комнатам-то... Как зайду, так сразу к Петру... попугаю, значит, егойному в комнату. Там его обихожу и домой! Ну поговорю с ним, с попугаем-то – он же у него говорящий! Кусачий только, страшный – носяра-то здоровый, в смысле, клюв, осторожно с ним надо, вредный, паразит... Ой! Извиняюсь... Вот...

Она так резко замолчала и с таким виноватым видом взглянула в полицейские глаза, что тот не мог не поверить – она действительно там, в чужой квартире, не задерживалась. В строгости и на дистанции держал её – их всех! – покойный. И правильно делал. Для себя правильно. А вот для следствия... Н-да!

– Не уходите. Вспомните пока, кто к нему приходил?

– Так ить...

Участковый, повернувшись и заходя в смертную квартиру, не успел заметить мгновенную бледную растерянность, перекрасившую соседкино лицо в очень уместный неживой цвет.

– Так ить это... – ещё раз повторила она машинально в закрывшуюся дверь и, быстро соображая на автомате, сразу же настроила сама себя на безопасный лад. – Не знаю я. Не видела... Не смотрела!

Показательно, как будто подбадривая себя в своей отчаянной лихости неподчинения власти, фыркнула и не спеша, гордо подняв голову, мол, надо будет – сам найдёт, пошла домой. Остальные зеваки, подбадриваемые отчётливо пугающим уже запахом смерти, тоже начали расходиться.

– Ну что там у тебя?

Это был дежурный вопрос старшего в дежурной бригаде. Вопрос был задан не предполагавшим ответа тоном, а потому тут же последовало утвердительное продолжение:

– Завязывай там... Тут не дознаватель нужен, а следователь. Труп! Довольно ясный, вроде... Сам себя порешил... Даже письмо предсмертное есть... Но! Короче, прокуратура сейчас прибудет. Расскажешь, что узнал...

– Да я и... – начал было участковый, но и он, как соседка только что, оправдываться начал в спину адресата.

Что оставалось? И участковый снова прошел на непосредственное место происшествия – в комнату с трупом, который весьма его заинтересовал ещё до вызова дежурной бригады. Чтобы попусту не «маячить», спросил криминалиста:

– Ну что тут?

Эксперт поднялся и, не переставая с интересом глядеть на покойника, безучастно пробубнил:

– Да так как-то... Пока ничего особенного.

– Сейчас прокуратура приедет.

– Слышал...

На самом деле, нечто особенное в трупе было, но пока это ещё только вызывало у самого криминалиста профессиональное недоумение из категории «Как так? Что за чёрт?!» Он не мог дать этому объяснения, поэтому и не спешил признаваться в этом. Склонился к трупу снова.

Тот лежал возле письменного стола, упав со стула так, словно бы рванул в погоне за пролетевшей через его голову пулей. Сорвался со стула, да не догнал. Умер по пути. Вернее, замер в осознании бессмысленности погони. Даже лицо оставил разочарованное. Правый висок был вздут вокруг кроваво-чёрной дыры, окаймлённой так называемой штанц-маркой – круглым следом жерла ствола на присосавшейся к нему во время выстрела коже. Пистолет, лежавший рядом, хранил в видимой части дула следы крови, что тоже указывало на выстрел в упор. Другое дело сам покойный ствол к голове приставлял или не сам? Откуда у него пистолет? Зачем? Необходимы отпечатки пальцев... Хотя, по опыту, уже становилось ясно, что кроме отпечатков покойного, других там нет... Скорей всего, нет!

На то, что это самоубийство, указывала аккуратность, с которой оно было совершено... Быстро найденная в предполагаемом месте гильза; предсмертная записка, скорее даже, письмо, написанное твёрдой рукой; кроме того, парадный вид или, говоря уместным при оружии военным языком, форма одежды, приличествующая случаю: белый верх (рубашка) – чёрный низ (брюки, выглядевшие отутюженными даже на неестественно лежащем теле) – человек, очевидно, готовился умереть красиво. Причем свежесть рубашки не портила обильно разбрызганная и запёкшаяся кровь, вероятно, очень живописно смотревшаяся на белоснежном фоне, будучи ещё алой. Покойный уже зарос щетиной, но интуиция подсказывала, что стрелялся он побритым... Ну не мог человек, выпивавший предсмертную рюмку породистого марочного коньяка, что называется, «на дорожку», отправляться в эту самую «дорожку» небритым! Он и лежал-то не в домашних тапках, что было бы естественно дома, а в безупречно начищенных новых штиблетах, словно бы пытался напоследок помочь своей будущей похоронной команде с обряжанием трупа. Самоубийца был явно эстетствующим типом...

Но не это было главным в недоумении криминалиста – на вырванном из выходного отверстия и разбрызганном по стене содержимом головы покойника тот не обнаруживал следов мозгового вещества. И так и сяк всматривался через лупу, на корточках и на коленках ползал, стараясь не запачкать новые

джинсы, – не было ожидаемой по привычке засохшей каши-размазни из серого вещества с кровью. Вернее, кровь была, был и ликвор засохший, были и лимфа, и даже сукровица, и всякая другая вспомогательная биодрянь... Главного человеческого элемента не было – мозга!

– Но так не бывает! – поднимаясь, тихо, в голос, объявил сам себе эксперт-криминалист из дежурной следственно-оперативной группы горотдела МВД.

Он и знать не мог, что до него точно так же – слово в слово, но с гораздо более сильной интонацией! – выразил недоумение прибывший по вызову жильцов участковый Антон Малой. Он перед звонком в отдел сам дотошно обследовал место, труп и следы, тоже не нашёл того, что должно было быть, и так поразился этому факту ещё до эксперта, что испугался себя, поднимаясь от покойника и увидев своё лицо в отражении зеркала, висевшего на распахнутой дверце шкафа, стоявшего у окна. Его глаза были не просто недоумёнными – они были безумными!..

Взгляд в детство и юность – Антон

Антона Малого дразнили всегда незатейливо. В «розовом» возрасте – песенкой из мультика «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку...». Когда дети подросли и над мальчишескими губами нежный пушок начал калиброваться в будущую щетину, его уже дразнили, по-взрослому неприлично рифмуя его имя. А фамилию Малой переиначивали в Малый еще даже воспитательницы детского сада, не говоря уже о школьных товарищах и учителях. При этом оба варианта произношения вполне точно соответствовали его внешности. Антон выглядел так жалко, как будто папа с мамой схалтурили, когда его делали. Недоношенный, словно бы недоделанный, он был какой-то действительно маленький, хиленький, болезненный. Когда такой по улице идет – встречных сторонится. Когда разговаривает – в глаза собеседника не смотрит. Ладошки у такого всегда влажные от нервного пота. Таких всегда злобно дразнят. Над такими всегда с удовольствием издеваются. Унижая таких, все кому не лень повышают собственную самооценку, благо это несложно и неопасно. Такие переполнены собственной неполноценностью, что называется, «под пробку». Затравленные они. Смирившиеся со своей убогой участью. Получить щелбан или пинок для таких – это как «привет» услышать. В порядке вещей.

Но такие и злость копят. Не все, конечно, но многие. Консервируют злобу в душе, а на показ выставляют лишь малую толику своего истинного духа, отчего тот и представляется ущербным. Такие словно своего часа ждут. Иногда... А может – часто... дожидаются. Главное для таких – это терпеть и ждать, терпеть и ждать. Ну и – уже главнее главного – не ошибиться, не пропустить, не дай бог, момент, когда этот час придет.

Антон Малой не просто терпел – он духом закалялся. И не сказать, чтобы искал в себе некие особые отличительные от других признаки превосходства, но как-то так со временем показательно вышло, что «гранит разных наук» оказался для него намного мягче, податливее и вкуснее, чем для других его сверстников. Не в «корень» и не в мышцы с костями он пошел, а в голову. Кстати, его имя и рифмовали-то особенно злобно, когда он своим здоровым и сильным, но туповатым одноклассникам списывать не давал. Его не только рифмовали – его и били иногда. Но не жестоко, а пренебрежительно. Чаще всего даже не били, а брезгливо унижали всё теми же пинками и щелбанами, отчего злость Антона, не зная выхода, кипела в груди, как в консервной банке. Он справедливо считал, что эдак-то хуже, чем если бы его нормально, по-пацански отбуцкали. Не так стыдно и обидно было бы. Особенно если бы трое... или пятеро... или – еще лучше – семеро на одного. Был бы в такой арифметике хоть какой-то героизм. Пусть даже трагический.

Антон с детства интуитивно чувствовал, что нет ничего выше трагического героизма. Когда подрос и начал читать хорошие книги – а он их всерьёз полюбил – то он уже не просто чувствовал, он уже начал умом понимать, что трагический герой – это супергерой. Он по-настоящему выше всех остальных. Он духом сильнее. А это превосходство покруче физического будет. Антон, читая, даже представлял себя на месте трагических героев. А Гамлет – так это, вообще, в его фантазиях был он сам. Глубокий философ королевской крови, напрямую общающийся с загробным миром и выворачивающий наизнанку всю мерзость живой реальности. Вот это да! Он хотел быть как Гамлет. Но с одной существенной оговоркой... Без трагического для него финала! Трагедия в его представлении должна стать просто драмой без смертельной для главного героя развязки. Антон книги читал, но реальный мир от книжного умел отделить. Кроме того, он хотел, конечно, вывернуть наизнанку всю блевотную мерзость жизни и обязательно показать ее самим мерзавцам... Но еще больше он хотел живьем увидеть их реакцию – их жалкие слезы раскаяния и вонючие сопли унижения. А если этого не увидеть, какой тогда смысл в выворачивании?

Нравственно-воспитательный? Не-ет! Этого мало... Главный смысл – в его личном удовлетворении. Он сам должен убедиться в том, что мерзавцы поняли и приняли его превосходство над ними. Бог с ней, с загробной жизнью. Вдруг это только выдумка, перешедшая в традицию. Абстракция не годилась. Реальность, реальность и еще раз реальность!

Во дворе Антон, можно сказать, не страдал. Он там попросту перестал гулять и играть с другими детьми, когда те тоже стали вводить в действие жестокую детскую программу по третированию слабого – его, то есть. Через двор он только вынужден был ходить. Поначалу – даже прошмыгивать по-партизански, короткими перебежками. Шмыг – из подъезда. Или шмыг – в подъезд. Со временем соседские дети, которые должны бы были быть его друзьями детства, перестали замечать его шмыганье и, как ему казалось, его самого. Чему в душе он был скорее рад, чем огорчен. Но пару раз в своей юной жизни он все-таки нарывался на грубость превосходящей силы ровесников. Прямо возле подъезда. Суть претензий хулиганов была проста:

– Чё ты такой?!

И вторично с детализацией:

– Чё ты не такой, как все?!

Робкие озлобленно-блеющие вопросы Малого, мол, какой это не такой, никто не слушал и ничего не уточнял. Ответ как таковой тоже был не нужен. Претензия агрессоров служила лишь поводом для последующего пинка под зад. Следом в Антона летели многочисленные уже тычки и затрещины. Вслед убегающему звучали и свист, и гиканье. Его травили, как зверя. Завершалась расправа хохотом и плевками в сторону скрывшейся за дверью жертвы чужого самоутверждения.

Обидней всего было то, что в травле активное участие принимали девчонки. Они же показательно громче всех и хохотали над Антошкой. Взрослея, когда девочки уже начали проявлять признаки противоположного пола и перестали интересоваться бесполыми детскими развлечениями, он с ужасом начал понимать, что одна из них ему по-взрослому нравится. И, конечно же, та – самая красивая, задорная и веселая, которая в детстве громче всех над ним смеялась и смачнее всех плевала в закрывшуюся за ним дверь. Довольно быстро превращаясь из ребенка в девушку, она вообще забыла о нем. Будто и нет его вовсе. Словно он мираж, пустое место. Это было уже не обидно. Это уже рождало гнев созревающего мужского самолюбия. Но этот гнев Антон жестко подчинил своей крепнущей в постоянном унижении воле.

Его воля не давала гневу себя вольно проявить. Малой терпел и ждал. Учился думать и думал об учёбе. Получал «пятерки» по всем предметам и «косил» от физкультуры. Впрочем, почему «косил»? Его врачебное освобождение от физических нагрузок было вполне оправданным. Физруки и сами опасались его слабого здоровья – вдруг не выдержит, и «кондрашка» парня хватит. Какая там гимнастика?! Какой там футбол-волейбол-баскетбол?! Даже пинг-понг опасен! Ну его к черту! Пусть гуляет на воздухе от греха подальше.

Он и гулял. Гулял и мысленно искал признаки своей исключительности... Ну, хоть какого-то превосходного отличия от остальных. Легко находил, ведь он – отличник! Причем отличник он не потому, что сидит над учебниками не разгибаясь. Ему легко даётся учёба даже там, где надо просто зубрить – в гуманитарных дисциплинах. Стало быть, у него прекрасная память. Значит, природа наградила его незаурядными способностями, которые и отличают Человека от Животного. Ведь что такое есть физическая сила? Рудимент в своей животной сущности! Ведь сила ума всегда способна подчинить себе тупую силу тела. Мозг управляет скелетом и мясом, а не наоборот. Так всегда было и так всегда будет. Эрудиция, интеллект, способность к анализу – вот слагаемые его превосходства над мерзавцами-ровесниками.

И если раньше Антону было до слез обидно, что на равных ему никогда не войти в компанию одноклассников и друзей по двору, то со временем он с удовольствием начал понимать, что его совершенно не волнует их круг интересов. Когда они начинали курить украденные у родителей сигареты и, злобно шутя, приглашали его за гаражи – он просто боялся. Когда они стали смешивать никотин с пивным алкоголем – ему уже было просто неинтересно. А когда они в своих развлечениях начали использовать марихуану – ему стало противно. Он искренне поражался тому, что они находили удовольствие от своих затуманенных, не способных к нормальной работе мозгов. Если они – мозги – вообще были у кого-то кроме него. В чем он, взрослея, все больше и больше сомневался.

Вот только отношения с девочками... Эти глупые курицы, чье половое созревание намного опережало умственное развитие, с удовольствием «тусовались» в компании сверстников-пацанов, глотали пиво, как будто оно им нравилось, курили, давали себя потискать и, вообще, подсознательно всячески демонстри-

ровали всем и, в первую очередь, самим себе свою взрослость и наступившую способность к деторождению. Не отдавая себе сознательного отчета, они начали интересоваться сильными и смелыми парнями. А если пацан не боится ни родителей, ни преподавателей, ни ментов, если он крутой – ездит без спроса на папиной машине и знает не понаслышке об отношениях полов, то – это «реальный пацан». Только с таким можно и нужно «замутить». Хлипкий отличник Малой – это неинтересно. Не круто! И плохо в нем не то, что он отличник. Это-то как раз нормально. Плохо, что он – хлипкий. Все над ним издеваются. Такого только пожалеть можно. Но чтобы встречаться с кем-то жалким?! Ни за что! Никог-да!

Антон это понимал. И с каждым проявлением чьего-то искреннего или мнимого участия к его незавидной участи изгоя он скрипел зубами от злости. Глаза его становились змеиными – немигающими. Он мучительно терпел утешения в словах и тональности, сверлил холодным взглядом такого или, вернее, такую – как правило, пожилую, живущую по соседству – выразительницу жалости. Он ненавидел не себя за свою физическую слабость, он ненавидел тех, кто о ней ему напоминал. Он начинал тихо ненавидеть всех. В том числе и ту – самую красивую, задорную и веселую – девочку... вернее, уже девушку, которая, ладно бы если просто его не замечала, но вдруг, не дай бог, еще и молча жалела. Когда Антону представлялось ее жалостливое по отношению к нему красивое лицо, то он буквально стонал в голос, гневно, до зубной боли сжав челюсти. Антон проанализировал свои чувства и, исходя из прочитанных живописных книжных описаний, понял, что влюбился. Настала пора. Это нормально. Вот только что с этим новыми ощущениями делать – было непонятно. Малого одолевало смятение чувств. Они своей новизной ввергали в хаос его мысли. То ли радоваться, что он полноценный мужчина?.. То ли огорчаться от явной безответности его симпатий?.. Книжки – книжками, но в реальности все оказалось сложнее. Сложнее не по умственному восприятию действительности, а по чувственным переживаниям. Анализировать свои чувства Антон мог. Управлять ими – шиш! Не получалось. И это его тоже злило.

Глава 2

На входе послышались голоса – прибыла специализированная бригада из прокуратуры. Малой, глядя в зеркало, снова, как недавно перед опросом соседей, убедился, что безумная маска вселенского открытия надёжно спрятана в будничном выражении лица, непринуждённо отставил одну ногу, и они вместе с криминалистом встретили прибывшего с прокурорской бригадой судмедэксперта в позах привычной обыденности:

– Привет.

– Здорово. Самострел, говоришь? Ну-ка, ну-ка...

И тот тоже привычно начал священнодействовать по специальности. Малой, переполняемый любопытством (не к диковинному трупу даже, а к реакции на него ещё одного нового исследователя), тем не менее дал тому время вникнуть в ситуацию, обговорить её с недоумённым уже криминалистом и вышел на минутку из комнаты. Простроился сквозь следственную суету к туалету. Вроде по нужде. Закрылся и сел на крышку унитаза.

Не имея каких бы то ни было объяснений, интуитивно Антон чувствовал, что происходит – уже произошло! – нечто невообразимо важное. И нужное! Словно бы он, будучи маниакально одержимым учёным, долго носил в себе что-то неизведанное и переполнился-таки открытием, и должен теперь дать ему нужную формулировку и сделать далеко идущие выводы, которые раньше боязливо предполагались только самыми короткими вспышками неконтролируемых мыслишек, обжигавших, будто искры, пугавших ожогами сознание и заставлявших искателя, наяву зажмурившись, отмахиваться от них руками, как от бесовской гордыни... Эти мыслишки накапливались и массово превращались в мысль, ещё не осознаваемую, как будто прячущуюся где-то в отдалённых извилинах и иногда уловимую в моменты своих «коротких перебежек» по воспоминаниям и ощущениям.

И вот наконец появился повод для настоящей вспышки, которая ослепила сознание своей яркостью, наплывавшей с каждой секундой всё больше и больше в голову, пока только на животном уровне чувства. Пока – одна эмоция «Вот это да!», причем совершенно безоценочного свойства. Хорошо или плохо – неясно. Да и неважной казалась оценка в отличие от озарения как такового. Оно уже открылось во всей своей безудержной мощи, и только невероятный масштаб его не вмещался пока в понимание, разбалованное до сих пор привычкой осознавать что-то устойчиво мелкое и предсказуемо этапное.

Кровь стучала в висках. Руки тряслись. Поднялся – ноги дрожали в коленках. Потёр руками глаза и лицо. Спустил воду. Вышел. Сразу же столкнулся с весёлым бодрячком опером, предполагавшим благополучное завершение дежурства:

– Что с тобой? У тебя на морде лица нет...

– Д-да, ш-што-то поплохело... Тра-ванулся, похоже...

– Наверное, съел что-нибудь... – подмигнув, дежурно пошутил дежурный опер. – Мы уже сваливаем...

– Угу-м.

И пошёл в комнату открытия. Там в точно такой же позе, как сначала Антон, а потом дежурный криминалист, стоял над трупом судмедэксперт, разве что только отставленная нога притопывала по полу небыстрый ритм. Он даже не повернулся на вошедшего, а не глядя спросил:

– А до нас здесь никто ничего?..

Судмедэксперт даже не договорил, Антон понял по его искусственно обычному тону, что тот боится много говорить – обнаруживать своё недоумение не хочет. Малому это понравилось – третий уже! – стало быть, действительно есть, чему удивляться.

– Да нет... Здесь и не было никого... Мы, как приехали, осмотрели и всё... Вас вызвали... Труп ведь...

– Н-да-а... Труп... Самоубийца, по всем признакам, – медик говорил явно не то, о чём думал.

Участковый, видя, что его присутствие уже вовсе необязательно, что он смущает и даже мешает умникам осмысливать их профессиональную неясность, вышел за дверь. Но так, чтобы не только слышать, но и видеть, по возможности, происходящее.

Судмедэксперт повернулся в сторону криминалиста – как раз лицом к Антону. По его скользящему взгляду, по сползшим на переносицу криво сидящим очкам Малой ещё раз удостоверился в справедливости своих переживаний. Медик поправил очки и как будто стряхнул оцепенение, вслух продолжив молчаливый до этого, но понятный обоим разговор:

– А вы знаете, я не удивлён!

И даже кивнул головой, подбадривая сам себя, и улыбнулся.

– Чему? – криминалист театральничал, но врать не умел или недоумение не позволяло.

– Бросьте! Ведь вы осматривали труп... И не могли не обнаружить...

– Что?

Антон мысленно подбадривал медика: мол, давай, не мямли, скажи это вслух!

– Что, что... Неясности, скажем так...

Судмедэксперт снова отвернулся к покойнику. И задумчиво добавил:

– Необъяснимости...

И мгновенно повернулся обратно и резко наклонил голову к сидящему эксперту:

– Вы потому и уйти хотите побыстрее, молодой человек, что не знаете, как это объяснить. Так ведь?!

Его горячечный тон выдал в нём человека бывалого в своём теперешнем беспокойстве. Опытного... Но только в переживании, а отнюдь не в объяснении – потому и горячился! Однако и такой неполноценный вроде опыт обеспечил уже какую-никакую привычку к необъяснимости, и судмедэксперт, высказав новичку издевательскую претензию, мол, «нечего тут дурака включать», сразу же остыл и заметил спокойным теперь тоном:

– Я уже сталкивался с таким... И не раз...

И пауза... Сугубо психологического свойства – чтобы тот, кому она адресована, дозрел в своём нетерпении и сам начал спрашивать. Но спрашивал ли тот – было не видно. А вот Антон спрашивал! Но только в мыслях, умолявших: не тяни, дескать, продолжай.

– Малой! – немую сцену перебил зов из прихожей старшего в дежурной следственно-оперативной группе. – Мы закончили... Если хочешь, подвезём. Спускайся к машине.

Напоследок Антон увидел, как судмедэксперт невольно скорчил издёвку на лице, адресованную криминалисту – теперь в улыбочке, даже поклончик обозначил с пристуком каблуками и жестом, указующим на дверь. И сразу же развёл руки в показном сожалении, мол, что поделаешь – служба есть служба. Он явно пожалел, что невольно выдал себя в своём знании, и теперь был рад прекращенному объяснению. Даже отвернулся демонстративно и опять склонился к трупу. Рандеву на мистическом поприще не состоялось. Шабаш! Честь имею...

Глава 3

Случаются дни богатые на события, а случаются наоборот. Причём оценка дней даётся человеком не в абсолютном, количественном, значении происходящих событий, как это бывает в полицейских сводках происшествий за сутки, а в сугубо относительном – в виде затраченных эмоций. Закончившийся утром вчерашний рабочий день выдался для Малого богатым, как никогда. И в абсолютном плане – участок

как с цепи сорвался в плане житейско-конфликтных ситуаций, и в относительном – эмоции, связанные с самоубийством, затмили всю суетливую дрянь так, словно её и не было вовсе. Антон даже забыл на время, что сутки уже на ногах...

После суточного бдения всякий нормальный человек думает о сне. И даже обманутый наступившим утром организм привычно бодрствует только до поры – пока не «сообразит», что новый день начат-то без привычного ночного перерыва-забытья и, по сути, продолжается ещё вчерашний день, только опять сменивший темноту на свет. Организм, будучи не в силах разобраться со сбоем в смене света на тьму и наоборот, начинает-таки требовать своего – привычного чередования сна с явью. Человек должен поспать! Пусть даже с утра...

Но это – нормальный человек. Антон же по собственным ощущениям перестал быть таковым. Вернувшись домой, он механически, как робот, умылся, позавтракал (или поужинал, по мнению своего организма? – неважно!), разделся и лёг, однако возбуждение не то что заснуть – даже глаза закрыть не давало. Он словно бы слышал жужжание мыслей в своей голове. Но их было так много и все они были такие быстрые – как простые нервные импульсы, что уловить хотя бы одну из них, осознать её и развить до чего-то понятного сознанию не удавалось. В конце концов Антон под ощутимый пульс в висках стал думать именно об этой невозможности. Потом – о неорганизованности своего мышления, о неспособности им управлять. Затем – о способах избавления от этого дефекта. А какие способы есть? Ну-у... Например, шахматы... Давненько не играл с достойным соперником... А где он, этот достойный соперник? Э-эх, ладно щахматы... Сейчас бы пулю расписать!.. Неспешно... В прошлый раз этот несёт и несёт бубей!.. В итоге без двух остался... Музыка ещё какая-то дурацкая играла... Хоть и тихо, но всё равно раздражала. А что тогда играло? Этот... Как его... Ну-у... Уснул. Организм, не перегруженный пока негативным жизненным опытом, моменты и мизансцены которого ещё не наслоились друг на друга в воспоминаниях, доводящих нервы до необходимости в снотворном, взял своё.

Проснулся бодренько. Снов не помнил... Может, и не было их... А если и были, то не запомнились. Напрягать же мозги в восстановлении картинок из сна не было времени – Малой был приглашён в ресторан на банкет по торжественному случаю.

Антон очень чётко улавливал в себе двойственное чувство по этому поводу. Первая грань была, безусловно, оптимистичной – поход в кабак, праздник, веселье. В ощущениях была даже не важна суть праздника – представлялась простая картинка: красиво выставленная выпивка-закуска, нарядные люди, в числе которых обязательно свободные женщины. Раскрепощённое знакомство, танцы... Впрочем, танцы как таковые Антон не любил и находил в самом процессе танцев по пьяни много комичного... Но! Никуда не деться – ритуал. Ничего лучше, чем потоптаться с понравившейся дамой под звуки дежурной «Ах, какие женщины!», для уплотнения знакомства ещё не придумано. Придётся, конечно, и протрястись с набитым животом в общей круговой компании под какую-нибудь крикливую «А вокруг тишину, взятую за основу...» Вспомнив и предсказав обязательность этой, украшенной философской значительностью, строчки из поп-песенки, Антон даже улыбнулся в предвкушении приятного вечера... Кстати! Антон в этом ресторане ни разу не бывал. Может, там и не будет этого обычного оркестрового разгулья. Может, там струнный квартет? Моцарт, типа?.. Форма одежды-то объявлена парадная! Не-ет, струнный Моцарт – это тоже чересчур, только в другую сторону – как, кроме танца, тогда оправданно пообниматься? Процесс «продувания ушей» понравившейся красавице нуждается в приличном поводе для тесной близости... Ну-у, пока не близости, конечно, – приближения... Шёпот, дыхание, запахи... Ах, хорошо, чёрт! Есть прелесть в физиологии – ничего не поделаешь. Антон улыбнулся себе в зеркало, аккуратно повязывая галстук и с удовольствием отмечая его вкусную сочетаемость с белой рубашкой и намеченным к параду костюмом. Неплохой кавалер получался!

Однако тут же живо ощутил вторую, злобную теперь, половину закравшейся в душу двойственности. Не желая себе признаваться в этом, он тем не менее не мог, кроме как завистью, по-другому назвать своё чувство.

Кирилл – Кира, а в студенческой юности ещё и Кирюня, и даже Киряша! – дорос до защиты кандидатской диссертации. Он теперь учёный. Малой мысленно добавил: «Блин!» Учёный, в смысле новой категории, принадлежности к социальному слою, конечно, а не в первоначальном значении слова – этого Антон даже представить не мог...

Но он сразу жёстко отогнал от головы этот мрак, начинавший заслонять своей чернотой предвосхитительную радость грядущего веселья с возможным романтичным продолжением... А что? Очень может быть – молодость есть молодость!.. Давно с Кирой в компаниях не виделись... Круг знакомых есте-

ственным образом обновляется у обоих. Наверняка будут на банкете какие-то новые для Антона лица женского пола... И свободного образа жизни – это неплохо бы!.. Хотя и некоторые старые женские лица вполне бы... Ха-ха! Вот так вот, бабоньки, вы благодаря игре понятий русского языка невольно стали уже «старыми» лицами! Уж не сердитесь – речи о ваших отставках «по выслуге лет» пока ещё нет... Во как! Даже в рифму: по выслуге лет – пока ещё нет... Ввернуть где-нибудь в беседе при случае, что ли? Нет! Не надо – женщины очень болезненно реагируют на возраст, даже когда ещё и возраста-то никакого нет. Это у них так принято. Культивируемый комплекс какой-то... Дуры! Не все, конечно. Есть очень даже замечательные образцы «старшего поколения»... Татьяна, например. Под полтинник бабе, а она... как там Хлестаков говаривал про жену городничего: «Очень аппетитна, очень недурна», так кажется... Хотя у этой Татьяны обратная сторона комплекса – она свой не девичий уже возраст, как знамя, несёт. Она им козыряет, смотрите, дескать, ссыкухи, и учитесь. Определённо, есть у баб возрастной комплекс. Н-да... Мужикам в этом смысле проще.

Антон с удовольствием уловил себя на том, что о виновнике торжества не думает вовсе. Виновник – Кирилл – присутствовал в мыслях как-то отдалённо. Как повод. Фон. Подарок бы не забыть! И стихотворное поздравление – незаурядное, остроумное – чего там скромничать! Он ещё раз пробежал глазами по бумажке, убедился в себе как в неглупом человеке, должном быть интересным для других, и позвонил в такси.

Кира, как и положено, сам выходил из-за стола встречать любого входящего – зал был полностью арендован на вечеринку, несмотря на то, что в официальном приглашении (а было и такое – типографское в конверте) упоминалась компания «строго своих – особо приближённых и сближенных». Впрочем, там же было с юмором написано, что «тесноту компанейского общения» организаторы... пардон, а лучше, сорри... модераторы или аниматоры не обещают, но «предполагают возможность дальнейшей парной тесноты по желанию... Обоюдному!». Игривость как бы значилась в программе изначально, хотя повод для «тусовки» был очень даже серьёзный – первая учёная степень... Не хиханьки, вроде как по стилю нужны, а нечто построже – с фанфарами и аплодисментами, «переходящими в овацию после слов докладчика». А тут?! Полная несерьёзность, которая, кстати, сразу начала сверлить Антонову душу куда как противнее, чем сам факт чужой защиты. Мало того! Именно неуместная шутливость словно бы была фундаментом для нехороших чувств и предчувствий Антона. Антон заставлял себя не думать об этом... По крайней мере, не зацикливаться. Он давно уже терпеть себя не мог в зависти к кому-то. Он считал, что кто-то должен бы уже завидовать ему самому. А то что не в чем – это величайшая несправедливость мироустройства! Впрочем, это пока не в чем...

Как положено, с опозданием расселись и, не обращая внимания на пустующие места – очевидно, все ключевые участники уже собрались, – стали привыкать к обстановке и дисциплинирующему поначалу своему торжественному виду.

Первый тост провозгласил научный руководитель Кирилла. Надо отдать должное ему, он говорил недолго и нескучно, всего лишь раз упомянув сложное название диссертации, прозвучавшее для большинства собравшихся, как гладкий набор заумных звуков. Причём сам профессор для точности произнесения глянул в припасённую бумажку, чем заставил некоторых гостей переглянуться. Антон даже улыбнулся, слегка наклонив голову и пряча лицо. Ему нравилось-таки убеждаться в оправданности своих отгоняемых чувств, но демонстрировать их воспитание не позволяло. Подняв взгляд на профессора, он, понимая опять же своё предубеждение, тем не менее отметил для себя, что тот больше похож не на учёного, а на коробейника.

Чокнулись. Выпили. Легко закусили тем холодным, что успели накидать в свои тарелки. Первый звон рюмок и последующее бряканье вилок, шип и бульканье разливаемых по бокалам минералки и соков стали понемногу расслаблять. Прозвучал второй тост. Начали уже привставать мужчины, чтобы попередавать блюда и поорудовать ложками, нагружая салатиками свои и ближайших дам тарелки. Стали организовываться для общения кружки близко сидящих. Оркестр... Нет – всё-таки ансамбль тихо бренчал какую-то эстрадную легкость. В общем, обычное банкетное начало, когда понемногу начинает забываться повод для торжества, и банкет становится самодостаточным – без обязательного повода.

Приличия ещё соблюдались, и на первый перекур мужчины отправились в курилку к туалету. Кира остался, и это дало возможность высказываться о нём в третьем лице. Для начала – восхищённо. Некий его родственник – то ли дядя, то ли муж тёти – смачно выпустив в потолок вонючий дым и состроив на лице философскую мину, глубокомысленно произнёс:

– Молодец всё-таки Кирилл... Я не специалист в его области, но люди говорят, что эта его диссертация и на докторскую потянула бы. Молодец!

И обычный в таких случаях отвод глаз в безлюдное пространство для театрализованной демонстрации необязательности чужого согласия с этими словами. А если кто-то не согласен, то это, вообще, его личное дело – опять же необязательное для всех. Так всегда беседы между незнакомыми людьми и завязываются. Нащупываются позиции. Находятся точки пересечения.

Антон, справедливо считая себя специалистом, решил развеять туман безличности и, как ему показалось, нейтральным тоном спросил:

– Кто говорит?

– Люди... Я не знаком пока... Рядом со мной сидят, – дядя-муж тёти удивлённо глянул на Антона. – А вы не согласны? Так странно спрашиваете...

При этом он сам вопрошал Малого таким тоном, словно бы недоумевал, дескать, если ты не согласен, то чего тогда сюда припёрся!

– Вон моё место. Видите? – он показал рукой с дымящейся сигаретой. – А рядом и напротив люди сидят. Знаете их?

– Я знаю, – сказал ещё один, подошедший к двери. – Они сугубые практики. А Кира теперь теоретик...

И, отходя якобы к пепельнице, с улыбкой подмигнул Антону.

– Ну и что?! – родственник возмутился этому простецкому «Кире» так, будто бы выявлял и допрашивал замаскированных диверсантов. – Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что сказал... Видите ли, м-м-м... Как вас?..

Дядя назвался.

– Извините. Спасибо. Видите ли... Практик, оперирующий в работе устойчивыми категориями и понятиями, применяющий устоявшиеся принципы и методы, часто не может понимать – принимать либо отвергать – предлагаемых в юриспруденции теоретических изысканий и новшеств...

– Проще говоря, вы их дураками называете... Так, что ли?! Я тоже дурак по-вашему?!

Родственник начал откровенно гневаться, точно выпил не ещё только пару рюмок, а уже с пяток... даже с десяток – ему бы ещё галстук расслабить и сдвинуть, рубашку из брюк повытягивать до мешкообразного вида, руки в карманы и сигарету в угол рта – обычно так и бывает. Но позже! Этот же в своём искреннем возмущении шёл с опережением графика.

– Н-ну-у... – со спокойствием знающего Главную Тайну человека ответил провокатор, бросил в жерло пепельницы непотушенную сигарету и снова с улыбкой незаметно подмигнул Антону, который выражением лица был всецело на его стороне. – Зачем же вы так? Не надо людей обижать подозрениями.

И, даже не взглянув на оппонента, вышел из курилки в зал.

– Нет, вы видели?! – теперь родственник апеллировал к Антону. – Кто это такой? Наглец – самым умным себя считает...

Но Малой тоже не хотел продолжать, пожал плечами и оставил дяде одну возможность – поискать согласных слушателей среди людей, собравшихся в другом углу курилки своей компанией. Антон, правда, окурок не просто бросил в пепельницу перед выходом – он его сначала затушил, с кайфом вминая в глянцевую жестянку, словно бы растирая по ней одобряемую дураками несправедливость.

Глава 4

Неспешно двигаясь к столу, Малой оценивающе разглядывал дам, надеясь в душе уловить во взгляде понравившейся одинокой красавицы ответный интерес. Не уловил. «Ничего, – решил он про себя, – праздник только начинается!»

Но, переводя взгляд с одной на другую, он случайно встретился-таки глазами с той, взгляда которой он не то что не хотел, а даже боялся – с женой Кирилла Дианой.

Когда он её вспоминал, то ненавидел свою незаурядную память. Диану-то как раз он с удовольствием бы забыл, как будто и не было её вовсе. У Антона даже иногда получалось по собственному приказу уже не думать о ней, он научился отвлекаться. То ли время лечило, то ли воля его работала – он не анализировал, откладывал на потом. И вот она... Впрочем, было бы удивительно, если бы её не было на торжестве собственного мужа. Малому даже пришлось признаться самому себе, что он хоть и понимал неизбежность такой встречи, надеялся, что они останутся на дистанции и Диана не сможет снова по-женски понять его неизбывную до сих пор боль. Антон не хотел выглядеть слабым. Он боялся, что отведёт взгляд первым.

И вот на тебе!.. Глаза-в-глаза! Тет-а-тет, практически... Хоть и при скоплении народа, ставшего в одно мгновение даже не массовкой, а неодушевлённой массой – неким шевелящимся и говорящим сгуст-

ком материи, которая даже и живой-то перестала быть в сознании Антона. Он остановил шаг. Остановил взгляд. И через миг понял, что не отведёт его первым – выпивка в помощь! – и не моргнёт. Мало того, он и улыбнулся непринуждённо, склонив голову в приветствии, а в конце ритуала ещё и подмигнул, словно бы перенял инициативу от провокатора в курилке. Только потом двинулся дальше, как будто шутливо отработав почтительное «Бонжур, мадам!» и безразлично после этого и оправданно отведя взгляд по направлению движения. «Браво!» – поздравил он сам себя, посчитав акт сыгранным. Полегчало, и он с удовольствием увидел рядом со своим местом сидящую и смеющуюся незнакомку – по всем признакам без спутника. Впрочем, может, и сначала он её увидел, а уж потом ему полегчало... Не важно. Проехали. Забыли.

– Вы позволите, сударыня?

Закалённый давешней репетицией взгляд прямо в глаза незнакомки. Пронзил – с её лица даже улыбка сошла. Дама села ровно, подобралась:

– Да, конечно.

– Будем знакомы? Меня зовут Антон...

Но не успел он усесться, состроить маняще-плотоядное лицо и повернуть его к соседке, как с весёлым шумом и бутылкой коньяка на свободные места напротив загрузились Кирилл и его жена Диана.

– Ребя-ата! Как я рад, что вы пришли, – в Кире искренне радостно гулял хмель, по всем признакам начавший поступать внутрь ещё до банкета. – Антоша, ты почему не ухаживаешь за... Простите, как вас?

Одним предложением именинник сумел оконфузить обоих: Антона – «Антошей», его соседку – неузнаванием. Не думая о переживаниях соседки – плевать на неё! – Малой остро почувствовал, что это возникшее и неуловимое в секунду неудобство сразу превращается в его груди в хорошо осознанную злость. Кира всегда был хамоват... Да что там – жлоб он! Хороший костюм, дорогие часы, косметологом отшлифованная морда, маникюр... Жена-красавица, перспектива в жизни... Да! Все задатки аристократа... Но – внешние задатки! А настоящий аристократизм – это не снаружи... Это внутри!

– Это Светка! Ты чё?!

Начала было Диана по-простецки выравнивать ситуацию – ерунда, дескать, не обращайте внимания – таким же тоном, как у мужа, только теперь играя нуждающийся в безусловном прощении хмель.

– Светка. Подруга моя... Не обижайся. Он ещё вчера праздновать начал... Это теперь на неделю...

– Ты чё, старуха?! У тебя муж – кандидат наук... Это две недели минимум!

И уверенная в своей правоте ухмылка жене, которая не скрывает своего довольства этой жизненной уверенностью мужа. Затем привычный для обоих и наплевательский для окружающих в своей показательности чмок вытянутыми встречными губками.

Невольные зрители всегда в таких случаях обязаны умильно улыбаться. Антон будто бы увидел себя со стороны с этой идиотской улыбкой и без усилий снял её с лица. Он ненавидел эти семейные демонстрации, ясно чувствуя в себе неловкость свидетеля, пусть и случайно, но подсмотревшего в замочную скважину и подслушавшего за дверью. Однако ненависть просыпалась не к себе в минуту неловкости, а к источнику – и совершенно оправданно! Чего вы лезете к другим со своим образцово-показательным счастьем?.. Это ведь неприлично, потому что другим, нормально воспитанным людям, становится неловко. А вы именно лезете! Даже если в эти секунды демонстрации вы совершенно искренне перестаёте замечать окружающих... Тем более если перестаёте замечать! Это же вдвойне неприлично... Жлобство, короче! Чему улыбаться-то?! Да ещё после «Антоши»... Сохранять приличия для неприличности? Но это же нонсенс!

– Давайте выпьем! За нас...

Кира собрал ближайшие рюмки, расставил их в ряд и, по-хозяйски вообще не спрашивая Светку, что она пьёт (может вино?), наполнил их коньяком.

– А «за нас» – это как: за вас отдельно или за нас всех?

Антон сумничал не только тоном, но и жестом: в первой половине вопроса он показал на Киру с женой, во второй – прижался плечом к Светлане и коротко глянул ей в глаза. Она улыбнулась в ясной благодарности за достойный ответ хаму.

– Ой! Антон! Давай не будем... А?!

Искренняя радость Кирилла всё-таки нашла пути в сердца его гостей, и все четверо чокались рюмками, искренне улыбаясь, вполне довольные друг другом и нарастающим ходом праздника.

И хотя дальше общение всё больше переставало быть столь «учтивой» беседой и становилось болтовнёй, по-светски непринуждённой и даже весёлой, Антон почти физически ощущал некое злобное

любопытство, которое вместо расслабления по мере пития наплывало на него с каждым новым тостом, включая собственный. Оно наполняло своим объёмом всё окружающее пространство. Оно заслоняло всё происходящее. Даже соседка во всей свежести знакомства с нею интересовала его гораздо меньше, чем Кирилл со своей отмечаемой научной работой. Светлана с неловкой подачи Кирилла начала было присматриваться-прислушиваться к Малому, но, ощутив своей женской сутью, что тот уже катится вниз с невысокой горки интереса к ней, тоже наполнялась безразличием и смеялась вполне нейтрально, чаще – вежливо, без нерва. Хихикала больше, чем хохотала.

Антон не понимал, что с ним происходит... Почему вдруг его так захватил вполне предсказуемый факт Кирилловой диссертации, что даже молодая, нарядная и надушенная, интересная женщина ему совершенно по фигу. Он невольно даже вспомнил недобрым словом провокатора из курилки, рассуждая одновременно, что не в провокации, конечно, суть, и пугаясь догадки, что истинным катализатором его теперешнего наваждения стал утренний факт самоубийства.

«Если у человека не было мозга, то как же он мог понять, что надо покончить с жизнью?.. Что жизнь потеряла всякий смысл?.. Ему же понимать нечем было!!!»

И сразу после этого немого крика – уловимый своим сознанием и необъяснимый в своей бессознательности взгляд на довольную жующую и говорящую голову Кирилла.

Слава богу, тот всё-таки ушёл из фокуса танцевать с женой. Иначе эта растущая неясная и неконтролируемая злость довела бы Малого до исступления. А так... Он снова вспомнил о соседке, образ которой перестал улавливать даже боковым зрением.

– Светлана, пойдём и мы потанцуем?

Кавалеру казалось, что он говорит ласково... Ну, хотя бы приветливо!

– Не пойду, – серьёзный ответ.

– А что так? Не умеете? Не хотите? Или, может, не можете?

Антон уже приготовился к тому, что дама сердца оценит игру слов в последней фразе и станет – должна стать! – игривой для флирта, но услышал:

– И умею, и могу, и даже хочу... Но не пойду! Я вас боюсь.

По её обращению на «вы», а ещё больше – её немигающим, совершенно не хмельным глазам Малой понял, что она действительно боится.

Глава 5

Когда вечер без приключений кончился, Антон, станцевав-таки и весело разболтав испуганную даму, отправился её провожать. Он чувствовал, что не хочет с ней никакого продолжения... Удивлялся этому, но не боролся с собой, не заставлял себя её хотеть и провожать отправился так, на всякий случай – впрок. Ну и из вежливости, конечно, – мужчина же он, в конце концов. До дома оставалось совсем недалеко, она уже показала ему его, проверяя реакцию кавалера на скорое прощание, как перед ними возникли трое парней в темноте и традиционно стрельнули сигарету.

– Я не курю, – как можно суровее ответил Антон, озираясь по компании и окрестностям.

– А тёлка твоя?

– Да пошел ты, бычара!

Светлана оказалась бывалой... Впрочем, может, это алкоголь отчаянно сыграл на её нервах. Однако как бы там ни было, этой своей бесстрашной фразой она сначала здорово испугала Антона, малодушно и лихорадочно искавшего бесконфликтного отступления. Но и разбудила тут же в нём засыпавшую силу воли. Соображение тоже проснулось и уверенно известило Антона о том, что без драки не обойтись – за этим их и остановили. А вызвать подмогу из полиции не успеть – хулиганы не дадут. А пока они разберутся, что он сам – мент... Да и если разберутся, то с перепугу могут вообще непоправимо усугубиться. Для него... для них со Светланой непоправимо.

– Ах ты не куришь, падла?! Так и к тёлкам не приста-вай!

На последнем слоге последнего слова Антону сбоку сильно врубили по морде. Его развернуло, но он устоял на ногах и отработанным уже автоматом перехватил летящую ему в пах ногу. Выкручивая, сильно дернул её вверх. Кто-то невидимый вскрикнул от боли и упал. Светлана заорала и начала размахивать сумочкой.

– Ах ты, сука!

И посыпались удары. Дама сразу же улетела в кусты палисадника. Антон, стиснув зубы, стоял и отбивался. Он намечал себе одного – главного у них – противника, против которого и будет воевать. На

остальных – плевать. Долбить надо одного – главного! Сломается он – остальные уже не враги. Антон мгновенно его определил и стал как попало и чем попало наносить ему удары. Антон, не отрываясь, смотрел в его глаза. Антон перестал чувствовать боль. Антон в ярости рычал. Взгляд противника дрогнул. Он стал бояться. Его рот уже открылся для крика. Он уже беспорядочно махал руками. Он нырнул рукой в карман куртки и выхватил нож.

– А-а, гнида! – это уже заорал Антон и мгновенно изготовился рубануть того ногой по роже.

Рубанул. Попал смачно и хрустно. Но перед этим успел почувствовать сначала тупой толчок повыше колена и сразу же резкий как будто укол большой иголкой. Брызнул еле видимый в темноте чёрно-красный даже не фонтан, а фейерверк. В «атасе» разбежались парни. Выбравшаяся из кустарника растрёпанная Светлана, увидев кровь, завизжала.

Антон, отдуваясь от горячки драки, с удовольствием отметил для себя, что кровь его не пугает, однако на всякий случай присел прямо на тротуар. Перехватил-пережал свою ляжку, пытаясь остановить стекавшую уже не в лужу, а в свернувшуюся горкой кровь, и сообразил, что надо вызывать «скорую».

– Хватит причитать, – рявкнул он на суетящуюся в слезах вокруг него даму и тем самым привел её в сознание – она даже вздрогнула. – Звони давай...

Проснулся от суетливого шума. Открыл глаза и увидел над собой улыбающееся милое лицо симпатичной девушки. Огляделся. Рассмотрел на ней больничную униформу и только тогда вспомнил, где он и что с ним.

– Просыпайтесь. Готовьтесь к обходу. Сейчас вас осмотрит доктор.

Дежурная медсестра умела быть ласковой в своей служебной деловитости. Через несколько минут в палату вошёл врач со свитой:

– Ну-с, любезнейший... Здравствуйте. Как наши дела?

– Ваши? Не знаю, доктор...

– О-о, да у нас чувство юмора не пострадало... В смысле, у вас, – врач вполне приветливо улыбнулся. – Значит, не так плохи наши дела... То есть ваши! Ха-ха. Итак, что мы имеем...

– Я, доктор?

– Нет, теперь как раз все мы! Как вы себя чувствуете?

Дальше уже почувствовавший усталость – очевидно от наркоза – Антон отвечал только мимикой и кивками. Ему стало неловко. Он не только вспомнил, но теперь и осознал случившееся. Как всякий нормальный мужчина, он стеснялся быть потерпевшим...

Слово-то какое – потерпевший! Терпила!!! Нет, при всём психологическом отторжении фени нормальными людьми есть в ней удивительные образцы точности ассоциаций в замене обычных слов на жаргонные. Формулировка порой доведена до предельного ощущения уважения или пренебрежения. Вчитайтесь!

«Терпила» – чистое существительное в своей законченности на базе того же корня, что и «потерпевший» со всеми признаками прилагательного. Род существительного неопределим без конкретного персонажа. Но отличительный признак у «терпилы» в именительном падеже сугубо женский – «а» в конце. То есть получается, что терпилой может оказаться мужчина только при отсутствии мужественности? Есть чего стесняться... Пугаться даже! Конечно, есть и обратные образцы такого сочетания – само слово «мужчина», например. Но здесь всегда важны контекст и сила привычки. Мужчина ведь тоже мужчинкой бывает. Терпиле же такой суффикс без надобности – итак всё ясно: слабак!

Антон вдобавок ещё и из «органов»... Силовых! То есть, рассуждая концептуально, это он со своими полномочиями должен всякого рода негодяев и злодеев мужественности лишать. Это они при встрече с ним должны терпеть! Но где те, вчерашние, сейчас? И где он!

Впрочем, быстро разобравшись в переживаниях самокритичного свойства, Антон понял, что в душе у него нет безусловного чувства проигрыша. Разбежались-то они! Значит, вполне допустима мысль, что сидят они сейчас где-то в норе – в норке! – и боятся. Страх свой терпят! И ещё неизвестно, что хуже – быть официальным потерпевшим или тайным терпилой.

– Вижу мысль в глазах, – с наигранным, впрочем, довольно умело наигранным, оптимизмом продолжал между тем врач. – Значи,т мозги работают... Пытаются, по крайней мере! Это хороший признак, любезнейший. Стало быть, сотрясение мозга у вас не такое серьёзное, как показалось вначале...

Он сидел и с напряжённым лицом читал первоначальные диагнозы. Малой молчал с термометром подмышкой.

– Ну, а что вы хотели? – снова заговорил доктор, обращаясь то ли к Антону персонально, то ли ко всем,

кто его слышал, но скорее, самого себя убеждая. – Бледный. Глаза закатываются. Весь в крови. Буровит что-то, как в бреду: то ли спасаться просит, то ли на фронт просится. Спутница в истерике. Катастрофа, одним словом! Впечатления и эмоции – соответствующие... Медики – тоже люди... Всего лишь люди...

Разговорчивый доктор закончил читать и бубнить, посмотрел на Малого:

– Ну-ка...

Уверенно и бережно взял руками его голову, осторожно приподнимая веки своими большими пальцами, посмотрел в глаза, потом отпустил.

– Покрутите головой влево-вправо... Повращайте глазами... Голова не кружится? Нет? Точно?!

Удовлетворённо откинулся на спинку стула:

– Ну! Всё нормально с вашим мозгом, молодой человек. Если даже и встряхнулся, то совсем немного. Чуть-чуть. – Доктор даже подмигнул шутливо. – Ну, заплелись извилины чуток... Так это и от тяжких дум бывает... И довольно часто!

– Это если сами извилины есть!

Антон вставил фразу так неожиданно, что врач переспросил:

– Что, простите?

– Я говорю, если мозги как таковые есть.

Доктор мгновенно словно бы не погрузился, а нырнул в раздумье. Он посмотрел на Антона снова очень внимательно, но теперь уже явно не медицинским взглядом:

– Вы правы, молодой человек... Вы даже не представляете, как вы правы... Сотрясение мозга может быть только при наличии самого мозга. А между тем этот диагноз ставится несправедливо часто... Неоправданно часто!

И он снова взглянул на Антона и опять новым взглядом, ясно выражавшим сомнение в отношении самого этого пациента – привычное уже сомнение ко многим таким же, но снова яркое во всяком случае. Однако он тут будто встряхнулся и сбросил задумчивость.

– А что же нога? Показывайте...

Антон откинул одеяло и сам словно бы увидел свою ногу впервые – повязка повыше колена стала сразу же тугой по ощущениям.

– Хотели вам лангету наложить... – оценивающе, как эстет, рассматривая пострадавшую ногу, произнёс врач.

– Что наложить?

– Лангету... Этот гипс, молодой человек, служит для фиксации суставов и называется «лангета», – с улыбкой сказал обаятельный хирург.

– Как в ресторане, – без улыбки пробурчал всё ещё не очухавшийся от наркоза Антон Малой.

– Да, похоже. У нас ведь тоже мясные дела... У вас, правда, и сухожильные малость. Поэтому не ресторан, а больничная травматология. Полежите у нас пару неделек, Антон, срастётся там. Заодно и головка бо-бо перестанет. Голова-то болит? Впрочем... Сейчас-то еще нет, наверное? Наркоз был глубокий. Ну да ладно... Больные ждут... А некоторые, заметьте, ждать не могут и не должны. После договорим. Отдыхайте пока.

Доктор и не пытался скрывать, что его заинтересовал Малой. Он даже подмигнул ему при всех, вставая со стула – не прощаемся, дескать, скоро увидимся.

Глава 6

Наркоз ещё не совсем отпустил, и Антон снова уснул.

Когда опять открыл глаза, то увидел сидящую возле его кровати и тихо плачущую мать.

– Мам, ты чего? – механически задал дежурный в любой семье вопрос.

Теперь она захныкала в голос и стала рукой нежно гладить разбитое лицо сына.

– Как же так, сынок? За что ж они тебя? – тихо голосила обычные в такой ситуации вопросы. – Да как же так? Что ж теперь будет-то?

– Да ничего не будет, мам, перестань...

– Как же не будет? А нога-то... вон... забинтована!

– Так больница же! Вот и бинтуют – работа такая...

Антон играл в веселый оптимизм. Подействовало.

– А я тебе, сынок, тут фруктов, конфет, сока принесла. Кормят-то хорошо? Может, чего посерьёзнее надо? Принести-то чего?

Антон уже не дежурно, а искренне улыбнулся.

– Меня еще не кормили, мам. Я только проснулся...Ты мне мою зарядку для телефона принеси...

– Так я принесла, сынок...

– Отлично! – Антон сразу же по-деловому начал хлопотать со связью. – А кстати! Ты как узнала-то?

– Так из отдела дежурный позвонил...

И снова, вспомнив свой ужас от услышанного тогда по телефону, мать начала плакать. Не громко рыдать, переполненная неизбывным страхом и болью за сына, а тихонько хныкать в платочек. Антон даже отвернулся, чтобы не видеть жалкого лица плачущей матери, хлюпающей и сопящей тихо и смиренно – привычно! Это становилось невыносимо. Не от жалости к ней – от её «жалкости».

Он стыдился. Отгонял эти мысли, но они упорно одолевали его своей назойливостью...

«Господи! Как же ты мне надоела! Ну, был когда-то смысл в твоей жизни... Я! Маленький. Но теперь-то... Да и тогда! Ребёнок, дети как смысл в его сугубо биологической сути... Животный это смысл... Не человеческий... Ничего интересного... Доброта? Не бывает интересной. Злость интересна! Причины злости... Господи, сколько же у тебя их было и есть!.. Способы проявления злости... Цели, если злость небезотчётна... Они, кстати, могут быть самыми добрыми. Надо только уметь понимать, где для добра злость нужна. Но с пониманием у тебя... Увы!..»

Последняя и давняя очевидность, словно бы теперь заново сформулированная, даже не резанула своей проникающей остротой, а разодрала сознание Антона своими зазубренными, как у орудия пытки, краями. Удивительно, остроту ощущения при этом он никак не мог бы назвать болью... Наоборот! Даже дышать стало свободнее.

«...А есть ли у тебя то, чем понимают-то?! Ты ж прожила так, что тебе мозги ни разу не нужны были!..»

Малой даже головой потряс – в ней был уже явный перебор. Мать ведь! Пришлось заговорить, чтобы отвлечься:

– Ладно, мам... Перестань! Ничего страшного... Полежу тут... Отдохну... Этих чертей найду обязательно – ребята из отдела помогут... Я одному точно челюсть сломал. Проявится! Такое своими силами не лечится...

Она заулыбалась было от уверенности сына, но, услышав подробность про ещё одну возможную травму, ужасно серьёзную, пусть не у него самого теперь, но напрямую с ним связанную – его рук... точнее, ног дело! – снова скривилась в приступе страха и плача.

Антон распечатал принесённый ею сок, налил и дал ей чашку:

– На, попей... Успокойся...Что-то ты совсем расстроилась... Расстраиваться по пустякам стала... Это не мне – тебе нужнее в больнице-то полежать. В невралгии... Точно!

Малому самому так понравилась эта идея, высказанная в виде взбадривающей шутки, что он даже заёрзал на койке.

«Точно! Надо ей магнитно-резонансную томографию сделать... Посмотреть, что там у неё есть... Идея! Хотя, как можно верить этим картинкам, получаемым некими «волшебниками» в белых халатах, когда они и сами-то не всё как следует понимают?! Это вот для неё и для таких же правдой выглядит то, что они «лепят», как и вся остальная «залепуха», что ей по жизни в голову «втирают», а я, уж извините, напрямую с людьми поработаю».

Ему нестерпимо захотелось действовать прямо сразу. К тому разговорчивому доктору и обратиться. Он, кажется, зав. отделением? Вот, как раз! К тому же у него явно было – есть! – что Антону сказать... Рассказать даже!

– Ну всё, мам... Успокоилась? Не переживай. Зарядку принесла – телефон работает. Связь налажена. Не задерживайся тут, а то ты только расстраиваешься понапрасну. Давай прощаться. Мне к доктору надо...

– Прощаться?! – она снова до слёз испугалась.

– Ой-й! – Антона даже перекосило от раздражения. – Не цепляйся к словам. До свидания!

Взгляд в детство и юность – Мать

Антон рос без отца. Он о нём ничего не знал кроме фамилии. Своей унаследованной от него фамилии. Мать никогда о нём не рассказывала. Но, надо думать, относилась к нему и помнила его с трепетом, раз дала сыну не свою, а его фамилию. Может быть, для рассказа ждала, когда сын станет взрослее. Антон ни о чём её не спрашивал, хотя и очень хотел узнать, кто его отец и почему он не с ними. Впрочем... Взрослея и глядя на свою мать уже не детскими глазами, Антон не удивлялся, что у неё никого нет. Он

понимал, что на такую женщину может клюнуть только такой же, как она, ущербный человек.

Его матушка, назовём её Мариванной, была женщиной доброй до невозможности, отчего и тянула по жизни свой многопудовый крест, который всегда есть кому взвалить на плечи совестливого человека. Вселенская жалость к людям вообще, желание им всем хоть как-то помочь во всевозможных житейских трудностях, неяркий, даже убогий ум и чрезмерная впечатлительность заставляли Мариванну плакать перед телевизором не только на глупых, слезливых сериалах, но иногда даже и на мультфильмах. Антон подозревал, что и он-то родился потому, что она когда-то расчувствовалась от чьих-то пьяных и забубённых россказней, да и пожалела расшалившегося гуляку. Антон боялся, но не удивился бы, если вдруг оказалось, что он – результат некоего мужского, пьяного и грубого, циничного и весёлого спора. Так ведь бывает и в книгах, и в жизни. Повод так думать мать усиливала еще и постоянно виноватым выражением глаз при разговоре с сыном.

Внешность у Мариванны была никакой. Никаких крючков. Ничто не цепляло. Ни уродства, ни красоты. Ноль! Обычная смиренная, даже эталонная мать-одиночка, для которой единственный болезненный сын – это и есть весь смысл существования. Чисто природный смысл – родить потомство и вывести его в мир, когда оно сможет пастись самостоятельно. Потом и помереть так же, как и жила – смиренно и спокойно.

Работала она простым инженером. Как начала после института, так и работала всё время. Ясно было, что так и на пенсию уйдёт. Никаких амбиций. Никакого честолюбия. Инженер и всё. То ли хороший, то ли плохой – непонятно. Просто инженер. Что написано в должностной инструкции, то и делает. Никаких неожиданных всплесков или провалов – абсолютная предсказуемость. Стопроцентная добросовестность при полном отсутствии импровизаций.

Единственной неожиданной удачей в жизни Мариванны была квартира, благотворительно, как матери-одиночке, выделенная ей словно бы с барского плеча районной администрации. Пропиарился таким образом один из местных депутатов. Показал конкретную заботу о конкретной неполной семье. Повезло Мариванне попасть в его поле зрения.

Впрочем, почему – единственная удача? А сын?! Ребёнок для любой женщины, пусть даже и без законного мужа – это ведь тоже удача. По природе вроде как обязанность... Но и удача тоже. Счастье!

Когда дела с новой квартирой начали реально налаживаться, то, чтобы жильё было хотя бы двухкомнатным, ей, по совету бедовых сослуживиц – настоящих подруг у неё не было, пришлось единственный раз в жизни пойти на ухищрение и фиктивно ввести в состав семьи своего отца, специально для этого выписавшегося со своей жилплощади в другом городе. Проводя эту, в общем-то, безобидную и привычную для всех даже не аферу, а простую житейскую операцию, Мариванна жутко нервничала, страдала бессонницей, пару раз даже собиралась во всём признаться районному начальству. Но всё-таки, выслушав заверения в успехе снисходительно улыбающихся помощников депутата и подогревая свою решительность мыслью о благополучии растущего сына, немыслимым для себя усилием воли она смогла довести процедуру до конца и справить новоселье. Получилась типовая «двушка» для Антошки – до восторга увеличенное материнское счастье. Мариванна с тех пор считала себя счастливой женщиной. С оговорками, конечно, но, по большому счёту, – безусловно, счастливой. Сын растёт – умница, работа постоянная, благоустроенная квартира для жизни – что ещё надо? Всё есть! Что есть – то и надо! А надо то, что есть уже. Круг желаний успешно замыкался. Это ли не счастье?

Мариванна радовалась даже становившемуся жестким и злобным характеру сына. Она, не искушенная в близком общении с большим количеством разных мужчин, стала считать, что у него это и есть взросление и возмужание. Мать со своего сына пыль сдувала. Всячески ему потакала и искренне им восхищалась. Мариванна, можно сказать, пребывала в состоянии родительской эйфории и экзальтации. И грешно было бы судить её за близорукость. В её малорадостной жизни сын был единственным «светом в окошке». А с его взрослением она стала его ещё и побаиваться, укрепляя его тем самым в его горделивой уверенности и мыслях о собственной исключительности. Антон очень рано стал жить своим умом и напрочь перестал о чём бы то ни было советоваться с матерью. Возникавшую время от времени сыновнюю раздражительность мать справедливо относила к издержкам переходного возраста и половому созреванию мальчика. В душе она мечтала, что скоро сын познакомит её со своей девушкой. Что у него будет большое и светлое чувство. Что дело пойдет к свадьбе и внукам. Мариванна даже стала копить деньги специально для такого праздника, который обеспечит ей спокойную и счастливую старость.

Время подошло, и Антон Малой, блестяще закончив школу, без проблем – взяток и прочих глупостей – был зачислен на бюджетную программу университетского юридического факультета. Мариванну выбор

сына только укрепил в её к нему экзальтированном отношении. Шутка ли?! Антошка... в смысле... Антон – юрист. Её сын – гений. Ну и что, что с трудом его, недоношенного, родила?.. Зато голова-то какая. Гений, несомненно! А таким трудно бывает себе избранницу найти. Быть спутницей гения не всякой бабе под силу. Им – глупым курицам – «простого женского счастья» надо. А что оно такое, это бабье счастье? Муж непьющий: с утра целует – и на работу, вечером с работы – целует и за стол ужинать. Проверит оценки у детей – и на диван к телевизору. По выходным – в зоопарк с детьми, на рыбалку с друзьями или на лыжную прогулку всей семьёй. Летом – в отпуск к морю. Своему или чужому. Потом опять на работу. На какую-нибудь глупую, даже идиотскую работу, о которой и рассказать-то нечего. И так изо дня в день, из года в год... Тьфу! Мариванна и впрямь плюнула в душе, представив эдакое бытовое, запланированное «счастье», соотнеся его, к тому же, со своей жизнью. И ещё раз: тьфу!

А её Антошка... в смысле... Антон!.. Да он уже на порядок умнее всех своих сверстников, не говоря уже о сверстницах. Да им – телкам длинноногим – дорасти ещё до него надо! Мозги свои хотя бы наполнить как следует, раз уж они у них устроены так плохо. Да-а... Не всякая красотка её сына достойна. Им теперь за него побороться надо. И длина ног с объемом бюста – это не самые главные факторы победы в этой борьбе будут. Они, вообще, изначально в исходных данных соискательницы сами собой разумеются! Красавица должна быть, однозначно. Но с мозгами! И добрая, душевная, покорная. А как же?! Гению только такая подойдёт. Она помощницей должна стать... Вернее, не так. Не помощницей – чем она, дура, помочь-то сможет? Она попросту должна будет взять на себя всю житейскую рутину и обеспечивать Антошке... в смысле... Антону возможность плодотворно работать на благо всего человечества. То, что её сын – планетарного масштаба человек, Мариванна не просто знала – она это ещё и по-женски чувствовала. Ну... По крайней мере, ей казалось, что чувствовала.

Глава 7

Антон осторожно встал с кровати – сначала опираясь на одну здоровую ногу и пробуя бережно, не спеша, «по граммульке», переносить свой вес и на больную ногу тоже. Получилось вполне твёрдо и устойчиво. Не больно даже. Попробовал присесть... Привстать... Да работала нога как надо! И швы держали. И кровь не сочилась. Мысленно поблагодарив и поздравив хирурга с профессиональным успехом, двинулся, прихрамывая всё-таки от неудобства повязки, в туалет: облегчиться, умыться, причесаться – оправиться, одним словом. Визит к доктору предполагался по полной форме! Встреча не больного с врачом, что означало бы доминирующее положение одного и подчинённое – второго, а переговоры двух равноценных партнёров, имеющих, что друг другу рассказать и в чём посоветоваться.

Порылся в принесённом матерью пакете, нашёл салфетки, зубную щётку с пастой, мыло, полотенце – больничное отвергалось не глядя, обул домашние тапочки и поковылял, пришаркивая и припадая на негнущуюся ногу, по коридору. Медсестра на посту улыбнулась, не отрывая от уха трубки телефона, кивнула белоснежным накрахмаленным колпаком и без лишних слов задала нужное направление указательным пальцем с ногтем красного медицинского цвета. Туалет оказался неожиданно чистым. Впрочем, Малой тут же поймал себя на предвзятости – больница же всё-таки! Ну, районная... Ну, бюджетная... Но больница. Сантехника – не супер, конечно, но чистая... И работает!

Ополаскиваясь, услышал скрип входной двери и, распрямившись от раковины, увидел в зеркале за своим отражением человека с наложенной под подбородком повязкой, хитро примотанной к голове и напоминавшей ремешок от шлема или фуражки.

Антона даже передёрнуло от узнавания... Вернее, интуитивной догадки вначале... Однако те глаза, чьё выражение не могло быть скрыто никакими больничными бинтами – даже если бы они полностью обматывали лицо – мгновенно подтвердило догадку: он! Вчерашний! И точно – похоже, с переломом челюсти... Хотя и не сильным, без смещения. Успев даже прочувствовать лёгкую досаду от нетяжести травмы, Антон плотно прикрыл входную дверь, задвинул засов и встал спиной вплотную к стене напротив кабинки, в которой журчал его враг.

Надо думать, что он теперь был без ножа... Да даже если и с ним! Малой подсогнул и сделал ноги пружинистыми, забыв про собственный порез, и быстро размышлял, «выключать» его сразу напрочь или только башкой в унитазе прополоскать. Главное, чтоб опомниться не успел, когда узнает... А узнать должен обязательно!

Открылась дверь, и Антон в готовности номер один сделал секундную паузу, чтобы тот смог проникнуться всей трагичной для себя торжественностью встречи. Зря, как оказалось... Хулиган понял всё даже не в секунду – быстрее! Он двумя руками толкнул Антона от себя, пытаясь проложить путь к отступлению и объ-

явлению тревоги в коридоре. Но Антон, забранный весь внутрь себя, словно пружина, мгновенно отскочил от стены и преградил дорогу к входной двери. Сцепились. Начали кряхтеть. Малой чувствовал, что нога у него всё-таки есть. И она нездорова! Поэтому ею же, неспособной твёрдо держать усилие двух напряжённых тел и максимально согнутой в колене, он двинул противника куда попало, одновременно рывком склоняя его в поясе. Попало под рёбра. Дыхание-сопение прервалось. Усилие ослабло, и Антон, оттолкнув врага руками посильнее и оттолкнувшись ногой для прыжка – снова той же, травмированной! – и приземляясь на здоровую, больной-рабочей ногой «ножницами» врубил тому в подставленную в сгибе морду.

Не успевая разогнуться, а только вскинув хрустнувшую голову и перебрасывая центр тяжести на задницу, хулиган словно бы приподнялся в воздух – а может, и впрямь подлетел – такой удачный удар получился, и, перебирая в конце пути ногами, пытавшимися догнать собственное тело, въехал задницей в вымазанное белой краской окно с низким подоконником. Стекло не треснуло, а лопнуло под натиском уже всей падающей в него спины и посыпалось наружу, расцвечивая своими игривыми блёстками и осыпая раскидистым звоном рухнувшее на улицу тело. Третий этаж... Тело не двигалось. Антон успел испугаться – чересчур вышло... Вывалилось даже!

Но тут же ментовская сущность, усугубленная уверенным знанием юридических основ, взяла в нём верх над испугом, и он быстро открыл засов и выбежал в коридор, состроив растерянное выражение лица.

– Помогите! Скорее! Человек выпал из окна...

Малой, не сильно – встревоженная травма уже опять начала проявляться – но всё-таки симулируя хромоту для предупреждения чужих подозрений, колченогим галопом заковылял по коридору мимо поста медсестры к лестнице.

– Скорее! Скорее! Беда!

Медики, подхваченные шумом и сопровождаемые взволнованными взглядами способных выглядывать из дверей пациентов травматологии, устремились за Малым по лестнице вниз.

Когда Антон добрался до места на углу здания больницы, там уже в суетливой и возбуждённой толпе гулявших свидетелей-больных, наперебой рассказывавших друг другу увиденное, какие-то белохалатные люди пытались реанимировать бездыханное тело пострадавшего.

Малой хотел было начать кудахтать о том, как всё произошло на его глазах: как человеку стало плохо в туалете, как он закачался, как его повело, он начал падать, а Антон, видя неизбежность, пытался его подхватить и даже почти успел схватить несчастного за одежду, но проклятая нога подвела – он не успел поймать бедолагу и вытащить его из пропасти третьего этажа... Но передумал. Паническое кудахтанье было бы тоже чересчур для полицейского, должного привыкнуть – а так и было! – к виду человеческих несчастий. Однако он пролез поближе к эпицентру событий.

Сохранившая повязку на бороде голова упавшего лежала боком на бордюре палисадника, как на подушке... Влажной от крови подушке... При этом череп, как аккуратно уполовиненный горшок, был очевидно расколот, и его верхняя часть кроме того, что была раздроблена, была ещё сбита и смещена ударом. Антон обошел место происшествия так, чтобы встать там, откуда открывался страшный в своей откровенности вид разбитой головы. С этой стороны никого не было – жутко было смотреть, и даже страдающие от скуки больные здесь не скопились. Малой подошёл совсем вплотную и заглянул внутрь «горшка». Черная пустота... Что-то ещё продолжало течь из него, мерзостное в своей тягучей сути, но никаких сгустков и близко не было – кровавая лужа и всё. «Пустой!» – подумал Антон с таким облегчением, словно бы убедился в оправданности своей шаткой гипотезы, столь долго лелеемой интуитивно, что не оправдайся она, то и вся жизнь псу под хвост.

– Что, простите?

Оказалось, он не только подумал, но и проговорился-таки. Антон повернулся и увидел стоящего рядом с ним давешнего доктора из обхода, смотревшего немигающим взглядом даже не на, а внутрь Антона через его же глаза. Во взгляде доктора тоже виделось удовлетворение от подтверждения каких-то собственных мыслей.

– Понимаете, доктор... Я был в туалете... Умывался, – Малой заговорил так судорожно, опять же интуитивно чувствуя, что надо отвлечь доктора своим волнением, словно бы не слышал вопроса. – А тут он... Ну он и он... Я внимания не обратил... Слышал только, что дверь открывалась-закрывалась... А когда голову-то от раковины поднял, его уж назад клонило... Падал, значит! Прямо на окно! Я-то сообразил, что он не в себе... Мало ли?! Больница ведь... Ну я к нему... Да пока на своей ноге-то до него допрыгнул, он уж и вывалился... Кто только додумался в больнице – в травматологии! – такие низкие подоконники ставить?..

Врач стоял и кивал головой, то ли соглашаясь в понимании, то ли подбадривая Антона в его вранье... Скорее – второе! Потому что он так и не переставал смотреть ему прямо в глаза, сменив только выражение лица на неуловимо насмешливое.

– Это вы, батенька, сейчас коллегам своим рассказывать будете...

Эту фразу доктор проговаривал, уже меняя одновременно лицо на злобное от наступавшего понимания того, что и самому ему придется несладко – он тут за старшего, ЧП в его вотчине, с него и спросят... На него и навешают!

Скоро приехала полиция. Без тени интереса в лицах – несчастный случай – пустое дело, проформа. Но в составе группы был тот самый судмедэксперт, которого участковый Малой запомнил на самоубийстве. Антон понимал, что его сейчас же начнут отвлекать расспросами о том, как всё случилось, и он молил полицейского бога, чтобы эти расспросы... да что там!.. чтобы допрос его как свидетеля – а кого ж ещё?! – начался чуть позже. Он хотел посмотреть на реакцию судебного медика, заглянувшего внутрь черепной коробки покойника.

Тот посмотрел – никакой реакции... Скучающее в рутинной повседневности лицо, словно бы пустота разбитого горшка – это так и надо, так и должно быть.

– Он нигде больше не ударялся...

Замечание Антона прозвучало настолько двусмысленно для него самого – знающего суть дела, что он даже испугался: мол, раньше времени начал оправдываться. Но на эксперта, пребывавшего в неведении и по виду плевавшего на ход этой истории, оно подействовало, как надо – он не просто обратил внимание на Малого – он к нему присмотрелся. Узнал. Слегка удивился его больничному виду. Сказал глазами: «Ну, мало ли...» и спросил:

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что голова его раскололась уже здесь... И никто к ней до вас не подходил...

Эксперт отвёл глаза туда, куда смотрел Малой – на зияющий чёрной пустотой череп.

– ... Я следил, чтобы всё оставалось так, как есть. Вернее, было... Так всё и было... При жизни!

Реакция после этих уже отнюдь не двусмысленных откровений обязана была последовать, и она уже выражалась в глазах, повёрнутых обратно на Антона, но озвучание не успело состояться – Малого дёрнули-таки для дачи показаний.

– Здравия желаю.

Участковый Малой сразу обозначил себя как своего. С ним и говорили после этого как со своим, случайно оказавшимся свидетелем несчастного случая, лежавшего целиком на совести недоглядевших за больным врачей.

Он наконец вернулся в палату. С облегчением улёгся. Бережно устроил на койке больную ногу, которая после отвлечения от суеты стала чётко напоминать о себе – раненой. Положил голову на подушку и закрыл глаза.

«Пустоголовый... Ничего удивительного... У него, козла, даже на мёртвой роже... Полуроже – лбато нет... Ха-ха... Даже на оставшейся части морды можно тупость увидеть! Гопник – откуда там мозгам взяться-то? Да и зачем?! С мозгами таким сложнее... Опаснее – весу больше. Были бы мозги, голова вообще бы вдребезги разлетелась! А так, хоть в незакрытом гробу закопают... Родня над дорогим лицом поплачет...»

Антон даже представил эту сцену прощания: усопший в гробу с бумажной лентой на голове, прикрывавшей своей какой-то церковной записью отсутствие лба. Цветочками ещё похоронщики прикроют, наверное. Только мёртвое лицо и оставят, чтобы поприличнее выглядел.

«Словно ему не по фигу уже, как он выглядит. Не-ет, церемония похорон нужна не мёртвым, а живым – это они закостеневшую бездушную куклу моют, обряжают... Плачи, как песни, над ней поют... Кадилом машут... Духов отгоняют... Папуасы! Потом закопают... Или сожгут... Напьются и через неделю, а то и раньше, если с похмелья, забудут... Точно, папуасы...»

Разбудила его медсестра:

– Вам письмо передали...

– Как-какое письмо? О-ё-й! Чёр-рт... – Антон спросонья так дёрнулся, поднимаясь, что потревожил ногу.

Медсестра, сияние молодости которой сошло к концу дня и улыбка которой стала усталой – ещё бы, такое ЧП на смене! – сунула ему в руку конверт и, развернувшись, ответила уже уходя:

– Не знаю. Передали и всё...

– Кто?

Она всё-таки притормозила в дверях – воспитанная!

– Посыльный какой-то... Мальчишка... Сказал: вам... И всё.

Малой согнал с себя остатки сна и повертел конверт в руках: написано только в графе «Кому» его имя и фамилия. Обратных данных нет. Конверт как конверт. На свет глянул – листочек там внутри. Надорвал. Достал. Печатные буквы:

«Я знаю, что произошло в туалете. Я знаю, что дверь была закрыта, когда там ВСЁ случилось. Менты не взяли вас в оборот только потому, что вы тоже мент. Но другие следственные органы могут сегодняшним фактом заинтересоваться. Ждите указаний!»

Виски запульсировали. Хоть и было в конце это дурацкое «Ждите указаний!», но серьёзности оно только добавляло – дилетант, стало быть, любитель – такого может с испугу или с дури наворотить! А что он... или она собирается воротить?

«Шантаж?! Очень может быть... Ведь если только узнать подробности вчерашнего вечера, то улика налицо! Косвенная? Это смотря как повернуть!.. Но писавший тех подробностей не знает... Точно! Знал бы – глушил бы по полной программе. О них вообще никто не знает – даже упомянутые менты. После драки никого не задержали... С меня только показания сняли уже в больнице... Кто был тогда? Так... В приёмном покое дело было... Менты были, пэпээсники... Медики тоже слышали, пока раздевали, кровь останавливали... Вот с них и начнём...»

И, твёрдо поняв для себя, что надо делать и как, Малой снова уснул, как провалился в небытие.

Глава 8

Когда проснулся уже глубоким вечером, то с удовольствием ощутил бодрость духа. Буквально! Антон даже подумал, что причиной тому не испарившийся из него наркоз. Вернее, не столько свобода от него, сколько решительность в предстоящем деле.

История повторилась: полотенце, мыло, тапки, туалет, умывальник. Теперь без приключений. Подошёл, спросил у сестры, не ушёл ли доктор.

– У себя.

И опять тот же указательный пальчик с ногтем, наманикюренным медицинским кровавым цветом. Прочитал неброскую табличку «Заведующий травматологическим отделением Коновалов Томас Петрович». Постучал в дверь.

– Да-да...

Вполне приветливый голос. Ладно... Сейчас в двери Малого увидит – выражение лица и покажет, при делах он или нет.

Но то ли усталость от переживаний, а то и они самые, продолжающиеся во врачебной рутине, ничего, кроме лёгкого удивления, на докторском лице не отобразили.

– А-а, это вы? – он ждал, но явно кого-то другого, и под Малого врачу пришлось себя настраивать. – Уже проснулись... А я думал, до утра проспите...

Врач указал на стул, сел за стол и взял историю болезни. Антон аккуратно положил на неё руку, давая понять, что он не за этим.

– Доктор, – он сразу заговорил твёрдо, чтобы никаких ассоциаций со стереотипным представлением об участковом, как о районном ментовском дурачке, у врача не возникало. – Не во мне дело. Я вообще завтра собираюсь покинуть ваши гостеприимные стены... коридоры и даже туалеты... Однако хочу кое-что выяснить...

И мгновенный взгляд – выстрел! – снизу, от бумаг, в глаза доктора. Они дрогнули.

– Что вы-яснить?

– Вам ведь известно, кто я?

– Да...

– Так вот ответьте мне... Без протокола пока... Протокол уже составили сегодня... Но это был только первый... Заметьте, доктор, первый протокол! А я без протокола спрашиваю... Какой был диагноз у того несчастного, что выпал сегодня из окна?

Начавшие уже становиться испуганными от прелюдии глаза медика добавили в своё выражение капельку недоумения. Док пожал плечами, словно бы в разочаровании:

– До падения или после?

– До...

– Ушиб нижней челюсти... Сотрясение мозга... Как обычно! А что такое?

Малой, как нельзя кстати, задумался... Но не о покойном с якобы сотрясённым мозгом, а о себе, бывшем в уверенности, что челюсть-то противнику сломал, а оно вон как оказалось... Надо в спортзале это дело отработать! Вернулся в кабинетную реальность, вспомнил разбитый «горшок» и, устремившись лицом в сторону доктора, горячо зашептал:

– Как же это?! Какое сотрясение? Какого, к чертям, мозга?! Вы же видели труп... Вы же видели голову... Не было там ничего! Пустая!

При этом по мере набора слов Малой накручивал напряжённость и даже горячность в тоне – он под конец уличения доктора практически кричал шёпотом, да ещё и голову поворачивал туда-сюда, глядя медику прямо в глаза немигающим прищуренным взглядом. Он им словно бы высверливал из доктора правду, которую тот до этого не мог даже сам себе сформулировать – боялся. А теперь новый страх живого допроса с пристрастием должен был затмить предыдущий неосознанный, ставший уже привычным в своей размытости, страх перед обыденной, но не означенной в сознании, очевидностью. Врач затрепетал. У него заслезились глаза, но он не мог их отвести от этого гипнотического взгляда профессионального полицейского. Ещё чуть-чуть, и доктор, будучи под насилием психологического допинга, скажет наконец то, чего от него ждёт правосудие.

– Как вы это объясните?! Вы же врач?! Вы обязаны своим академическим образованием уметь объяснять такие вещи! Или вы не в состоянии? Тогда какой же вы хирург? Вам не то что отделением заведовать, а и снопы вязать даже доверить нельзя. Так, док? Н-ну! Как же покойный без мозгов оказался?!

И тут в возникшей в высшей точке напряжения тишине отчетливо и звучно задребезжало... Телефон в кармане больничной куртки Малого. Он даже сквасился от досады! Убрал сверло взгляда. Достал трубку и коротко бросил в неё:

– Я перезвоню!

Успел заметить, что звонил Кира, и выматерил мысленно: себя, что не выключил телефон, и друга, что не вовремя проявился, уже после того, как психологический этюд с доктором был сорван.

Тот успокоился. Его глаза так быстро свернули свой тревожный блеск, что недоумевать теперь пришлось Малому. Доктор ещё и потянулся, не вставая со стула.

– А-а, вы об этом? А-а-а-о-ой... Уф-ф-р-р...

Он даже фыркнул, бросая поднятые руки вниз – размялся, мол.

– Да, гос-споди... Ничего удивительного... Вы бы видели его лицо... Можно сказать, рожу! И не заглядывая в черепную коробку, только по ней, по выражению её витринного облика можно было бы понять, что мозга за ней нет...

И тут же врач подобрался весь, словно очнулся:

– Так вы же его видели!..

И после паузы, ставшей для Малого значительной:

– И не только в туалете... Ведь так?!

Последние два слова доктор произнёс, уже сам приблизив лицо к участковому, отчего тот почувствовал, что теперь не он допрашивает, а его.

– Вы же видели эти мёртвые глаза на бордюре? Так ведь? Они и живые были такие же!

«Уф-ф-р-р,» – мысленно сказал теперь участковый и опустил глаза на бумаги... А когда поднял, то увидел в продолжающемся немигающем врачебном взгляде, что зря так рано расслабился.

Но тут после короткого стука, обозначившего вежливость, в дверь заглянула медсестра и информативно сообщила, что больного уже готовят к операции и подошло время самому хирургу готовиться. Он развёл руками, обращаясь к Малому: увы!

Антон вышел словно опять под наркозом. Гипнотическим! Доктор явно знал больше, чем говорил. Вернее так: вслух он говорил меньше, чем говорили его глаза. Антон стал чувствовать, что вроде как боится его, что ли? Только этого не хватало! Усилием воли заставив себя сбросить это, поразившее его, наваждение, он понял, что вопрос не только не закрылся лихим кавалерийским наскоком – вопрос заострился. Доктора надо трясти! Но не здесь – здесь он дома... Здесь он – главный! Завтра же прочь отсюда... Никуда этот доктор теперь не денется!

Глава 9

Мучимый похмельем, сидящий на кухне за столом в позе «мыслителя» – одна рука подпирает лоб, другая на колене с банкой пива – новоиспечённый кандидат наук всем телом вздрогнул от дверного звонка. Выругался, потея. Пошёл – пополз! – открывать. Пока двигался через прихожую большой новой

квартиры, подаренной отцом к свадьбе, в голове успели пронестись самые яркие картинки из вчерашнего банкета. Похмелье быстро сдвинулось из негативно-мучительной фазы в оптимистично-предвкушающий подъём, когда вспомнил, что вчера – сегодня уже! – всё было не только душевно и весело, но и вполне прилично. Не было чувства тревожной стыдливой неизвестности. Залогом приличий была непрерывность воспоминаний – Кира помнил всё! Они с женой как гостеприимные хозяева бала уже утром завершали вечер, распрощавшись со всеми гостями и покинув ресторан последними. Похмелье сразу перестало быть горьким... Ведь вот пришёл же кто-то из вчерашних или свежих с продолжением поздравлений. А что? Хорошо!

Нежно и ласково щёлкнули, прячась внутрь периметра двери, многочисленные засовы замка, тяжёлая дверь плавно и солидно, как сейфовая, отошла от проёма наружу, и Кирилла так накрыло удивление, что он даже не смог разочароваться. За дверью стояла Мариванна...

– Здрасьте...

– Кирюша, как же так?!

– А что такое?

Он напрягся не от её жалкого вида и вопроса, он больше напрягся от обращения... От этого «Кирюши»! И когда ответно переспрашивал, успел даже... нет, не подумать – почувствовать раздражительную мысль: «Какой я тебе Кирюша, на хрен?! Давно уже по имени-отчеству все называют!»

– Ну как же, Кирюша?..

Мариванна, не в силах сдерживаться при виде чужого богатого похмельного наплевательского успеха, пустила-таки весьма обильную слезу.

– Как же так?! Антон же вчера к тебе пошёл! Нарядный такой... Красивый... А теперь он в больнице-е...

Несправедливо было бы сказать, что Кирилл расстроился только лишь плохой новостью как таковой, бесцеремонно внедрённой и разрушающей его сегодняшний комфорт слабости и умиротворения как оттенок всегдашнего успеха. Кира действительно ощутил беспокойство. Но до конца всё-таки сам не успел понять, что обеспокоило его больше: неизвестное состояние друга или то, что это состояние связывают с его вчерашним праздником. Нервно уже спросил ещё раз:

– Да что случилось-то, Мариванна?!

Сквозь слёзы бедная несчастная женщина размытым сыростью и усушенным платочком голосом рассказала, что Антоша провожал из ресторана девушку, на них напали хулиганы, ударили его ножом, и вот теперь он в больнице – один-одинёшенек...

При этом в её тоне звучали одновременно и мольба, и упрёк. Мольба оскорблённой женщины, не способной самостоятельно выбраться из унижения, ищущей справедливости у богатого и влиятельного знакомого барина – безотчётная мольба, не различающая степени и категории богатства и, особенно, влияния, а неосознанно понимающая их всеобъемлющими, сродни волшебству для её каждодневного привычного убожества. Волшебство это способно уладить любую, куда большую, беду. А уж такую-то проблему разрешить – это вообще дело незаметное!

Упрёк же её тона – тоже неосознанный – был в том, что вот он, Кирюша, сидит здесь в отличной квартире в полном благополучии, а улаживание беды не только не происходит, но о ней главный виновник – да-да, виновник, приглашал же! – даже не знает ничего.

Кирилл этих оттенков информативного плача в силу молодости и неопытности умом ещё не понимал. Но чувствовать их уже умел. Впрочем, скорее даже не уже, а врождённо умел. Поэтому он воспринял рассказ к радости Мариванны вполне конструктивно и деятельно:

– Разберёмся... В какой он больнице?

Кирилл и лицом стал строже – это тоже врождённо-сословный приём демонстрации превосходства, когда в голове показательно вызревает план действий, который не мог зародиться до этого. Демонстрация превосходства при этом была выполнена без тени – даже оттенка! – высокомерия и лжи.

– В районной! В какой же ещё-то?

И действительно! Что, Антона в Кремлёвку, что ли, положат? Участкового-то!

– Надо собираться...

Решимость на лице Кирилла сменилась вполне понятной суетливостью, обусловленной не столько тревожной новостью, сколько слабостью головы после вчерашнего.

– Куда собираться? – это в шикарно-завлекательном домашнем халате вышла на голоса Диана. – Здрасьте!

Мариванна её ненавидела. Несостоявшаяся невестка. Так-то ненавидела бы – дойди у них с Антоном дело до свадьбы – а ведь шло! Но теперь ещё больше – это ведь она его – Антона! – бросила. Она! Господи! И кто ведь? Пигалица...Не пара она Антону, это ясно... Но не она его, а он её должен был бросить!

– В больницу! – Кирилл перебил мысли Мариванны своим почему-то оправдательным тоном.

– Подожди собираться. Сначала надо позвонить.

Диана рассуждала вполне трезво и спокойно, всем своим видом показывая, что просительница здесь больше не нужна – даже развернулась прямо перед лицом Мариванны, отправляясь за телефоном. Кира не качнул головой в согласии – он ею затряс. Мариванна поняла, кто тут по-настоящему сейчас главный... Вернее, главная! Делать действительно нечего, тем более что эта... никакой вины за собой явно не чувствует.

– Ладно, Кирюша... Пойду я...

И, забыв про лифт, а может, проигнорировав или, как представилось Кире, испугавшись его, двинулась неуверенно к лестнице.

– Мариванна! Вы не беспокойтесь... Вы же были у него?.. Он же в порядке уже... Сейчас мы всё узнаем... И съездим... Обязательно!

Заверение своего непременного участия он уже виновато (всё-таки!) крикнул вниз на лестницу, выйдя из квартиры. Диана через секунду молча взяла его за рукав, спокойно завела домой и с силой захлопнула дверь. С силой – это чтобы та старая дура слышала.

– Куда съездим? Совсем мозги пропил?! – она максимально раскрыла глаза навстречу Кириному виноватому выражению лица. – Ты на себя посмотри... Пьяный ещё! Пива уже выпил! Куда съездим?!

Отвернулась и смягчённым, словно бы размышляюще-примирительным теперь тоном заговорила:

– Ты-то тут при чём? Тебя вообще там не было!

Кира попытался возразить, но успел только начальный звук издать, как последовало продолжение:

– Съездишь, съездишь! Но не сейчас... Ты мозг-то свой включи! Антон, что там, в реанимации лежит? В критическом состоянии? Нет – сам же говоришь. Чего тогда суетиться? Больничный коридор топтать... Ах – друг ранен! Можно подумать! По пьяни подрался, а шуму-то... Да и в больнице сейчас уже не приёмное время, наверное... Не пустят! Да и Светка не звонила... Было б что – сказала бы! Надо ей тоже позвонить, узнать всё.

И Диана, удостоверившись в действии своих убеждений и видя, что муж снова откровенно расслабился, с телефоном пошла в комнату, где стояло её любимое кресло и рядом с ним на столике – пепельница.

А Кира со своим телефоном двинул на кухню поближе к холодильнику с пивом. Пока шел вызов, пытался понять, как надо бы разговаривать – бодрячком или участливо. Не успел решить – на том конце Антон не просто ответил, он грубо отшил:

– Я перезвоню!

И отключился. Похмелье снова стало тревожным – даже руки затряслись, когда подносил банку ко рту, да и глотки стали судорожными. Но ничего не оставалось, кроме как ждать ответного звонка в догнавшей-таки вчерашний вечер неизвестности.

Продолжение следует.

Полина БАБУШКИНА

Родилась в 1994 году в г. Челябинске. В школьные годы посещала литературную студию под руководством Константина Рубинского (поэт, драматург, член Союза писателей России). На данный момент является студенткой Литературного института им. А.М.Горького (семинар драматургии). Руководитель студии театральных миниатюр «Скетч» при Южно-Уральском институте искусств с 2011 года. Член Союза литераторов РФ с 2013 года. Имеются публикации в различных изданиях: сборники «Доверься ветру» (г.Челябинск, 2010), «Внутренний дворик» (г.Челябинск, 2012), литературный журнал «Персонаж. Тексты о текстах» (г.Уфа, 2013), альманах «Словесность-2013» (7-й и 8-й выпуски, г.Москва, 2013).

Итак – аплодисменты?

Итак – аплодисменты! Они, как мыльные пузыри, кружили в воздухе, не желая опускаться на землю. Каждый сидящий в этом театре разрывал ладонями воздух, словно ударял медными тарелками. Наконец тоненькая талия Нины Ивановны под тонной душных букетов скрылась со сцены. Публика, потеряв из поля зрения свою примадонну, потеряла и то одухотворение, с коим стояла минуту назад, а потому сразу включила стадный инстинкт, и уже где-то у выхода из зала доносились потные басы: «Нет, ты посмотри, что творит! Вы либо вперед, либо назад! И ноги! Не давите ноги!» Пока наодеколоненные мужчины терлись о напудренных женщин, Нина Ивановна уже сидела в своей гримерке и стирала ватным диском эмалево-белый смачный слой с лица. Длинная жирафья шея светильника внимательно наклонилась над зеркалом, разглядывая в отражении первые румяные островки на коже женщины. Закончив процедуру, артистка расчесала стекающие с плеч волосы и скатала с расчески пару рыжих ежиков, победно выложив их перед собой. Нину Ивановну Кружевную нельзя было назвать красавицей: большой гладкий лоб, серые гордые брови гибкими запятыми, губы виноградинами и миндального цвета глаза. Все это, заключенное в округлом овале, производило впечатление гротеска, но одновременно приковывало внимание яркой необычностью. Нина Ивановна считалась ведущей актрисой Камерного театра. И так как городок был небольшой, эта женщина являлась темой сотен, а может, и тысяч разговоров. Однако зачастую обсуждали не столько ее игру, сколько экстравагантное поведение, свойственное, по глупым убеждением скучных обрюзгших горожан, любой молодой актрисе. В этом городке она проживала всего лишь третий год: так определили после института. В театре талант был сразу замечен, главные роли тотчас обеспечены. Молодые люди и не очень молодые любили Нину, любили дома одни неприлично, любили в кафе с друзьями мечтательно, любили в театре бездыханно. Каждый мечтал показаться с ней, чтобы прохожие сворачивали и без того кривые шеи и мятые головы: «Кружевная... нет, это же Кружевная! С ним и под ручку... Ну и девица! Ну и нравы!». Однако взгляды облизывали Кружевную еще и потому, что актриса любила появляться на свиданиях в платьях из своих спектаклей. И сначала все замечали наряд, а потом уже Нину Ивановну. Кавалер рядом был на седьмом небе от счастья, ощущая чуточку себя актером и важным человеком рядом с такой пестрой барышней. Что ни вечер – то свидание. Вы скажете: «легкомысленная», «дурная» или еще чего пуще. Скажете и будете неправы. Нина была глубоким чувственным человеком. Когда-то она училась в столице. И именно там встретила Олега. Он был настоящим красавцем: густая шатеновая шевелюра, полетная линия бровей – та, что сообщает мужскому лицу выражение благородства, сочетались с коварным взглядом и изящной линией губ. Высокий, всегда с расстегнутой первой пуговкой на рубашке, проходя мимо женщин, он складывал влюбленные взгляды в карманы. Олег был старше Ниночки на несколько лет и учился на артиста оперы. Они частенько пересекались на учебных водевилях и в общих компаниях. Она ему сильно нравилась своей свежестью, дикостью, задорностью. И, решив однажды ни с чем не затягивать, Олег прижал Нину сильно-сильно, и будем откровенны: хоть внешне она не поддалась, внутри же все откликнулось на этот страстный порыв. Так и закрутился пьянящий вихрь времени: он признался, что влюбился в ее глаза, а она – что влюбилась в его голос. Прогулки по томным набережным, сладкое шампанское, вязкие поце-

луи и объятия. Они тонули в пышном пряном хохоте, захлебывались собственными губами, и ни один не желал спасаться. Олег забирал ее с репетиций, Ниночка бегала на его спектакли. И все бы, может, вышло к логичному исходу. Но... артистку определили в театр провинциального городка, а возлюбленный остался в столице. Ну и что такая за жизнь? Расстояние натянуло струну терпения до предела, и она, что и ожидалось, лопнула. Лопнула и Нина. Лопнуло все, что было в Нине. С подругами на новом месте тоже не везло: девицы и кто постарше ее не любили, царапали оскорблениями. Нина же царапаться не умела, поэтому только зализывала раны своим кошачьим язычком. И теперь, зная все это, мы можем вернуться в гримерную.

Женщина внимательно гипнотизировала свое отражение. Порозовевшее лицо от растираний соблазнительно блестело влагой. Засмотрелась.

– Вы чего как бездыханная! – ввалилась в гримерную женщина лет сорока в мужском костюме и с выцветшими петушиными клочьями на голове.

– А? Да..., – взглядом отмахнулась Нина. – Лида, вы принесли мне записки?

– Где-то... где-то здесь, – Лида запустила руки прямо, как говорится, в брюки и стала активно ерзать, доставая чуть ли не до колен. Нина Ивановна умоляюще смотрела:

– Лида, ну время же идет... Я и так вас ждала тут Бог знает сколько. А уже полдесятого вечера. Мне скоро бежать надо... а записок еще не видела, вдруг меня приглашают на другой конец города! Как я добираться буду? – Нина Ивановна почувствовала на секунду себя настоящей учительницей и, чтобы смягчить ситуацию, поставила свои стройные ножки на носки, вытягивая коленки вверх, как у кузнечика: так она казалась себе более невинной.

– Кажется, вот несколько, – Лида развернула три смятых комка и нацепила на кончик носа очки, – так... первое..., – подняла глаза, ожидая одобрения.

– Ну же! Что там на сегодня, – Нина Ивановна откинула голову назад. Устала. «Расслабь сама себя» – волчком крутилось в голове. А Лида, откашлявшись (все-таки сидела она с актрисой, вдруг сейчас голос подкачает или выразительность), стала громко читать:

– «Жду вас, моя!», – пауза, – вот что пишет...

– Кто?

– Подписано «твой»... и еще в уголке, – женщина расправила жеваный уголок. – «Жду около кафе «Уси-пуси» в десять ноль ноль». Вот!

– Знаю я это кафе... Там приносят кофе в кружках, таких же липких, как и название этого заведения, – Нина сделала гримасу и скомандовала: – Дальше!

Лида откинула бумажный ежик и стала разворачивать новый.

– Лида, вы ужасно неопрятная, – вдруг заметила Нина Ивановна, – почему комки? Ведь вы их получаете не в таком виде?!

– Да как-то так их удобнее по карманам распихивать, – виновато отбилась женщина, – слушайте лучше! «В кофейне «Красный фонарь» в десять тридцать. И не забудьте наряд». Вот нахал, – резко перевела глаза на Нину.

– Зато честно, – механически отозвалась актриса, – поеду туда. Третью даже не доставай. Пусть у тебя в кармане сохнет, – и погрузилась в задумчивость.

– Нет, ну разве не хам? Наряды ему подавай, – развела руками Лида, – он же не вас хочет увидеть, а покрасоваться перед другими. И так прямо, не стесняется, гад!

– Почему, Лида, сразу гад, – улыбнулась Нина, – потому что не стесняется? Да? А другие, которые в «Уси-пуси» зовут – они стеснительные гады! Трусы поганые! Так что лучше с этим!

– А зачем это вам вообще, Ниночка Ивановна! Зачем?

Актриса резко встала, одернула юбку, чтоб не ползла гусеницей:

– Я так, Лидочка, себя женщиной чувствую! Понимаете?

– Нет, – тупо таращась, выдавила Лида.

– Ну вот вы себя когда женщиной чувствуете?

– Ну когда лифчик застегиваю, когда чулки натягиваю...

– Вот и плохо! Ужасно плохо! Я так не хочу... Впрочем, по вашим глазам понятно, что не поймете... Как выглядел мужчина, который передал эту записку?

– Высокий, гривастый, густые темные брови, тонкие губы... – взгляд устремился в потолок, пытаясь там поймать незнакомца.

– Олег...

– Что?

– На моего друга... бывшего похож очень! А в чем был одет?

– Пальто, воротник поднят, шарф... сливовый.

– Я такой ему дарила! Я! – Нина бросилась на шею женщине и стала безразборчиво ее чмокать. – Это же Олеженька! Он приехал ко мне!

– А почему в записке про наряд написано? – Лида была тем еще Шерлоком.

– Просто маскировка, наверняка наслышан о нашем городке и уже успел, наверное, отведать этих перченых сплетен... Никаких нарядов дурацких! Что я буду с лучшим другом в эти глупости играть, – она как будто летала. Ей не верилось: он приехал! Пропитанный столицей, пахнущий настоящим театром и ее юностью! Значит, еще не конец! Хватит растрачивать себя с каждым днем в этом ужасном месте, он приехал – и нужно столько ему рассказать! Артистка мигом вылетела из гримерки, на бегу подкалывая шпилькой волосы. До кофейни было недалеко. Она бежала. Как давно она не бегала... Как давно так жадно не дышала, чтобы легкие начали раздвигать ребра. Хотелось сбросить всю одежду и не стыдно. Не стыдно было бы нагишом по проспекту, главное – чтобы сердце не сдавливало. Ее черный плащ и красный палантин дрожали от штурмового потока воздуха, навстречу которому неслась Ниночка. Да-да, та самая Ниночка, ни капли не Нина Ивановна. Вот еще минута – и она откроет дверь кафе. Как долго они не виделись? Постарела ли она? Похорошел ли он? Наверное, играет в лучшем театре. Море поклонниц. А может, женат на прелестной женщине и дети...нет! Нет! Пусть лучше – море поклонниц. Все главные роли его. Все афиши с его фамилией. Сейчас все узнает. Женщина открыла дверь, и, встав у входа, глазами стала впиваться в каждого мужчину. Где? Где он? Где его пленительные карие глаза, его аромат, каштановые волосы, извилистая улыбка. И только в самом конце зала она увидела кого-то со спины в сливовом шарфе, чей отекший силуэт напоминал колокол. Нина медленно с опаской направилась к незнакомцу, стараясь аккуратно подкрасться, не цокая каблуками. Встала. Глаза ее сильно ударились. Вот он! Кусок мятого пластилина на стуле.. Олежа, от которого осталось одно только имя! Плечи женщины медленно рухнули, веки плавно скатились. Будто всю свинцом заливают. Как он изменился! Как похож на одного из «вечерних». Неповоротливое тело, лицо – как из кусков глины, брошенных неряшливо и торопливо, губы, словно сдутый шарик, ежились гармошкой. А его зачес? Она когда-то так любила целовать его в макушку, теперь же ей слепила глаза лысина. Жалкий вид! С ним ли она надеялась сегодня кружиться в воспоминаниях, кружиться до беспамятства, до слез, чтобы только он был рядом и держал ее крепко-крепко. Хотелось исчезнуть, пусть в голове остается тот Олег! Пусть далекий, пусть невозможный, но гордый, свободный и красивый. Разворачиваться было поздно. Мужчина заметил давнюю подругу.

– Я. Вот, – выдохнула женщина сильный чувственный вдох, живший так мало.

– Ниночка, сколько лет, сколько зим, – привстал мужчина, в попытке приобнять ее, но актриса, как на шарнирах, упала на стул рядом, – я видел сегодня твою игру. Ты не меняешься. Столько страсти и чувства! Не меняешься..., – он поднял правую бровь, и сало на его лице приподнялось на одну складку.

– Зато ты, – Нина достала сигарету и поднесла пламенный язычок, – ты изменился... И как тебя занесло в эту глубинку? – он сидел через стол совсем чужой. Её ноги онемели и подкашивались от скребущей по душе встречи. Она напрягла скулы, чтобы сохранить невозмутимость на лице. Зубы нырнули в мякоть нижней губы, чтобы унять дрожь.

– Да...изменился разве? Ну, может, пополнел слегка, а так... Я тут по работе собственно. И за то время, которое здесь провел, уже наслышан о тебе... О твоих вечерних выходах...Все мужчины мечтают с Кружевной пройтись за ручку, – он, как курица, выпятил локоть, – точно не меняешься... Разве только глаза. Стали печальнее и мудрее...

– По работе? – перебила Нина, не давая разговору уйти в степь воспоминаний, иначе не переживет, – у вас гастроли? Ах, как люблю гастроли! Помнишь... – глаза ее беспощадно вцепились в него, но тут же соскользнули, – а впрочем, ладно... Я не слышала, чтобы наш оперный театр принимал гостей...– кольнула тонкой иголкой дыма собеседника прямо в лицо.

– Нина, – сморщился Олег.

– Я аккуратно так покурю, неслышно, – разговор, словно ржавые качели, раскачивался тяжело и раздражительно.

– Театр... ну знаешь ли, там заморочек столько было... – и он как первоклассник потупил глаза.

– Не темни, Олег, расскажи про столичную горячую суету, театры... Ну же! – щипавшую боль в висках нужно было чем-то отвлечь. Слова из него приходилось выдавливать. А сил у Нины совсем не осталось.

– А где твой вечерний наряд? – выстрел прямо в сердце. Убил. Убил и даже не понял.

– Что, что?– тело ее стало холодеть, белая краска постепенно вливалась в лицо артистки. Маленькие свинячьи глазки ухажера тонули в физиономической толще, стараясь скрыться и убежать поглубже.

– Я думал, мы по мостовой... и ты такая вся... и все... – как же он семенил словами, его тонкие губы извивались, как червяки. Вдруг открылась дверь кафе, и парень, весь обтянутый, как шланг, в клетчатом пальто и в стрекозьих черных очках, вытянув шею в сторону столика бывших любовников, проорал:

– Олег! Нам на месте надо быть через полчаса. Нам крышка, если опоздаем! Я певец, звезда и твой начальник! Ты шофер или кто? Вот вернемся в Москву, уволю к чертовой матери!

«Шофер»? Шофер! Слова у Нины куда-то провалились. Все обрушилось внутри. Капельки пота покрыли волнистый лоб Олега.

– Ниночка, – схватил ее за руку, – не уходи. Я сейчас довезу этого соловья и пойдем гулять, жаль, конечно, что ты без наряда... Без него плохо совсем... Ну ты можешь еще успеть переодеться, пока я тут разбираюсь...

– Я жду в машине! – вальяжно плюнул предупреждение молодой человек и хлопнул дверью.

– Шофер, – выпуская пузыри табачного дыма, бездумно повторила Нина.

– Так что? Ты переоденешься для нашей прогулки?– заискивающе ловил ее зрачки Олег. Как же он жалок! Ничем теперь не отличался от этих... Нина хотела закрыть глаза: вдруг это кошмар, просто кошмар...а сколько было надежды... Однако веки ее не опускались – толстый слой слез, который она так сдерживала, мешал любому движению.

– Вот у меня сейчас на душе такая боль когтящая, что я бы вот эту сигарету, – выдохнула женщина прозрачный шлейф, – потушила о лысину. Хоть пеплом бы прикрыло эту назойливую пустоту, – Ниночка пренебрежительно глянула и вдавила окурок в пепельницу. – Прощай, Олег!

Ледяной поток швырнули в лицо мужчине.

Нина Ивановна Кружевная вышла из кафе. Как же так? Когда-то лучший тенор, сейчас возит слащавого паренька... нету больше Олеженьки, нету и надежды. В глазах мухами передавливались все ее вечерние встречи. Никаких больше записок! Никаких! Придя домой, она расстегнула лифчик, стянула чулок и... почувствовала себя Женщиной.

Посвящается моей маме Наталии Бабушкиной,
сумевшей привнести в детство сказку.

История про Жиля-урода

История, которую я тебе расскажу, мой дорогой читатель, случилась много лет тому назад. Лицо мое тогда не было похоже на изломанный сапог, как теперь, и ладони были такие мягкие, что любая девушка могла, припудрив их, подрумянить ими свое личико. Что за странное время, ты меня спросишь, я описываю... О, дорогой мой, оно зовется молодостью. Но заканчиваю о себе и перехожу к Жилю... Стукнуло ему в ту пору около тридцати. Он имел тонкое тело, еле выдерживающее огромный пиджак, длинные ноги и несоразмерно большую голову. Но было в нем еще кое-что, перед чем несуразность его фигуры оставалась в тени, – губы. Губы Жиля занимали основную часть лица. Неприлично вздутые, растянутые, они приковывали любой взгляд: от собачки до едва видящего старика.

Был обыкновенный летний вечер, когда Жиль появился на бульваре Т., вернувшись из Франции, где пробыл большую часть жизни. Небо совсем разрумянилось, а земля тяжело и горячо дышала, будто весь день играла с ним наперегонки. Жиль вышел на бульвар Т., где когда-то бегал ребенком, и сел на первую попавшуюся скамейку, закрыв глаза.

– Вы только посмотрите, француз на нашем бульваре, – пискнула курносая дамочка.

– Как же ты поняла, что он француз? Даже лица не разглядеть, губищи одни! – заметила подруга.

– От него пахнет Францией! Прекрасный аромат любви! Чуете?

– Он жуткий урод! И пахнет от него исключительно уродством!

«Урод! Урод! Урод!» – подхватили женщины на бульваре, передавая из уха в ухо это вызывающее восторг у них слово.

– В его губах есть что-то магическое! Вы когда-нибудь целовали такие губы? – заступалась курносая.

– Он скорее съест тебя таким ртом, нежели поцелует!

– Я уже несколько лет держу свои уста под замком! Как сладостен был бы поцелуй с такими губами, как у него! Ах! Я совсем позабыла любовь на вкус, – не прекращала закатывать глаза эстетка.

– Он жуткий урод! Опомнись!

Но было поздно в чем-то убеждать эту барышню. Вдохнув поглубже, она распрямила спину и, вы-

пятив белоснежную, как безе, грудь, направилась к Жилю. Он по-прежнему сидел с закрытыми глазами, хотя слышал все женские шептания. Он так же чувствовал быстрое прикосновение дрожащих губ, но и здесь не разомкнул век. Даже не шелохнулся. Насладившись поцелуем, дамочка отлетела обратно:

– Ах! Я вспомнила! Я вспомнила, какого вкуса любовь! Я снова ее чувствую! Ах! Это прекрасно! Это... – и все барышни, как воронье, слетелись к курносой, шелестя кружевными юбками.

– И я! И я хочу почувствовать любовь! Мой муж слишком холоден ко мне! – трясла головой одна из дам.

– Тебе нужно поцеловать этого урода! – подхватили остальные.

– Но я вижу сегодня Никиту Михайловича на бульваре... Он все передаст мужу. Пожалуй, попробую завтра, если этот француз-урод придет!

Так, мой дорогой читатель, подобный нелепый, абсурдный случай и положил начало целой поцелуйной эпопее. Как часто бывает, женский вздох оказывается намного тяжеловеснее любого мужского слова. Поэтому женские сплетни живут куда дольше, нежели мужские обещания. Сами понимаете, что на следующий день все эти дамочки снова собрались на бульваре в это же время. Конечно, пришел и Жиль, зная, что его ожидает. Он, как неподвижная статуя, бесстрастно уже рассчитывал на поцелуи барышень.

Ко всему разочарованию дам Никита Михайлович опять разгуливал неподалеку, но женщины, обделенные любовью, готовы называть друг друга «сестрами», надежности этих уз может позавидовать любая мужская солидарность. Поэтому, прикрывая однополчанку, «сестры» помогли ей поцеловать Жиля.

– У этого урода волшебные губы! Как давно я не получала такого наслаждения! – хрипло восхищалась дамочка, потеряв от перевозбуждения голос.

Так в женских кругах этого города разошлась слава о французе-уроде, чьи безобразно крупные губы дарят любовь. Барышни, тосковавшие об этом чувстве, бежали на бульвар, чтобы слиться в поцелуе с Жилем, который в свою очередь превращался в аттракцион.

Но вот однажды, теплым сентябрьским вечером, на скамейку с Жилем присела птичка. Была она невелика, скромной окраски, но голос имела такой тонкий, что он, как прутик, начинал щекотать сердце под рубахой. Жиль не был исключением, и под его нелепым пиджаком слева в груди что-то заворочалось. Он открыл глаза, увидел эту пташку и вздрогнул.

– Ты прилетела, чтобы поцеловать меня? – спросил Жиль.

– С чего ты взял? – удивилась птица.

– Здесь все желают меня поцеловать! Ты разве не слышала о моих волшебных губах?

– Слышала, – улыбнулась собеседница.

– Они дарят любовь, разве ты не хочешь любви?

– Она у меня есть.

– Глупая птица, как ты можешь так утверждать, не попробовав поцелуя с Жилем!

– Ты слишком возгордился. Твое уродство превратили в сказку. И ты сам же в нее поверил. Мне жаль тебя.

– Это мне тебя жаль. Ты никогда не вкусишь настоящей любви. Видишь всех этих женщин? Они знают это чувство, потому что целовали меня. И придут новые, которые еще откроют для себя, что же такое любовь, прикоснувшись к моим губам. А ты так и останешься серой... в полном неведении...

– Какой ты самонадеянный! Ты так настаиваешь, чтобы я тебя поцеловала?

– Да! Поцелуй, и ты поймешь, что такое настоящая любовь.

– Ты еще и глуп. Мне совсем не нужно тебя целовать, чтобы понять, что это за чувство...

– Целуй же! Не теряй шанса! – не слушал ее упрямец.

Птичка грустно взглянула на Жиля: «Хорошо, я поцелую тебя!», подлетела и клюнула его в губу. Жиль не успел и моргнуть, как пташка исчезла. На его губе тут же выскочила алая родинка. Разгоряченный Жиль прижал платок к соленой ранке. А где-то рядом пропела недавняя гостья: «Если ты так веришь в волшебство своих губ, дари лучше любовь тем, кто в этом по-настоящему нуждается». Жиль посмотрел на окровавленный платок, как на драгоценный подарок, и услышал неподалеку разлетающееся в разные стороны женское карканье: «Вы посмотрите, на его губах кровь! Как это ужасно! Мы его до смерти так зацеловали! Как отвратительно! Там теперь какая-то дырка в его губе! Фу! Конечно, фу! Фу-фу!» И дамочки зашелестели юбками прочь с бульвара.

Тогда Жиль встал, направился куда-то в непонятном направлении и больше на бульваре Т. его никто не видел. Но немного погодя стали ходить новые слухи о большегубом уроде, который появлялся в тех местах, где дети были лишены родительской любви. Он целовал каждого такого ребенка нежно в лоб и растворялся, как призрак.

Мой дорогой читатель, ты можешь мне не поверить и возмутиться, мол, откуда я все это знаю. Но я

сам когда-то рос в приюте, ко мне-то в ту пору и явился Жиль. Признаюсь, от его поцелуя действительно стало теплее. На мой детский вопрос – почему у него такие больше губы, он поведал мне свою историю, потом прибавив дорогое для меня откровение. Двадцать лет назад он влюбился в прекрасную птичку, она летала высоко-высоко, он никак не мог дотянуться до нее, чтобы поцеловать, и только без устали все время тянулся к ней губами. Так они у него и вытянулись. А птичку эту он не переставал любить, даже уехав во Францию. По прошествии долгого времени он все-таки встретил ее снова. Вернувшись домой, он каждый день выходил на бульвар Т., где любовался ею еще ребенком. Жиль надеялся хотя бы услышать ее голосок. И вот однажды эта птичка присела к нему, не узнав из-за уродства. Он, воспользовавшись знанием пустой молвы, стал глупо настаивать на поцелуе, от чего ему было очень стыдно, но лишь в этом он видел единственный способ получить долгожданную близость, о которой грезил с детских лет. Помню, в этот момент Жиль сжал глаза и сказал: «Это был самый счастливый день в моей жизни».

Женщина с лиловым зонтом

В детском парке, к сожалению, единственном в нашем городке открыли фонтан. Был он не велик, но зато как искусен в своих формах и контурах! Главная его сердцевина представляла собой белого мраморного льва. Он стоял в центре бассейна, разодрав каменную глотку, откуда вместо басистого рева вырывался бурлящий поток воды. Вздымаясь серебряной пеной в пасти хищника, толстая струя выбрасывалась на свободу с такой силой, что, ударяясь о прозрачную гладь, наносила хлесткую пощечину молодому спокойному водному лицу. Лев стоял неподвижно, не подпуская к себе никого, отпугивал взгляды не только детей, но и взрослых. Однако у такого наводящего страх зверя была своя поклонница – женщина с лиловым зонтом, который никогда не выпускался из рук. Каждые выходные она в полдень садилась на лавочку и любовалась фонтаном, пока не начинали робко просачиваться сквозь воздух первые сумерки. Затем она тяжело вставала и, опираясь на длинный худосочный зонт, медленно удалялась. Ее грациозная неспешность вызывала одновременно восхищение (ибо что может быть очаровательнее томных женских движений) и грусть, так как каждый, чей взгляд увлекался ее силуэтом, знал, что эта дама одинока. Подобными знаниями о личной жизни грех не обладать в городке размером с копейку. Впрочем, на ее строгом, вечно спокойном челе не было ни капли переживания по этому поводу. Казалось, выражение ее лица никогда не меняется, глаза никогда не моргают, и даже ветер боялся лишний раз посягнуть на прядь ее белых волос. Женщина с лиловым зонтом будто жила особой внутренней жизнью. Однажды осенним грязным днем двое мальчишек хихикнули:

– Завтра фонтан отключат. Интересно, что она будет делать? – ухмыльнулся криворотый.

– Откуда ты знаешь?

– Мой папа сказал. Ты, что, забыл, что мой папа директор парка!

– Если фонтан отключат, эта тетка, наверное, помрет от тоски, – довольный выдумке мальчик уставился на дружка.

– Ах! Вот-вот прекратятся свидания! У вас еще есть шанс на последний поцелуй!

– Ах! Как мне жить без вас, о каменный лев! Ха-ха-ха! Последний поцелуй! – напарники слезились от смеха.

Женщина с лиловым зонтом, мгновенно ошпарив детей ледяным взглядом, тихо встала. Подогнув подол длинной юбки, она шагнула в бассейн. Два шага по скользкому мрамору дались нелегко, однако, ухватившись за яростную морду, она почувствовала опору, если не под ногами, то в руках. Мальчики притихли. Женские влажны губы коснулись холодной шкуры. На секунду она задержалась, потом развернулась, чтобы ступить к бортику, но поскользнулась, услышав свист двух маленьких зрителей. Женщина упала в бассейн, ударившись головой о камень. Вода заалела. Фонтан замолчал. Вокруг закричали. Непоколебимый лев вдруг стиснул челюсти и заплакал. Слезы текли страшно. Раньше лев не мог реветь: каменные связки не позволяли, теперь он ревел по-другому.

Когда рассказали директору парка о волшебном превращении, он, разумеется, вызвался сам лицезреть небывалое... Фонтан решили уничтожить: а то прошлое тяготит, нехорошее. Только, мой дорогой читатель, если в прошлое заглядывать, то не в щелку подсматривать, а дверь настежь распахивать. Льва этого сделал когда-то муж погибшей, он был чудоручный скульптор. Но однажды в их доме случился пожар, Иван Иваныч не спасся, как и всё в жилище, кроме его лилового зонта, с которым жена в это время гуляла.

Теперь, дорогой мой читатель, ты понимаешь трогательную странность посетительницы парка. Я же в свое время, прикоснувшись к этой истории, понял еще одно: слезы могут течь даже из мраморных глаз.

Егор ЧЕРЛАК

Родился 22 ноября 1963 года в Омской области, по образованию журналист. Живет и работает в Челябинске. Автор трёх прозаических и поэтических сборников («Не обращайте клятв своих», «Тарагарщина», «Страна Зеро»). К драматургическому жанру обратился в начале 2000-х, на сегодняшний день является автором трёх десятков пьес. Финалист и лауреат многих драматургических конкурсов. Публиковался в журналах «Театр», «Современная драматургия», «Урал» и др.; в альманахе «Южный Урал»; в разных драматургических сборниках. Две пьесы включены в ежегодные сборники СТД РФ «Сюжеты». Пьеса «Ипотека и Вера, мать её» переведена на польский язык и опубликована в сборнике «Антология современной российской пьесы» (Варшава, 2011 г.). Стипендиат Министерства культуры РФ (2011 г., пьеса «Ипотека и Вера, мать её»), лауреат премии «Долг. Честь. Достоинство», присуждаемой Фондом развития и поощрения драматургии и журналом «Современная драматургия».

Мера пресечения

(почти семейная история в двух действиях)

«ОЛЕГ (задумавшись).
Тогда, Гена, совсем не будет
коммунизма, никогда!»
В.Розов «В поисках радости»

Действующие лица:

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ, лидер регионального отделения «Партии социального партнёрства» (ПСП);
ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ, его сын, казачий атаман;
ОЛЕГ, внук Олега Васильевича, предприниматель;
СМИРНОВ, помощник Олега Васильевича;
ЧАЙКА, девушка из агентства;
ВОЛГА, девушка из агентства;
ЖУРНАЛИСТКА;
БЛИНОВ – следователь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

На сцене – стандартный кабинет крупного современного руководителя. Слева – рабочее место с непременным вертящимся кожаным креслом, дорогим столом, на котором видны телефоны, компьютер, множество папок с бумагами, справа – большой стол для совещаний, стулья. Чуть в глубине сцены – мягкий диван с журнальным столиком перед ним. Что отличает наш кабинет от тысяч подобных ему, так это масса аквариумов. Из прозрачных ёмкостей для рыбы – больших и помельче – составлена целая стена на заднем плане сцены. Аквариумы красиво подсвечены, и мы видим, в них плавает множество крупных рыб. Это пираньи.

Некоторое время кабинет пустует, на сцене царит полумрак. Но вот раздаются голоса, и становится понятно, что к нам приближается большая, шумная и не очень трезвая компания. Загорается свет.

Первым появляется Смирнов. Это неприметного вида молодой человек в костюме офис-менеджера, в руках у него аквариум с рыбами. За Смирновым в кабинет быстро входят Олег Васильевич, Гамаль Олегович (он в форме казачьего офицера, с саблей на боку) и Олег, которого поддерживают под руки две длинноногие красотки модельной внешности.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Сюда, сюда его сажайте, путь отдохнёт чуток… Конечно, в такой духоте, в такой толпе… У любого может…

Олег садится на диван, девушки пристраиваются рядом.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (подходит к Олегу). Ну что, Олежек, как? Полегче?

ОЛЕГ. Да нормально, дед. Что вы все засуетились? Подумаешь, приступ. Не в первый же раз… Не обращали бы внимания.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. То-то и оно, что не в первый. (к Олегу Васильевичу). В этом месяце – третий раз

уже!

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Третий? Да, не шутка… Обследоваться бы тебе надо, Олежик.

ОЛЕГ. Да я обследовался. Целый день в этом долбаном центре провёл. Лекарство вон выписали… (достаёт из кармана пузырёк, показывает). Аминоцитин, новинка какая-то импортная, редкая… Фига с два ещё достанешь.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Для тебя достану! Хоть из-под земли достану. Главное, помогало чтобы… Помогает?

ОЛЕГ. Помогает. Спазмы быстро снимает.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну и слава Богу! (отходит от дивана, опускается в кресло). Наконец-то вырвались! Уф-ф, вспотел аж… Нет, ребята, не для моих годков такие гулянки, не для моих… (распускает галстук). Но ничего не попишешь – юбилей!

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Да любо всё, батьку, любо! Праздник по высшему классу: одних салатов с десяток, за горячее и выпивку уж и не говорю... А гостей сколько! С полсотни, не меньше.

ОЛЕГ. Шестьдесят два, я специально посчитал.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Во! Шестьдесят два!.. А это об чём, батьку, свидетельствует? Об уважении к тебе. (загибает пальцы). Областной профсоюзник лично приехал, прокурор заявился, президент Союза предпринимателей тост сказанул… Губернатор аж своего первого зама отрядил, чтобы тебя поздравить – во какие кренделябры! (гремя саблей, подходит к зеркалу, тщательно поправляет свой хоть и седоватый, но лихой чуб). А подарков-то, подарков!.. Только аквариумов с рыбками – штук двадцать.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Аквариумов – да, до едрени фени. Знают про мою слабость, про увлечение моё… Знают, да не разбираются! Понадарили килек всяких: меченосцев, гупёшек, сомов… А куда мне их? У меня ж в коллекции пираньи только… Зато вы с Олежиком угодили так угодили! (замечает, что Смирнов до сих пор стоит с аквариумом в руках). Ну, ты чего? Столбняк напал? На стол его поставь.

Смирнов ставит аквариум на стол.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (подходит к подарку, рассматривает рыб). Ах вы, девочки мои, людоедочки… Красавицы, переливаются-то как!.. А взгляд-то, взгляд какой суровый! Сунь руку – махом оттяпают. (отрываясь от аквариума). Вот за них, за этих – спасибо так спасибо! Десять лет таких искал, найти не мог. Это же перуанская императорская пиранья, таких – днём с огнём… Редкость, экзотика… Их за лютость нрава к нам сюда везти боятся, стая таких рыбёшек за четверть часа кабана до костей объедает. Вот это я понимаю – хищник!

ОЛЕГ. А по мне – так ничего особенного. На чебака нашего немного похожа.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Только страшная. Зубы вон какие – как у крокодила…

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. И глаза бешеные, сумасшедшие какие-то…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (смеётся). Эх, молодёжь, молодёжь, сразу видать – зелёные вы ещё, наивные. Пиранья – она же не просто рыба, она – царица над всей прочей водяной дребеденью. Можно сказать, президент всего пресноводного рыбьего государства! Умная, хитрая, жестокая… (отходит к стене из аквариумов). Вот, к примеру, среднеамазонская краснобрюхая. Живёт на строго определённой территории. Дисциплина внутри стаи – железная. Чуть кто чужой на её участок заплыл – всё! Тут же вся стая как по команде подлетает, набрасывается и сжирает. (переходит к другому аквариуму). А это бразильская длиннохвостая. Самая шустрая из всех. Развивает скорость до 50 километров в час – катер запросто обогнать может. (следующий аквариум). А вот тут – моя любимая, пятнистая крупночешуйчатая. В Ориноко только водится. Это – умница, каких поискать, нюх у неё – овчарка позавидует. Каплю крови в воде за километр учует. А примчится на запах – тогда уж держись… (суёт палец в воду, потом резко его выдёргивает). Во, видали? Чуть палец не отхватила, хулиганка пузатая.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Ты, батьку, того, ты поосторожней! Не ровён час, без пальцев останешься. Как тогда своим партейцам данный факт на конференции объяснишь?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ещё чего не хватало – объясняться с ними, отчитываться! Секретарь политсовета не пояснять должен, а задачи ставить, направление указывать. Для этого и одного пальца хватит. Это они… Они все у меня должны быть как пальцы – во… (растопырил пятерню). Захочу – разожму, а надо – в кулак соберу! (сжал пальцы в кулак, погрозил кому-то).

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (примирительно). Добре, батьку, добре… Чего ты? Не кипятись зазря. Сегодня день такой, юбилей твой, праздник, а ты… Радоваться надо, а не кулаками махать. Пировать надо – повод-то какой! (к сыну). Олег, сынку, слышь… Хорош дивчин своих тискать, успеешь ещё. Ты лучше

это… На стол сообрази чего-нибудь, а? Ресторан рестораном, а гулянку и продолжить не грех… В домашней, семейной, так сказать, обстановке. (подкручивая усы). Вискаря можно было б вмазать… А шампустик ещё остался?

ОЛЕГ. А что я? Здесь не я, здесь дед хозяин. Это его кабинет.

Олег Васильевич делает знак стоящему неподалёку Смирнову. Тот быстро и умело выставляет на стол несколько бутылок, тарелки с закусками.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (разливает по стопкам). Радоваться, говоришь, надо? Пировать?.. А чему радоваться-то, а, Гамалька? Ситуацию ты не хуже моего знаешь. Да если со стороны поглядеть – всё в полном ажуре: Олег Васильевич – политический тяжеловес, секретарь политсовета регионального отделения крупной парламентской партии. С ним считаются, советуются, дорогие подарки на юбилей дарят… Да, наша фракция в областной Думе самая мощная, да губернатор руку жмёт, спикер со мной консультируется… Ну а если глубже копнуть? (чокаются, выпивают). Если копнуть, то совсем другой расклад получится. Мало того что в центральном аппарате интриги против меня плетут, так ещё и здесь, прямо под носом… Если прогрессисты войдут в коалицию с экологами – накроется наше большинство в Думе. Медным тазом накроется. И уж тогда, Гамалька, законы с первого чтения уже так просто не протащишь…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (нахмурился). Ну что ты, батьку, заладил: Гамалька, Гамалька… При чужих людях ещё… Не люблю… Не нравится мне это имя, никогда не нравилось… Георгий я. Давно уже – Георгий.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (повышая голос). Ну это ты, может, для тех… Для своих ряженых, которые с лампасами – Георгий. Победоносец, гидрид твою мать! А для меня – Гамаль, и точка! У тебя в свидетельстве что написано? Правильно: Гамаль. Гамаль Олегович – русским по белому написано. Думаешь, просто так тебе это имя дано? С потолка оно взято? Нет, со смыслом – в честь знаменитого президента Египта Гамаля Абдель Насера, большого друга СССР. Героя Советского Союза, между прочим. Таким именем дорожить надо, гордиться!..

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (выпивает). Гордиться! Полвека уже горжусь, не знаю, куда гордость девать… В пионерлагере постоянно дразнили, в школе одноклассники ржали… А в армии все два года – замполит как увидит, так орёт: «Ну чё, Гамаль, всё нормаль?»… Один назвал, а другой мучайся всю жизнь.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. А ты не мучайся. Расслабься и получай удовольствие. Ни у кого ведь больше такого исторического имени нет. (берёт со стола бутерброд). Ты, Гамалька, лучше вот о чём подумай. До выборов рукой подать, а рейтинги у меня на твоих территориях того… Неутешительные… Хреновастенькие, прямо скажем, рейтинги. Красноармейка – 10 процентов, Старосагашский район – от силы 15, в Селивановском и Усть-Лазинском – и пяти не наберётся… А ведь там везде твои ребята, куда ни плюнь. Станицы там твои. Так оно?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Так. И станицы есть, и хлопцы имеются. В Селивановском – крупное хуторское правление, в Красноармейке наказной атаман мой человек, сам его на должность рекомендовал.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот, вот… Так пусть эти твои хлопцы хоть на недельку квасить перестанут, делом займутся. Работу с населением проведут, сходы там, собрания… А ещё лучше – если концерт какой-нибудь соорудят.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (нетрезвый смешок). Ага, оркестра народных экскрементов…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, хватит, хватит, я ж тебе о серьёзном! Пусть они там наши листовки людям раздадут, расскажут доходчиво, что ПСП – та самая партия, которая призвана защищать их коренные интересы, стоять на страже, окружать заботой и тэдэ… Короче, сам знаешь. (задумался). Или лучше вот что: давай совместными усилиями праздник там какой-нибудь сорганизуем? Например, День народных промыслов. Или лучше – ярмарку местных ремёсел… А? Хорошо ведь? (заметил, что сын колеблется). Давай, Гамаль! Надо рейтинги поправлять, а то конкуренты – они ж не дремлют. Они ведь как эти… (жест в сторону аквариумов). Как пираньи. Чуть ты ослаб, чуть потерял плавучесть – в два счёта слопают. И не поперхнутся. А распетрушат нашу фракцию, кому тогда мы в Думе нужны будем? Так ведь, Гамалька?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (морщится). Да ладно, ладно, опять ты, батьку… Понятное дело, я ведь тоже соображение имею. Да только что я могу? У нас во всём округе толковых казаков – как волос на лысине. А остальные, сам знаешь… (махнул рукой). Кто этих алконавтов всерьёз слушать будет? Ты бы, батьку, вот что… Ты бы лучше с Москвой связался, погутарил, разъяснил ситуёвину. Они бы тебе человечка знающего прислали, политолога какого-нибудь. Публикации, выступления на ТВ, растяжки, рекламные щиты… Вот тебе и рейтинг!

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ага, эти пришлют… Догонят и ещё раз пришлют! Они спят и видят, как бы меня

отсюда сковырнуть, а на это место своего блатного мажорика пристроить... А если даже и пришлют… Думаешь, нормального в провинцию командируют? И получится, как у Нафика Галиахметова…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Какого Нафика? Это который из «Гражданско-правовой реформы»? Долговязый такой, с усиками?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Тот самый. Помнишь, он в Горсобрание баллотировался? Выборы досрочные, всё надо быстро-быстро, мощный пиар был нужен… Ну, Галиахметов звонит своим в столицу – так, мол, и так… Те присылают щегла какого-то. Деятель этот неделю сидит в лучшей гостинице, жрёт и пьёт исключительно в ресторане. И с умным видом мозги морщит – вроде как слоган предвыборный для Нафика рожает. Ну а потом и выдаёт: «Нафик, ты нам нужен!». И смех и грех.

Мужчины сдержанно смеются. Выпивают.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот, а ты говоришь… Чуть дай слабину – завтра же на пенсию спровадят. С почётом, конечно, с грамоткой, с речами… Часы, небось, именные подарят в качестве намёка: время твоё, Олег Васильевич, мол, закончилось, пора молодым дорогу уступать. (встаёт, нервно ходит). А того они в своей трёпаной Москве, не соображают, что без меня рухнет всё это. (обводит рукой кабинет). Рассыплется, провалится в одночасье. Я же своё отделение с нуля строил, по кирпичику возводил, авторитет и вес ему зарабатывал. Тут на мне всё держится. Я ж секретарей всех первичек самолично подбирал, обучал, воспитывал... (пожимает плечами). Аренда офисов – через меня, на моих связях и договорённостях. На выборах кто ночей не спит, мечется как наскипидаренный по всем территориям? Я! Отбор кандидатов, проверка протоколов, работа с наблюдателями, пуси-муси с председателями избиркомов… Кто? Опять Олег Васильевич!

К столу подходит Олег со своими девушками.

ОЛЕГ. Вы чего это тут расшумелись, а, старики? Деда, ты, наверно, по своей привычке, опять митинг замутил?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Не митинг, не митинг… Деловое обсуждение повестки дня.

ОЛЕГ. Деловое… Не смешили бы. Что у вас сильно делового может быть? Играете в бирюльки свои политические, одну и ту же колоду по десять раз тасуете. Живёте иллюзиями, фантазиями какими-то, разговорами – как маленькие.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (добродушно-иронично). Ну, конечно, куда нам! Деловой из всех нас только ты, Олежик. Один на всю семью.

ОЛЕГ (наливает себе, выпивает). Выходит, что так, дедуль. (закусил). Две фабрики, заготовительный участок, ремонтные мастерские, управляющая компания, спецавтоколонна… Это как? Без малого, полтыщи человек в штате. И каждого работой, соцпакетом обеспечь, зарплату каждому вовремя выдай. К вечеру башка – во… (показывает). Вот где настоящая, реальная деятельность, дед. А вы с отцом как будто в пионеры не наигрались: конференции, выборы-перевыборы, фракции, взносы, кворумы… Сегодняшняя жизнь не на собраниях, не на заседаниях делается, а в цехах, у станков, за баранкой… Там, где люди сами, своими руками…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Ой, дурной ты ещё у нас, Олежка, ой дурной! Сквозняк в голове… Поживёшь с наше – узнаешь. (оглядывает стол) А пиво где? Я бы от пивасика сейчас не отказался, от холодненького…

Смирнов быстро ставит на стол бутылку пива.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. О-о, вот это по-нашему! «Жигулёвское», аж запотела, голубушка…

Гамаль Олегович берёт бутылку и ловко сбивает крышку о рукоять своей сабли. Делает несколько жадных глотков.

ОЛЕГ (девушкам). Видали? Это вам не в ночном клубе – текилу с локтя… (отцу – кивая на саблю). Та самая, дедовская?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (поглаживая ножны). Для меня – дедовская, для тебя – от прадеда сабля… (девушкам). Семейная реликвия, с войны у нас хранится. Из поколения в поколение передаём.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Чё, правда? А она настоящая? Ой, я ни разу военной сабли не видела!

ВТОРАЯ ДЕВУШКА (опасливо притрагивается к сабле). Клёвая, блин, сабелька! Совсем как у Умы Турман, да? (подруге). Помнишь, мы «Убить Билла» вместе смотрели?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВЧ. Не-ет, девочки, такую в кино вам не покажут. Это командирская, наградная. Видите, надпись: «За личную храбрость от командующего фронтом»… Вот ведь какие времена героические были. И люди тогда героические жили, и дела такие же вершили…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Точно! Дела и люди!.. Но ты, батьку, не хуже. Не меньше иных за свою жизнь на-

ворочал… Ты у нас тоже герой, за тебя треба выпить. (плещет по рюмкам). Вот, давайте почтим… То есть уважим, как говорится, чем Бог послал… (ищет глазами иконы, но, не найдя, крестится на аквариумы).

Присутствующие выпивают, закусывают.

ОЛЕГ (девушкам). Чего, матрёшки, глазёнками хлопаете? Дед-то у меня – реально героический. Большим человеком был – сначала на аглофабрике парторгом, потом ЦБК проектировал и строил… Метизным заводом порулить успел… После метизки – в Москву забрали, в Госплан… Ну и в перестройку дедыч не растерялся, своего не упустил: вложился в нужные бумаги. В политике любят тех, у которых много денежек – вот и отдали ему на откуп целое партийное региональное отделение.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну ты, внучок, того… Не перегибай… Ты лучше нас со своими прелестными спутницами познакомь. А то целый вечер за одним столом сидели, а как их звать-величать, непонятно.

ОЛЕГ (с удивлением глядит на девушек). Да?.. А как вас хоть звать-то?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Ну ты, сына, даёшь! Привёл дивчин, а как кличут – ни ухом ни рылом.

ОЛЕГ. Да я не задумался как-то… Из агентства прислали, а я и не спросил.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Из агентства? Из какого такого агентства?

ОЛЕГ. Из обыкновенного… «Леди Прима», вип-сопровождение… Я у них всегда девочек для эскорта заказываю, у них номенклатура – по первой категории.

Олег хлопает девушек по филейным частям, те притворно-кокетливо взвизгивают.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ничего не понимаю, эскорт какой-то… В моё время только один эскорт был – почётный. Это когда Гамаля Насера или там космонавта очередного из аэропорта везли. Вот это был эскорт так эскорт, кортеж так кортеж: мотоциклисты, «Чайки», «Волги» чёрные…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (хихикает). А вот и пускай: эта у нас будет Чайка, а эта – Волга. Настоящий эскорт!

Все смеются, наливают, выпивают.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну и зачем это тебе, внук? Что, с обычными девчонками не мог прийти? Обязательно выпендриться надо: чтоб из агентства, чтоб подороже… Мода, что ли, сейчас такая?

ОЛЕГ. Нет, не мода. Веление времени!.. Ну как тебе это объяснить… Понимаешь, дед, когда человек достигает определенного статуса, он должен этому статусу соответствовать. Внешне хотя бы. На важные мероприятия приезжать на дорогой машине, носить хорошие костюмы. На руке у него должны тикать престижные часы, а в кармане лежать телефон последней марки…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Телефон, костюм… Ты что, Олежик, сам не понимаешь, что мишура всё это? Не главное это.

ОЛЕГ. Ну а что тогда главное, дедыч? Рыбы твои – главное? Пираньи твои?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Нет, и рыбы не главное. Они хоть и для души, но всё равно не главное. А главное, внук, это когда ты понимаешь, что в нашей жизни от тебя кое-что зависит. И даже очень-очень зависит. Когда ты осознаёшь: в данной шахматной партии ты не пешка. И не конь даже.

ЧАЙКА. Ага, король!

ВОЛГА. Нет, лучше – королева, она везде ходит!

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (строго). Да, может быть, и ферзь, почему бы нет? (Олегу). Только ты, Олежик, в своих цехах-фабриках этого никогда не добьёшься. Хоть десять их у тебя будет, хоть сто… Настоящие вопросы не на фабриках решаются. И даже не в офисах. Они там решаются. (палец вверх). И вот какие слова там скажут, какие законы и нормативные акты примут – так и будут твои фабрики работать. Или вообще не будут.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. А что, Олег, дед дело говорит! Завтра соберутся большие и дюже головастые люди, придумают какие-нибудь очередные кренделябры, впендюрят тебе 40-процентный налог – и адью! Разбегутся твои рабочие, а ты сиди один среди своих станков, кредиты выплачивай.

ОЛЕГ. Ну опять вы за своё… Снова ту же песню!.. Да вы хоть знаете, какие у меня планы? Да я в следующем году хочу новый асфальтобетонный завод запустить. А в этом – тепличное хозяйство у совхоза выкупаю. Вместе с котельной. Опять же – мебельный цех расширяю… А всю прибыль – в радио вложу. (девушкам). Эй, куклы, вы в радио шарите? Что такое FM хоть знаете?

ЧАЙКА. Да у меня всю дорогу «Европа-Плюс» в телефоне.

ВОЛГА. А я в машине погоду всегда слушаю. Ну и это… Когда про курс доллара передают.

ОЛЕГ. Нет, моё не такое будет. Не про погоду там будет, и не про доллар. И музыку хочу – по минимуму. Чтоб только нормальная, адекватная. Не попса, не кислота электронная. (деду). Короче, дедыч,

я тут исследование одно заказал – на тему местного медийного рынка. Так вот, выяснилось, что ниша новостного FM-радио у нас в городе почти пустует. Шлягеров однодневных, херкоровых всяких и кобздонов – этого добра в эфире как дерьма за баней, а новости узнать негде. Я, конечно, не про официальные новости говорю, не про те, что в программе «Время». Я про другие, мировые, топовые: политика, искусство, экономика с уклоном в аналитику. И, конечно, без желтизны.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. А что, хорошая придумка. Любо! Я ведь тоже уважаю – когда есть что послухать. Не тра-ля-ля там, не дымц-дымц-дымц, не бла-бла-бла, а чтоб что-то забористое, чтоб и уму и сердцу… Да, девоньки?

Гамаль Олегович переключается на Волгу и Чайку, угощает их выпивкой, показывает свою саблю, демонстрирует погоны и медали, обнимает девушек, шутит с ними…

Тем временем Олег Васильевич берёт внука под локоть, выводит его на авансцену.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ты что, Олежик, ты это серьёзно – насчёт радио? Ну чтобы о политике там?..

ОЛЕГ. Вполне. Ребята бизнес-план составить помогли. На первых порах проект, конечно, убыточным будет, но со второго полугодия собираюсь вывести его на самоокупаемость. Реклама там, коммерческие проекты…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ох, Олежик, Олежик… Гляди! Я же знаю, откуда у тебя мысли такие… Это которые там, в сквере, у памятника, с плакатами – они подговорили?

ОЛЕГ. Не понимаю, о ком ты… (пауза). Да и вообще, причём тут они? У них своя свадьба, у меня своя. У них митинги, пикеты, политика, а у меня бизнес. Ты же знаешь.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Знаю, знаю… А ещё знаю, что подкармливаешь ты этих горлодёров, помогаешь им. На брошюры им деньги давал? Давал. Когда они мэрию пикетировали, автобусы предоставлял? Предоставлял. А кто им звуковую аппаратуру помог арендовать? Не ты, скажешь?

ОЛЕГ. Да хоть бы и я! Кому какое дело? Говорю же: у них своё, у меня своё… А если и помогаю чем-то… Почему не помочь, если есть такая возможность? Они же… Жалкие они, беспомощные. Орут в мегафоны красиво, а в практических вопросах – ноль. И денег никогда у них нет.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот, вот, вот… Этих говорунов ему жалко, а деда родного не жалко.

ОЛЕГ. Ну что ты такое говоришь, а деда! Ты о чём вообще? Знаешь ведь: люблю тебя сильно, а ещё больше – уважаю. (обнимает деда).

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. И я тебя люблю, Олежик. Ох, как люблю… И надеюсь на тебя крепко-крепко. (пауза). Ты же видишь: годов мне уже ого-го, силы не те, здоровье – тоже… (пауза). И ты, конечно, не Илья Муромец, но твоя хворь – это пустяк, мелочь. Это лечится. Сейчас всё за деньги лечится, от старости только пилюль придумать не могут. Потому – и разговор у меня к тебе…

ОЛЕГ (отступая от деда на шаг). Ты снова о партбилете, дед? Может, хватит, а?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (громко, жёстко). Нет, не хватит! Это тебе хватит ерундистикой заниматься. (уже мягче). Появилась отличная возможность в Госдуму тебя двинуть – по партийным спискам. А что: фамилия известная, предприниматель ты не из последних, меценат опять же… Подключим прессу, политтехнологов, толковых пиарщиков… Раскрутим, как положено, и на ближайших выборах – в Думу от ПСП. А? Как тебе? Это такой шанс, Олежик, такой шансище!.. (хлопает внука по плечу) .Отличная вертикаль вырисовывается: ты – в парламенте, я – здесь. Посидишь на Охотном, потрёшься, опыта поднаберёшься, знакомства заведёшь... А потом, глядишь, и меня здесь сменишь. Пойми: пока ты в бизнесе – ты плотва, карась желтопузый. А всерьёз займёшься политикой, – есть шанс пираньей стать. Или акулой даже. И тогда уже не тебя лопать будут – ты от других куски отрывать станешь. (Олег хочет что-то сказать, но дед спешит высказаться). О предприятиях своих не беспокойся. Отдашь в доверительное управление надёжному человеку – и вступай в партию. Все оргвопросы, все формальности решим без волокиты, я тебе гарантирую. Ну и сразу к выборам энергично готовиться начнём.

ОЛЕГ. Дедыч… Слышишь, дедыч… Я очень тебя люблю, очень… Я всё для тебя сделаю, в лепёшку расшибусь… Но только не это. Не моё это, понимаешь? Чужое… И не настоящее. (отбегает к остальной компании). И вообще, давайте веселиться, сегодня такой день! У такого деда юбилей! У самого лучшего в мире деда день рождения… Ни у кого больше нет такого деда, ни у кого!..

Олег начинает демонстративно веселиться: бегает, задирает остальных, откупоривает шампанское, обрызгивает девушек пеной из бутылок и водой из аквариумов… Музыка – поначалу еле слышная, фоновая – становится громче. Она всё усиливается и усиливается.

Опустив голову, Олег Васильевич один стоит на авансцене.

Затемнение

В едва освещённом пустом кабинете появляется Смирнов. Мягким крадущимся шагом он подходит к оставленному на столе аквариуму. Смирнов долго смотрит на рыб, улыбается им, корчит рожи, подает знаки. Как будто разговаривает с пираньями. Затем он осторожно поднимает аквариум и встраивает его в общую стену из таких же стеклянных тетраэдров. Некоторое время он стоит рядом, следит за движением рыб, гладит стекло ладонью. Губы его шевелятся.

Затемнение

Картина вторая

Где-то в дальнем райцентре идёт разудалый сельский праздник. Может, День народных ремёсел, может, Сабантуй, а может, и Праздник местных промыслов. Со всех сторон раздаются бодрые голоса, летят обрывки песен, где-то играет гармошка… Посредине сцены, частично закрытой небольшими кулисами и застеленной цветастыми деревенскими половичками, – высокий гладкий столб с привязанным к макушке незамысловатым призом.

Олег Васильевич в сопровождении Гамаля Олеговича и Смирнова принимает в празднике самое непосредственное участие. Едва поспевая за ними, рядом семенит местная журналистка. У неё на шее фотокамера, в руке – блокнот.

ЖУРНАЛИСТКА. Олег Васильевич, разрешите поблагодарить вас за согласие принять участие в наших торжествах. Что привело вас, крупного политического деятеля, на этот праздник?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ответ простой: сердце привело. Душа. Открою маленький секрет: я очень люблю ваш Новосиньковский район. Возьмём природу: эти раздольные заливные луга, чудесные озёра ваши, непроходимые леса – это же поэзия, настоящая поэзия! Но истинное богатство района – это, конечно же, его люди. Труженики, которые ежедневной упорной работой – пусть подчас и незаметной – создают славу своей малой родине. Приведу в пример хотя бы нынешнюю посевную…

В это время открывается одна из кулис – за ней обнаруживается гончарный круг. Олег Васильевич бросается туда. Смирнов кладёт на круг глиняную заготовку, запускает механизм, а Олег Васильевич ловко – прямо на наших глазах – делает горшок.

ЖУРНАЛИСТКА. А что вы можете сказать об атмосфере мероприятия?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что тут скажешь… Это нужно видеть, это нужно чувствовать… Только здесь ощущаешь биение народного пульса и понимаешь: это именно то, чем жили наши предки и сто, и двести лет назад. Особенно отрадно, что поток народного творчества от года к году не только не иссякает, но и становится мощнее, разнообразнее. Лишнее тому подтверждение – участие в вашем празднике областного казачьего сообщества во главе с его неизменным атаманом Гамалем Олеговичем. (указывает на сына. Тот, придерживая саблю, чопорно кланяется журналистке). Вы все прекрасно знаете, что на протяжении последних лет…

Между тем успела отъехать в сторону вторая кулиса, и теперь перед нами – рабочее место деревенского кузнеца: наковальня, горн, набор инструментов. Смирнов едва успевает подвязать своему боссу фартук, а тот уже вовсю машет молотом. Удар, ещё удар – и, пожалуйста: готова подкова. Олег Васильевич опускает раскалённое изделие в кадку с водой. Раздаётся шипение, поднимается пар.

ЖУРНАЛИСТКА. Чтобы принять участие в конкурсах, к нам в райцентр съехалось много гостей. Среди них – представители различных политических сил, течений…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Так это же отлично! Замечательно! Мы, политики, только в коридорах, так сказать, власти ощущаем себя конкурентами, соперниками. А здесь мы всего лишь представители нашего могучего и щедрого на таланты этноса, его малая частичка. Глядишь на всё это разнообразие… (Олег Васильевич обводит рукой вокруг себя). Глядишь – и невольно включаешься в общую радость, заражаешься коллективным созидательным порывом… Тем не менее, пользуясь случаем, хочу сказать о своих местных однопартийцах. Новосиньковская территориальная ячейка нашей партии – она хоть и не слишком многочисленная, но очень боевая, дееспособная. Её представители работают и в вашей районной администрации, занимают в ней довольно ответственные посты. Это достойные люди, отличающиеся гражданской зрелостью, высокой активностью. Да, активностью… (Смирнов подаёт листок). Достаточно

сказать, что в прошлом году они инициировали ремонт школы, помогли достроить объездную дорогу, организовали поездку отличников учёбы на экскурсию в областной центр. А если вспомнить, что у вас давно поднимается вопрос с освещением центральной улицы…

Отъезжает в сторону очередная кулиса – и Олег Васильевич уже за новым занятием. Он сидит за деревенским ткацким станком и так быстро ткёт пёструю дорожку-половик, что Смирнов не успевает подавать ему цветные лоскуты.

ЖУРНАЛИСТКА. Олег Васильевич, но было бы, наверное, преувеличением сказать, что всё так уж безоблачно и гладко?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Спасибо за хороший и острый вопрос. Вы, безусловно, правы. Проблемы всегда были и будут – это жизнь. А наша партия никогда не отворачивалась от поставленных жизнью социальных проблем, не пасовала перед необходимостью решать их. Главное – видеть, если так можно выразиться, узловые моменты, и мы всегда стараемся их замечать. Не отворачиваться, а смотреть жизни в глаза, как бы трудно это ни было – вот девиз «Партии социального партнёрства». Более того: мы всегда идём именно туда, где болевых точек больше. Потому что осознаём, что именно там мы нужнее всего. (покидает рабочее место ткача). Но партийные силы ПСП не безграничны. Нам тоже нужна поддержка, ваша поддержка. Вы знаете, что уже ближайшей осенью пройдут масштабные выборы. В связи с этим я хочу обратиться к жителям Новосиньковского района: поддержите наших кандидатов! Приходите на избирательные участки всей семьёй, отдайте свой голос за достойных представителей нашей партии, которые, в свою очередь, готовы мужественно и честно отстаивать интересы вашей территории. Позволю себе напомнить слова известного писателя, нашего земляка…

Четвёртая кулиса открыла нам низенькую лавочку, возле которой возвышается горка ивовых прутьев. Не всякий зритель успевает смекнуть, что это мастерская для изготовления плетеных корзин.

Но не таков Олег Васильевич. Мгновение – и он уже на лавочке, а Смирнов подаёт прутья. Вот появилось круглое основание корзины, вот наметились её боковые рёбра, а вот мастер уже заканчивает её ручки…

ЖУРНАЛИСТКА. А что бы ещё вы хотели пожелать жителям нашего района, уважаемый Олег Васильевич?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Слов много, очень много – самых тёплых и сердечных. Поверьте, они просто переполняют меня. Трудно высказать их все в рамках короткого интервью, ещё труднее – выразить прозой…

ЖУРНАЛИСТКА. Ну тогда, может, попробуете стихами? Я знаю, Олег Васильевич, что вам не чужд жанр поэзии, я хорошо знакома с вашими стихотворными сборниками.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ой, да бросьте, не вгоняйте меня в краску. Когда это было!.. Давно было… Стихов я уже много лет не пишу… А знаете что? Давайте-ка я вам лучше – в частушке… (громко поёт):

Если дружишь с головой,
Прочь гони сомнение.
ПСП – наш рулевой,
На неё равнение!

Или вот ещё… Сейчас, вспомню. Вот…

Курс – реальные дела,
Воля и упорство.
Кто надёжен, как скала?
Партия партнёрства!

Ну как, нравится? Это я сам сочинил, мы у себя в реготделении регулярно конкурсы частушек проводим.

Голосуй за ПСП
И забудь про прочих…

Оборвав частушку на полуслове, Олег Васильевич вдруг устремляется к столбу с призом. Вот он снял пиджак, закатал рукава, поплевал на ладони… Рядом суетятся Смирнов и Гамаль Олегович – они явно отговаривают Олега Васильевича лезть за призом, однако тот не обращает на советчиков никакого внимания. Вот он подошёл к столбу, ухватился за него…

Но тут звонит мобильный телефон. С явной досадой Олег Васильевич отходит от столба, берёт трубку, которую ему протягивает Смирнов.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. А, Олежик, привет, дорогой. Что, как жизнь молодая? Ага, ага… Ну и хорошо… Да, вот с отцом твоим в Новиньковке, на празднике ремёсел… Ну… Ну… Точно: полезное с приятным… Заодно решили и стариной тряхнуть, хе-хе-хе… Ладно, я и так осторожно, не 17 лет, поди… А почему голос у тебя такой невесёлый?.. Олег, я же слышу. Говори!.. Какую ещё лицензию? На радио твоё лицензию не выдают?.. А что говорят?.. Во, деятели!.. Да шли ты их на три весёлых буквы, тоже мне пупы земли!.. Да бред это, Олежик, бред – частот свободных нету. Должны быть! Требуй, настаивай, добивайся!.. Ну… Да… Нет, внук, в этом комитете у меня никого… Сейчас – никого… Был Николай Ефимыч – помнишь его? – так он на пенсии давно, болеет… Ну что я могу посоветовать? Договаривайся, нажимай – только без хамства… Да сам всё знаешь, не маленький… Да… Да… Ты мне лучше вот что скажи: приступов больше не было? Точно? А этот, как его… Аминоцитин свой принимаешь?.. Не врёшь?.. Ну ладно, давай, обнимаю тебя, внук. Пока!

Олег Васильевич отключает телефон, передаёт его Смирнову. С сожалением смотрит на столб, но лезть уже не порывается. Видимо, остыл.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (Гамалю Олеговичу). Олежик звонил. Лицензию, говорит, его радиостанции не дают. Вроде как частот свободных в эфире нету. Кончились.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Ерундень какая! Что, они не знают, чей он внук? Да тебе стоит только на нужные кнопочки нажать… В администрацию звякнуть, с управделами за рюмкой чая побалакать…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Э-э, нет! Пускай сам решает, сам… Не дитё давно, а крупный бизнесмен. Рабочих у него полтыщи, автоколонна, мебельный цех, костюмы дорогие, эскорт… Самостоятельный очень, деловой… Вот пусть сам и ищет нужные двери. Потыкается, потыкается – может, тогда поймёт, что не все перед его костюмами приседать готовы. Умнее, может, будет.

Олег Васильевич оглядывается по сторонам. Что-то замечает.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. А там у вас что? Да вон же, вон, дымок идёт и пахнет так… Неужто полевая кухня? Настоящая? Ну вы даёте! А где взяли? Это у каких армейцев? У ракетчиков или спецназовцев?.. Молодчаги! А что варится?... У-у, я с армии, наверно, гречку с тушёнкой не ел. Ну-ка, угощайте, угощайте ветерана партийно-хозяйственного строительства!

Вместе с Журналисткой, Гамалем Олеговичем и Смирновым Олег Васильевич скрывается за кулисами.

Затемнение

На сцене появляются густо нарумяненные Чайка и Волга, обе в кокошниках и деревенских сарафанах с глубоким разрезом. Девушки деловито собирают половички, тщательно встряхивают их. Потом аккуратно скатывают половики в трубочку и уносят за кулисы.

Затемнение

Картина третья

Мы – в офисе Олега. Большой, но неухоженный кабинет: повсюду ворохи бумаг, мебель расставлена без всякой симметрии и мысли, на столе – немытые чайные чашки, пепельница, из которой уже давно не убирали окурки.

За рабочим столом – Олег, он перебирает какие-то папки, рядом с ним стоит Смирнов. Чайка и Волга – в углу кабинета, на диване. Со скучающим видом девушки лениво перелистывают страницы журналов.

ОЛЕГ (кладёт ладонь на стопку бумаг). Вот тут – все счета. Какие-то оплачены, но большинство… Вот именно… Глянешь: что горит, а с чем погодить можно… Это – декларация за прошлый год. Вернули из налоговой, какие-то цифры у них не бьются… Тут написаны замечания, вот…

Олег показывает Смирнову листок с замечаниями. При этом он старается не встречаться глазами с собеседником.

ОЛЕГ. До кучи ещё и текущую декларацию заполни, суммы прикинь, чтобы всё чики-чики было… Здесь – накладные. Надо их по датам разложить, а то у меня сам чёрт ногу… (откидывается на спинку кресла). А вообще… Вообще-то я не очень понимаю, зачем дед именно тебя прислал. Я же ему сто раз говорил: бухгалтер мне нужен, опытный бухгалтер, чтобы во всём этом хаосе хоть какой-то порядок навести!

Смирнов, не меняя позы, едва заметно наклоняет голову.

ОЛЕГ. Что? А, ну да, да… Я помню: у тебя финансово-экономический с отличием… Да… А второе – юридическое, красный диплом… Да, конечно… (после паузы – кивая на бумаги). Тут надо это… Надо хорошенько полопатить, вникнуть. Что-то в последнее время у меня… Не то что-то, не так… Нормально ведь шли дела, всё на мази было, а потом раз, и… Пробуксовки какие-то…. На таможне партию сыра тормознули. Прикинь: целую фуру! Палочку какую-то нашли. Раньше не было никаких палочек, а тут на тебе… Пробовал договориться – ухом не ведут. Волынят уже какую неделю, срок сертификата скоро истечёт… По земле под цех вопрос завис. В комитете: то начальник болеет, то специалист в командировке… Гаишники, сучары, зверствуют. Сразу шесть автобусов загнали на штрафстоянку! Да, не оборудованы ремнями. А у кого они оборудованы? Но к другим автохозяйствам никаких претензий. Только меня одного, оказывается, можно прессовать. Убытки уже и считать боюсь… (закуривает). Короче, надо разобраться, разложить всё по полочкам… Я бы и сам, но… Навалилось всё – глаза бы не видели… А каждый день – ещё и ещё…

Смирнов кивает.

ОЛЕГ. А-а, чуть не забыл… Тоже важно… (указывает на конверт). Это письмо от организаторов митинга. Просят, чтобы я им баннеры помог изготовить, знамёна, чтоб мегафоны купил, ещё что-то по мелочи. Сцена им понадобилась переносная… Посмотри, чем ребятам пособить можем. У меня, конечно, сейчас с обороткой того… Не очень… Пенсионный счета заблокировал. Но всё равно… Хотя бы материалами… Хоть как-то…

На столе появляется ещё одна бумага.

ОЛЕГ. Это тоже они. Хотят, чтобы я им счёт за телеэфир оплатил. Ролик свой сняли, пятиминутный, пытаются его по областному запустить… (ещё одна бумага). Здесь – смета расходов на их палаточный городок. Придумали они своих активистов в летнем лагере обучать, прямо на берегу речки. Семинары там, тренинги, деловые игры… (следующий файлик). Это макеты листовок и брошюрок – с программой, с манифестом даже… Предлагают их в нашей типографии напечатать. Посчитай. Если не сильно дорого, почему бы не тиснуть?.. Ну и насчёт легальности прозондировать не помешало бы, а то в прошлый раз меня в прокуратуру вызывали, экстремизм чуть не пришили. Разговаривали долго, еще и предупреждение выписали.

Олег тушит сигарету прямо о столешницу и резко встаёт. Некоторое время, как-то неестественно выпрямившись, стоит у стола. Затем делает неуверенный шаг, но, пошатнувшись, возвращается к креслу. Стоит, держится за спинку.

ОЛЕГ. Квиточек этот там же… С предупреждением который… В бумагах… (пытается ослабить ворот рубахи).

Смирнов поднимает голову, напрягается, вытягивается. Он внимательно следит за Олегом, но при этом остаётся на прежнем месте.

ОЛЕГ (кивая на сейф, сдавленным голосом). Там… Там… В коробке… В синей такой…

Смирнов быстрым шагом доходит до сейфа, уверенно находит в нём коробку с препаратами. Отсчитав нужное количество капсул, вместе со стаканом воды подаёт их Олегу. Тот жадно глотает лекарство.

ОЛЕГ (с видимым облегчением). Опять… И быстро как, резко… В последнее время всё чаще стало… Спасибо… (возвращается в кресло). Дед говорит, в клинику надо ложиться, он там и с профессором уже каким-то своим крутым потолковал… А ещё лучше – за границу, там есть специализированные центры… Только – когда? Кто здесь всем этим заниматься будет? (вялый жест рукой). Кто это разгребать станет? Уеду – и полетит всё в тартарары…

Олег снова встал, молча ходит по кабинету. Останавливается у окна.

ОЛЕГ (не глядя на Смирнова). Там, в сейфе, это… Папка такая есть… С красным корешком… Ты с ней повнимательней поработай, ладно? Там про лагерь, про тот самый, палаточный… Недешёвое удовольствие, но сама мысль хорошая, дельная. Здорово ведь: каждый год собирать способных ребят со всех районов. Пускай загорают, купаются, отдыхают… А между делом – организовать им учёбу, поднатаскать в языках, организовать встречи с интересными людьми, с учёными там, с актёрами, с литераторами… У них… У этих… (неопределённый кивок). У них ведь неплохие мысли иногда проклёвываются. И головы у них светлые… Ещё бы применение правильное этим головам найти, а то сотрясают воздух на своих пикетах, машут флагами, голос со сцены срывают… Цены бы тогда не было… Так ведь?

Смирнов, который уже занял своё место рядом со столом, кивает.

ОЛЕГ. Вот и я так думаю. Понимаю, конечно: большинство из них – мечтатели наивные или обозлён-

ные неудачники. Но когда встречаюсь с ними и гляжу в глаза… Вижу: верят они во всё это. На сто процентов верят! И уважение к ним сразу просыпается, и даже побаиваться я их, что ли, немного начинаю из-за этого… Нет, не побаиваться, конечно, не то говорю… Робеть перед ними немного начинаю… Я здесь, понимаешь, мечусь, шарахаюсь из стороны в сторону, а они, оказывается, уже давно всё знают – как надо и что надо… Да ведь? Знают же?..

Еле уловимый кивок Смирнова.

ОЛЕГ. Впрочем, зачем я тебя спрашиваю? Ты ведь всегда… Всегда такой был… Осторожный, предусмотрительный, немногословный. Я помню, да… (долго нашаривает в пачке новую сигарету). Ты думаешь, я забыл? Нет, ни фига я не забыл… Всё я помню. Хоть и бухой тогда был, а помню… (пытается закурить, но ничего не получается). Хотя, может, было бы лучше, если б забыл… Я бы забыл… И ты тоже… Чтобы оба забыли, зачеркнули, выкинули, крест поставили… Да? (впервые взглянул на Смирнова). Но ты ведь простил? Простил, скажи?.. Ты же сам мне написал тогда в емэйле, что простил… Не так, что ли?.. Ведь отлично знаешь, что я пьяный тогда был, в дрова был – невменяемый… Как раз участок абразивных материалов открывали. На церемонии – целый замминистра, оркестр играет, телевизионщики туда-сюда со своими камерами шмыгают… Речи, ленточки, фуршет, потом банкет… (пауза). Вот зачем, зачем ты меня потом домой повёз? Именно ты повёз? А?..

Смирнов склонил голову.

ОЛЕГ. Ну, да, да, знаю… Приступ у меня сильный был. Выпил лишку – вот и заколбасило не по-детски… А ты мне тогда лекарство нашёл, потом домой повёз… (бросает скомканную сигарету на пол). Да ты сам, сам во всём виноват! Сам, понял? Нет, чтобы привезти, кинуть на диван – и к себе сразу... Какого хрена остался? А? Я тебя просил? А?.. (берёт ладонь Смирнова в свою ладонь). Тебе хоть хорошо было? Ну хоть немножечко… Хоть вот на столечко – хорошо? Мне – да… Ну чего молчишь?

Олег отпускает руку Смирнова. Встаёт, делает несколько шагов.

ОЛЕГ (изменившимся голосом). Наврал я. Не было мне хорошо. Противно было, мерзко – до блевотины… Не в моём ты вкусе, понял? Не таких я люблю, других люблю…

Олег стремительно подходит к девушкам. Берёт за руку Волгу, резким движением выдёргивает её с дивана.

ОЛЕГ. Вот таких люблю, ясно? У неё одни губы – как весь твой костюм стоят. А ноги… Ты видел когда-нибудь такие ноги? Таких даже в кино не бывает! (толкает Волгу на диван).

Рядом с Олегом уже Чайка.

ОЛЕГ. А эта!.. Она в салонах пополдня проводит, над ней лучшие мастера города работают… Волосы, грудь, фигура… Туфли – видал? Я ей эти туфли по каталогу из Милана заказывал – чтобы под цвет ногтей. Другие носить отказывается. (грубым движением возвращает Чайку обратно на диван). Это же лучшие племенные особи! Первая категория! Ты на них сначала посмотри, а потом на себя, сравни… Таких как они я люблю! Таких, таких, таких!..

Забывшись, Олег подбегает к Смирнову, хватает его за плечо. Чайка и Волга в испуге вскакивают.

ЧАЙКА. Мальчики, мальчики, зачем вы?

ВОЛГА. Ребята, прекратите! Вы чё, выпили?

ОЛЕГ (немного остыв и отпустив Смирнова). Ладно, прости… Бывают моменты – срывает резьбу. После лекарства случается иногда… Как пелена перед глазами, как туман, как дымовая завеса, всё вокруг вырубается напрочь… Извини, пожалуйста… (отворачивается к окну). Если тебе денег надо, возьми. Вон, в сейфе… Сколько надо возьми, сколько хочешь… Только прости… Только забудь…

ЧАЙКА. А нам?

ВОЛГА. Мы вообще-то тоже денег хотим.

ОЛЕГ. Что? Каких денег? О чём вы?..

ЧАЙКА. Ему, значит, прямо из сейфа – сколько влезет, а нам? Я вчера в банкомат ходила – нету ни фига перечислений за прошлую неделю.

ВОЛГА. А связь нам обещал оплачивать… И чё? Меня уже заманали эсэмэсками: «ваш баланс менее ста рублей»…

ОЛЕГ (растерянно). Вы что, девчонки? Как это нет перечислений? Я же давал распоряжение…

ВОЛГА. Я и в агентство звонила. Главбушка сказала, что не поступало от твоей фирмы никаких денег. Месяц уже ничего не поступало.

ОЛЕГ. Да мало ли она что сказала! Всегда в срок платил, как часы платёжки отправлял… (пауза). Ну,

не успел разок вовремя, ну и что теперь? Мировая катастрофа? Убить меня за это?.. Пенсионный фонд счета у меня заблокировал, ясно? Но это временно.

ЧАЙКА. Нас это не колышет. Шеф сказал: ещё пару дней бабла не будет – сваливайте, девочки. А с тобой ребята из службы безопасности разговаривать будут, понял? У нас заказов на месяц вперёд, а мы тут вату бесплатно катаем…

ОЛЕГ (взрываясь). Бесплатно?! И это – бесплатно?!. Охренеть!.. Да я на вас столько уже всего!.. «Мерседес» купить мог… Вертолёт!.. Обнаглели… Оборзели… Да если б не вы… Не такие как вы… Если бы не эти расходы… Разве валялись бы тут у меня эти долговые счета?.. Вот эти… И эти… И эти вот тоже…

Потеряв контроль, Олег мечется по кабинету, хватает бланки счетов, швыряет ими в девушек. Те в испуге выбегают из кабинета. Листочков становится больше, они вылетают из-за кулис, сыплются с потолка… Вскоре сцена скрывается за белой бумажной пеленой.

Затемнение

Сцена чуть-чуть освещается, и мы видим, как по белому от листков пространству передвигается Журналистка. То и дело она нагибается, поднимает бумагу, читает её, отбрасывает листок в сторону или наоборот прячет его в папку с тесёмками-завязками. Некоторые листочки она фотографирует. Время от времени Журналистка делает какие-то пометки в своём блокноте.

Затемнение

Картина четвёртая

Снова кабинет Олега Васильевича. Та же мебель, те же аквариумы с рыбой. На столе для совещаний – несколько бутылок, тарелки с салатами, бутербродами, нарезкой. За столом – Олег Васильевич, Олег и Гамаль Олегович. Смирнов тоже здесь, он незаметно и ловко обслуживает компанию: наполняет стопки, меняет тарелки с закусками. Сразу обращает на себя внимание, что Гамаль Олегович при параде, на нём белоснежная форма с золотыми погонами, на боку – знакомая нам сабля.

Чайка и Волга не принимают участие в застолье, они сидят поодаль, на диване. Девушки тянут коктейли из стаканов, играют своими телефонами.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот же свезло тебе, Гамалька, а! Свезло так свезло… Это ж надо: на целый месяц приглашают – и ни копейки не берут.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Да ещё и дорогу оплачивают! Туда и обратно бизнес-классом. Я, если честно, в бизнес-классе ни разу не летал. А ты, батьку?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Раза три или четыре. Когда на съезд приглашали, ещё – на встречу с премьером. Ну из границу пару раз… Да ничего особенного: кресла попросторнее да еда поприличнее. А самолёт-то тот же.

ОЛЕГ. Зато выпивки – сколько влезет. Вискас, водовка любая…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Выпивки? И что, всё бесплатно?.. О, это кучеряво!

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (стучит пальцем по краю стола). Я те дам кучеряво! Я тебе такое кучеряво устрою, в Ирбит твою мать… Если опять ужрёшься, не посмотрю, что атаман – накостыляю! При внуке говорю. (чуть мягче). Ты, Гамаль, в чужую страну едешь, даже на другой континент! Так что, будь любезен, не позорь отца и державу. Ты ведь туда почти как официальное лицо отбываешь...

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (бережно расправляет свои аксельбанты). Да ладно тебе, батьку… Знаю, знаю, что как лицо… Я же шутейно сказал. (к Олегу). Я, сынку, как это письмо получил, – аж обомлел. Сначала думал, розыгрыш. Но на всякий пожарный в египетское консульство всё ж таки позвонил. Оказалось, правда, там подтвердили. Говорят: приезжайте, товарищ, у нас годовщина пуска Суакской плотины…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Асуанской.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Ну да, я и говорю… Так вот, они от нашей страны на праздник целую делегацию приглашают. Министры там, депутаты разные, народные артисты. И среди них – я. Представляешь?

ОЛЕГ (хмыкает). С каких это пор ты в артисты записался?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Да при чём тут… Они меня из-за имени в состав включили, понимаешь? Из-за моего имени. Мы, говорят, очень чтим нашего бывшего президента Гамаля Абдель Насера, который при помощи вашей страны возвёл такое уникальное гидротехническое сооружение. А поскольку вы носите его имя… Представляешь?.. В первый раз в жизни я порадовался, что меня Гамалем зовут… На целый месяц туда лечу. Лучшие отели, торжественные мероприятия, пирамиды, экскурсии…

ОЛЕГ. Поезжай, поезжай, отец. Страну посмотришь, на верблюдах покатаешься. В море обязательно поплавай. Я тебе денег дам – дайвинг там себе закажешь, ну, погружение с аквалангом. Знаешь, как классно под водой! Там рыбины такие попадаются – не хуже, чем у деда. (кивает на аквариумы). Во получится отдых! (демонстрирует большой палец).

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, за твою поездку, Гамалька. Чтоб всё благополучно прошло, чтоб всё на высшем уровне… (мужчины выпивают).

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Всё будет нормально, батьку. Я тебе знаешь что оттуда привезу? Я пираний привезу. Вот нырять буду – поймаю тебе несколько штук местной породы.

ОЛЕГ (смеётся). Да откуда, отец, им в Египте взяться? Пираньи там не водятся.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Это точно… Да мне и этих пока хватит, вон их у меня сколько. (быстрый взгляд в сторону аквариумов). На этих проглоток знаете сколько корма уходит? У-у… В месяц – целая Смирновская зарплата. Даже с премией. (к Смирнову). Ну, ты чего там? Помер? Наливай.

Смирнов ловко наполняет рюмки. Троица чокается, выпивает.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ты, Гамальку, лучше вот что. Чем вокруг фараонов на верблюдах скакать, ты бы лучше дело общественно-полезное сделал. С патриотическим уклоном. Взял бы, да организовал там казачье сообщество. Наподобие станицы или хутора. Ты же целый атаман, при сабле даже…

Гамаль Олегович любовно поглаживает ножны своей сабли.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. …При мундире красивом, при погонах, лампасах и орденах. Да тебе сам Бог велел сколотить там казачью общину. Со временем, глядишь, она бы выросла в общественное движение, а потом – в египетское казачье войско. Звучит?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (взволнованно). Звучит… А что, это мысля, батьку, здоровская мысля!.. Это классно… Надо бы заняться.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот и займись!

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. И займусь! И организую!.. Идеи наши казачьи простые, даже египтянцам доступные. Выступлю, расскажу пару примеров из истории, продемонстрирую приёмы владения холодным оружием… (потрясает ножнами своей сабли). Активистов наберу из местных – которые пошустрее. Мундиры им пошью, штаны с лампасами…

ОЛЕГ. Шорты.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. А? Ну да, шорты… Климат всё-таки… Атамана выберем!

ОЛЕГ. А чего выбирать-то? Кто войско сколотил, тот его и возглавляет. Ты командуй.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Я? Ну, пускай я… Только насчёт войска ты, сынку, того… Перебор… Для начала сотню хотя бы сформировать. Потом – полк. Потом – отдельная кавбригада…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Если бригада – то в чине тебя повысят.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Это обязательно. Генеральские погоны – как с куста. (смотрит на свои погоны). Организую отделения во всех крупных городах, в портах, в оазисах. Подтяну земляков, которые там осели, сочувствующих всяких… Ох, аж дух от таких перспектив захватывает… За это требуется трохи злоупотребить!

Рюмки снова наполняются и тут же опустошаются.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Ну а когда уж до дивизии дорастём, когда силой станем… Тогда уж можно будет тамошним правительствам свои условия диктовать. А что? Сейчас в Северной Африке неспокойно, Ближний Восток бурлит – я по телеку бачил… Нету там стабильности… (пошатываясь, расхаживает по кабинету). Оседлают египетские казачки своих верблюдов – и вперёд, на освоение новых территорий! Вот ведь, батьку, какие кренделябры на горизонте вырисовываются!

Войдя в азарт, Гамаль Олегович садится на стул верхом и «скачет» на нём, как на коне или верблюде. Но быстро падает и засыпает прямо на полу. Олег вместе со Смирновым переносят атамана на диван, бережно его укладывают. Саблю, чтобы не мешала, отстёгивают и кладут на журнальный столик.

Девушки недовольно косятся на спящего Гамаля Олеговича, пересаживаются в кресла.

ОЛЕГ (возвращаясь за стол). Недалеко ускакал… Ох, деда, боюсь я, чтобы он и там тоже… Так же…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Есть такое опасение… Ладно, позвоню в наше посольство, объясню ситуацию. Пусть последят ненавязчиво, проконтролируют… В конце концов это в их же интересах.

ОЛЕГ. А билет его где? Паспорт?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Здесь всё. (хлопает себя по пиджаку). Его в аэропорт на моей машине повезут, документы водителю отдам. Он твоего отца до самого трапа… А пока пусть отсыпается, с похмелья он

ничего… Смирный.

Дед и внук чокнулись, выпили.

ОЛЕГ (усмехаясь). Слушай, деда, а может, мне вместо отца? Ну, в Египет. Казачью дивизию я там, конечно, не организую, а вот лагерь для продвинутых ребят – запросто. А? Классно же: не на речку-говнотечку ребята будут ездить, комаров кормить, а на самом настоящем море! Солнце, пляж, подвижные игры, купание… Это после обеда. А в первой половине – учёба, семинары, дискуссионные площадки, круглые столы, творческие лаборатории… И без всякой политики – вот в чём фишка!.. Так ведь можно сотни… Нет, тысячи талантливых мальчишек и девчонок на крыло поставить… Дать путёвку в жизнь… (ерошит себе волосы). А они потом вырастут, выучатся, хорошую работу найдут – и сами это начинание продолжат. Тоже учебно-оздоровительные центры откроют. По всей стране откроют, по всему миру… И тогда уже не тысячи – миллионы…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Коммунизм?

ОЛЕГ. Что – коммунизм?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Коммунизм построить хочешь? Чтобы всем счастья – поровну? Всем в стране, всем на планете?.. (вздыхает). Проходили мы всё это, Олежик.

Олег Васильевич тяжело поднимается, начинает мерить кабинет шагами.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. И я как ты был… Тоже такой, взъерошенный… Даже мысли похожие. Казалось: это же так просто – чтобы все вокруг хорошими были. Как я – хорошими. Как большинство – хорошими. Умными, талантливыми, отзывчивыми… А жадины, хапуги, дурни, воры – они, да, пока что есть, но их немного, их единицы, их можно в расчёт не принимать… Что на них смотреть, если они скоро сами собой переведутся, вымрут… Так вот думал, всерьёз думал. А потом…

ОЛЕГ. А что потом, деда?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Потом всё как-то не так стало оборачиваться… Не по-книжному, не как в театрах, в пьесах… И не так, как в газетных очерках и по радио… Я – что? Я мотался по комсомольским стройкам, досрочно сдавал ударные объекты, на целине бригаду целую мне доверили. Бригада коммунистического труда называлась, мы с ребятами план на двести-триста процентов выполняли, переходящее знамя три года подряд держали… (пауза). Да, знамя… И вымпелы разные, и кубки… Только перевыполняли мы свой план, жилы рвали, а не могли не видеть: циников, приспособленцев и хамов рядом меньше не становится… Да, не становится. Наоборот, вроде как будто даже больше их вокруг… А потом я по профсоюзной путёвке в Скандинавию поехал. Поощрили, значит…

ОЛЕГ. И что?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Повели нас в каком-то городе в океанариум. Мы и слова-то такого тогда не знали, но посадили в автобус – и пожалуйста! Океанариум огромный такой, в скале вырубленный. Ходишь, ходишь, а прямо над тобой за стеклом – скаты, акулы, тунцы… Кажется: руку вытяни – и до брюха дотронешься. Красиво, чёрт!

ОЛЕГ. Да, знаю, бывал. Действительно красиво.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Но меня, внук, не скаты заинтересовали. Не барракуды с акулами. Я в другой зал зашёл – где пираньи. Представляешь, целый зал – и только аквариумы с пираньями. Их там, наверно, не одна сотня была, больше чем у меня сейчас… (подходит к стене из аквариумов). Часа полтора я там торчал. Всё наблюдал, как они плавают, как едят, как общаются друг с другом… Словно загипнотизировали меня эти странные рыбки. Смотрел – и не мог насмотреться. Меня потом ребята нашли, чуть не силой обратно в автобус запихали.

ОЛЕГ. А дальше?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. А дальше, Олежик, твой будущий дед домой вернулся. Нашёл статьи о пиранье, книги об этой рыбе, людей знающих… Сам, своими руками, первый аквариум склеил – здоровый такой, вёдер на десять. Сам узнавал, выспрашивал, где у нас пираний достать можно. Говорили, что нельзя, что нету, а я достал! Деньжищ, конечно, это таких тогда стоило… Но достал… И наблюдал за ними дома, часами наблюдал… Всё своё свободное время наблюдал. (долгая пауза). Вот тогда, внучёк, я и понял, что коммунизма никогда не будет. Ни-ког-да! Не построить его, как ни старайся.

Олег Васильевич снова замолчал. Опустив голову, он вышагивает вдоль своих аквариумов. Потом подходит к столу.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Дай закурить, что ли… Есть сигареты?

ОЛЕГ. Да ты же давно бросил, дед. Лет десять как…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Бросил, да… Ну и что? Захотелось вот…

Олег протягивает ему пачку. Олег Васильевич неловко выуживает одну сигарету, мнёт её в пальцах. Сильно мнёт – так, что из сигареты сыпется табак. Не закурив, Олег Васильевич бросает сигарету на стол.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Рыбы эти уже три миллиона лет на Земле обитают – гораздо дольше нас, людей. И все эти миллионы лет они прожили по одним и тем же законам. Жестоким, но справедливым: сильный пожирает слабого, большой отбирает пищу и самку у маленького, посягнувший на твою территорию должен умереть. Сурово? Да. Но именно благодаря соблюдению этих незамысловатых правил, они пережили и мамонтов, и тигров всяких саблезубых. Понятно? Миллионы лет эта тварь оттачивала законы, по которым должна строиться жизнь. Так неужели человек за какие-то десятилетия может эти законы перечеркнуть? И установить свои, новые? Да никогда! Нет, нет и нет!..

ОЛЕГ (тихо). Оттого ты и выбрал это… Своё… Праймериз, съезды, партконференции?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Может, и поэтому. Даже наверняка – поэтому… По крайней мере, это честнее, Олежик. И вполне соответствует их закону… (кивает на аквариумы). Прав тот, у кого зубы острее, кто быстрее плавает и кто способен первым учуять в воде каплю крови.

ОЛЕГ. Да? Раньше ты так не говорил. Раньше ты мне другое рассказывал… Помнишь, когда я совсем маленьким ещё был и сильно заболел? Лежал в кровати, плакал… А ты подошёл, сел рядом и стихи прочитал… Я запомнил эти стихи, деда… Кроха ведь был, а запомнил…

Как будто в начале дороги
Стою, собираясь в путь, –
Крепче несите, ноги,
Не дайте с дороги свернуть!
Знаю, тропинки бывают…

ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ (поспешно перебивает). Да, да, помню… Мои эти стишки, баловался на заре далёкой юности… Но мне простительно, время такое было. Да и что я тогда понимал?

ОЛЕГ. А ведь хорошие стихи, дед. Плохие бы не запомнились… И в них – совсем про другие законы. (закуривает). Ну и зачем тогда?.. Зачем ты меня к себе тянешь – в игры эти?.. Ты желаешь, чтобы я по тем же законам жил, что и рыбины твои?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Хочешь, не хочешь, а придётся по ним жить, внук. Придётся. Слабых сметают с дороги и очень скоро все о них забывают. Да, сегодня у тебя налаженный бизнес, есть приличная поддержка, в том числе, и от меня. Здоровье имеется – хоть и не идеальное, но всё-таки… А завтра? Не станет меня – и оборвутся ниточки нужных связей, враз оборвутся. На кого обопрёшься? А если ещё и болячки попрут?.. Рухнет всё. Схомячат тебя враз твои конкуренты-пираньи, за милую душу раздербанят весь твой бизнес.

ОЛЕГ. И что же ты предлагаешь, дед? Опять – партбилет, выборы, депутатский мандат?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. А другого пути нет. Только так ты сможешь сохранить и предприятия свои, и влияние, и авторитет. Только так, Олежик! Да ты и сам это прекрасно осознаёшь. Жаловался ведь: жмут со всех сторон…

ОЛЕГ (после паузы). Жмут, да… Давят, ещё как давят… (наливает себе, выпивает). На днях решение арбитражного суда получил. Признали аренду земли незаконной, обязывают в месячный срок снести все постройки. А у меня там – целый цех! Миграционщики повестки шлют – как из пулемёта: якобы привлекаю нелегальную рабочую силу. А это штрафы, дед, на сотни тысяч тугриков штрафы! Из трудинспекции вчера позвонили, сказали, что приостанавливают действие лицензии. Пообещали комплексную проверку…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, вот видишь? Чуть слабину почуяли – бросились всей сворой. Пронюхали, что под меня в центральном аппарате копают, что ты… Что нездоров немного… (пауза). Ну и, конечно, тоже сыграло свою роль – что с этими валандаешься… Что помогаешь этим, которые с плакатами и мегафонами в сквере… Вот и накинулись пираньи. Я их повадки знаю: сначала по маленькому кусочку отщипнут, посмотрят что да как. А потом будут выгрызать, сколько в пасть влезет! (снова молчание). Ну так как, внук? Идёшь ко мне? Решать уже сейчас надо, избирательная кампания вот-вот… Тебе – защита, прикрытие, мне – преемник из своих, из надёжных. А одного – срубают, слопают.

ОЛЕГ (набычился, крутит головой). Что ж ты делаешь, дед? Что же ты творишь, а?.. Зачем ты меня в угол загоняешь? Всё, что ты сказал, – я понимаю, отлично понимаю… И головой соображаю: ты прав.

За тобой – твой опыт, твой ум, твоё чутьё… Столько много на одной чаше весов… А что на другой? На другой – только моё желание быть свободным. И всё… Да, всё… Правда ведь не густо? Но я взвешиваю, дед, и вижу… Нет, не вижу, чувствую скорее… Ощущаю: всё, что ты предлагаешь – это не свобода, нет! Это дорога в один конец, дед… И я пытаюсь понять, пытаюсь услышать внутри себя ответ…

Появляется Смирнов. Быстрым шагом он подходит к Олегу Васильевичу, склоняется к нему.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что? Какой ещё Блинов?.. Подполковник?.. Из следственного?.. А что ему надо?.. Хм, странно… Что, сильно настаивает? Ну ладно, зови.

Олег Васильевич встаёт, проходит в центр кабинета.

Появляется Блинов. Он в штатском, но по выправке видно – военный. У него в руках папка. Следом за Блиновым входят ещё несколько мужчин в одинаковых костюмах строгого покроя.

БЛИНОВ. Здравствуйте, Олег Васильевич. Подполковник Блинов, четвёртый отдел следственного управления. (протягивает руку для рукопожатия).

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (жмёт руку). Добрый день…

БЛИНОВ. Извините, что вынужден побеспокоить в столь неурочный час. У вас тут, гляжу, неформальное мероприятие… (бросает взгляд на бутылки и на спящего казака).

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Есть немного… Сына за рубеж провожаю, в командировку. Вот – на посошок, как говорится… Присаживайтесь.

БЛИНОВ. Благодарю вас. (продолжает стоять). Командировка за границу – это как счастливый билет, это всегда приятно. Только, увы, не применительно к нашей службе. Нас, знаете, тоже иногда посылают за рубеж, но со специфическими заданиями: провести экспертизу, допросить, вещдоки доставить… Так вот…

В кабинете повисает неловкая пауза.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да, понимаю… Издержки профессии… Может, воспользуетесь приятным поводом? (жест в сторону стола). Как насчёт рюмки коньяка?

БЛИНОВ. Нет, нет, спасибо. Я на службе, у нас это не приветствуется… (смотрит на аквариумы). Красиво тут у вас, Олег Васильевич. Рыбки…

Молчание.

БЛИНОВ. Я, Олег Васильевич, к вам с официальным поручением. Точнее, с постановлением. Оно касается вашего внука, Олега Гамальевича. (достаёт из папки бумагу, протягивает её).

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (надевает очки). Что это?.. Какое постановление?.. Это что, ордер?

БЛИНОВ. Так точно, ордер на арест. Вот постановление районного суда… Вот основание… В этой графе – мера пресечения: содержание под стражей. (показывает).

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (он заметно подавлен, растерян). Вы… Вы в своём уме, подполковник? Олега – под арест? В тюрьму?!. Какие основания? Не заплатил вовремя налоги – и сразу в кутузку? Десяток таджиков на временную работу взял – и в камеру?..

БЛИНОВ. Не в тюрьму, Олег Васильевич, а в следственный изолятор. И таджики с налогами здесь совсем не при чём. Статья намного серьёзнее, Олег Васильевич… (указывает строчку на постановлении).

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (читает, голос его дрожит). На основании… Согласно заявлению… По свидетельским показаниям… Статья… Пункт… Параграф… Что это, подполковник?

БЛИНОВ. Статья – изнасилование. А пункты и параграфы – отягощающие обстоятельства.

К Олегу Васильевичу и Блинову приближается Олег.

ОЛЕГ. И кто же это?.. И кого это я?.. Чьё заявление?

БЛИНОВ. Двух сотрудниц агентства «Леди Прима». (смотрит на Волгу и Чайку). Вероятно, вот этих. Здесь – копии их заявлений. (похлопал по папке).

Волга и Чайка при этих словах встают с кресел, отходят к дверям, прячутся за спины мужчин в одинаковых костюмах.

ОЛЕГ. Хрень какая… Чушь полнейшая… Девчонки, да вы скажите ему…

Волга и Чайка отступают ещё дальше.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (снимает очки). Бред, бред, бред! Неужели вы, подполковник, сами не осознаёте, что это ерунда на постном масле, недоразумение? Олег – уважаемый в городе предприниматель, я – секретарь политсовета реготделения политической партии. Парламентской, между прочим!.. Неужели вы думаете?..

БЛИНОВ. Ничего я не думаю, Олег Васильевич. У меня документ, на основании которого я должен немедленно задержать вашего внука. Задержать и доставить его в СИЗО. Я очень сожалею, поверьте...

(делает шаг к Олегу).

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (закрывая внука собой). И не думай, подполковник, даже не мечтай… Олежика я не отдам! Не пущу! Вы там у себя с похмелья, видать, что-то наваяли… У вас, может, план по посадкам горит, а он… Ему – в тюрьму?.. Нет и нет!

ОЛЕГ. Дед… Дедушка, не надо! Это же ошибка, чудовищная ошибка. Она скоро выяснится – и я вернусь. Очень быстро вернусь, вот увидишь.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (хватает внука за руку). Никуда ты не поедешь! С ними – не поедешь!.. Я сейчас в Москву позвоню, я таким людям позвоню… В министерство, в парламент, в комитет…

БЛИНОВ. Это не поможет, Олег Васильевич. Я действую в полном соответствии с законом. Олег Гамальевич сейчас проследует со мной, прошу не чинить препятствий.

Следователь берёт Олега под руку, хочет увести. В это мгновение Олег Васильевич подскакивает к столику и хватает саблю. С саблей в руках он подбегает к Блинову.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Сказал, не отдам – значит, не отдам! Он – мой, он – не виноват!.. Пошёл ты со своими сраными бумажками знаешь куда!.. Да я тебя сейчас!..

Олег Васильевич пытается выхватить саблю из ножен, но у него ничего не получается. Видимо, старая сабля за долгие годы заржавела, её клинок прикипел к ножнам. Олег Васильевич дёргает снова и снова – результат тот же. Тогда Олег Васильевич в отчаянии замахивается на следователя ножнами.

Из-за спины Блинова выступают мужчины в одинаковых костюмах. Они оттесняют Олега Васильевича от следователя и внука.

БЛИНОВ. Зря вы так, Олег Васильевич, зря… Совершенно напрасно… Усугубляете только. Это ведь очень серьёзно: покушение на жизнь и здоровье сотрудника правоохранительных органов… Это – до десяти лет, Олег Васильевич… (выходит из-за спин подчинённых). Только ваше имя, ваш авторитет заставляют меня не оформлять протокол… Пока… Но доложить – доложу… Обязан… А холодное оружие, к сожалению, вынужден изъять. Необходимо проверить, насколько оно у вас легально, зарегистрировано ли, не фигурировало ли ранее в криминальных эпизодах…

Блинов подходит к обмякшему и неподвижному Олегу Васильевичу, забирает у него саблю. Идёт к двери. В проёме исчезают девушки, Олег, мужчины в костюмах.

БЛИНОВ (обернувшись на пороге). До свидания, Олег Васильевич. О ходе следствия мы вас обязательно известим.

Дверь за следователем закрывается. На сцене остаются только Гамаль Олегович (он по-прежнему мирно сопит на диване) и Олег Васильевич – он, пошатываясь, стоит в самом центре кабинета. Олег Васильевич опустил голову, он тяжело дышит.

Затемнение

Сцена освещается. Она пуста, только из-за кулис слышится непонятный грохот. Спустя пару секунд на сцене появляются следователь и его подчинённые. Они толкают перед собой какие-то металлические конструкции. Мгновение, второе, третье – и из этих конструкций образуется железный решётчатый забор, он отгораживает сценическое пространство от зрительного зала. На первый план выступает Блинов.

БЛИНОВ (обращаясь к зрителям). Ну и чего вы сидите? Вообще-то конец первого действия. Антракт. Отдыхайте пока…

Затемнение

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Зритель вновь возвращается в офис Олега, в котором сейчас нет хозяина. Зато сюда за документами пришли Олег Васильевич и Гамаль Олегович. Нам это кажется или на самом деле так? – но Гамаль Олегович сильно загорел. Он по-прежнему в казачьей униформе, правда теперь на шее у атамана восточный клетчатый платок – типа арафатки. На боку у Гамаля Олеговича болтается кривой янычарский ятаган, золотые ножны которого густо усыпаны драгоценными камнями.

Сцену от зала продолжает отделять установленная Блиновым решётка.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, давай, давай, ищи. Внимательно смотри. Ты у Олега чаще бывал, ориентируешься… Где он обычно документы хранил?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Да у него в последнее время кавардак такой... Везде валялись: на столе, в крес-

ле, на окнах… Самые важные – в сейф убирал.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. О, сейф! Точно… У тебя ключ?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. У меня. Вот. (достаёт из шаровар ключ).

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну так открывай.

Гамаль Олегович идёт к сейфу, ковыряется у дверцы. Открывает.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Нам сейчас главное – его договор найти. Договор с этими… Ну, как их?.. Где девки…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Агентство? «Леди Прима»?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну да, прима… Олежик так на последнем свидании и говорил: обязательно найди этот договор! Там все пункты, все нюансы прописаны: где, для чего, на каких условиях он этих матрёшек нанимал. Надо, чтобы адвокаты всё чётко видели и могли защиту правильно выстроить… На марамойках пробу ставить негде, а ему изнасилование шьют. Да эти пипы суринамские сами кого угодно…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. И не говори, батьку… Таких в Египте на пляжах знаешь сколько!

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Таких везде хватает… Как слетал, кстати? За всем этим и расспросить тебя толком не успел.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Да нормально. Хорошо, можно сказать. Хозяева такую программу организовали – закачаешься: музеи, концерты, выставки, конференции… Подарков столько надарили!

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВЧ (кивает на ятаган). Вижу.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (поглаживает ножны). А что, славная сабелька! Они как прознали, что я казачий атаман – зараз вручили. И то ведь: какой казак без шашки?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Одно дело шашка, а другое… Это ведь ятаган, Гамаль. Самый натуральный янычарский ятаган. Мамлюки с такими на наших солдатиков под Измаилом скакали.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (добродушно смеётся). А наши их всех порубали, и ятаганы себе позабирали – так-то, батьку!.. Вот и этот… Этот тоже – навроде как трофейный, раз из ихних краёв привезённый. (пауза). А мою… А дедову… Ну, которую забрали… Не вернули ещё?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Не вернули. И неизвестно – вернут ли… Целую экспертизу, шакалы, затеяли, кучу запросов по всей стране отправили – вдруг с этой саблей кто-то Госбанк подломил, Оружейную палату ограбил… Тьфу!

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Вот сычи! Ни за что парня… Из пальца дело высосали… Как он хоть там?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да хреново. Плохо. Камера на 20 человек, духотища, жара… С едой, правда, проблем нет, передачи я ему каждый день, но сам понимаешь… Всё равно… И лекарство ещё…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Что – лекарство?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Зам по режиму упёрся рогом – нельзя, говорит этот… Аминоцитин нельзя… Нету, говорит, его в перечне разрешённых лекарственных средств… Я с ним раз пять разговаривал – и на повышенных, и чуть не на цирлах, вась-вась… Ни в какую! У нас, говорит… То есть, у них, есть заменитель какой-то, в таблетках. Отечественный аналог. Вот его, говорит, и будем давать, если что.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Какой аналог, батьку! Ты же знаешь: Олегу только аминоцитин в последнее время и помогал. Благодаря ему держался… Что они там, с ума посходили?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВЧ. Да убеждал, доказывал… Горохом об стенку… Сейчас буду все связи поднимать, позвоню в нашу ветеранскую организацию – Олежик в своё время здорово им помогал. Минздрав в известность поставлю, в ГУФСИН парламентский запрос направлю… Да! Ещё историю болезни Олежикову найти надо – прямо всю насквозь, с самого детства, чтобы диагноз, курс лечения, лекарства, дозировка – как на ладони… Глянь, там, в сейфе, нет его истории?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (копаясь в сейфе). Квитанции тут какие-то… Журнал учёта… Бухгалтерские бланки фирменные… Нема, батьку, тут никакой истории.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. А договор с агентством?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Тоже нету. Говорю же – бардак у него в последнее время был, сплошные кренделябры по всем фронтам… Не до того ему было… Может, в шкафу?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (нетерпеливо) Ну так в шкафу смотри! Чего еле-еле душа в теле? О сыне твоём речь, о здоровье его, о свободе… О жизни, может быть! У Олежика там два приступа уже было, второй – вообще тяжёлый очень, едва откачали… Надо срочно с лекарством что-то решать.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (шарит по полкам шкафа). Да ищу, батьку, ищу… (что-то отыскал, разглядывает). Вот, нашёл! Вот он договор с этими… С агентством… Вот – на пяти листах, с подписями, с печатями… А

вот ещё папка – тут всё по медицине… Да, и карта здесь, и рецепты, и история болезни.

Олег Васильевич быстро подходит к сыну, забирает у него папки.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну и хорошо, ну и отлично, Гамаль. Это козырь в нашей игре. То, что он не трахал этих девок, пальцем к ним не прикасался – это очень быстро выяснится. Адвокаты у меня ушлые, проверенные ребята… Но всё равно это займёт какое-то время, а, значит, нам надо сделать так, чтобы Олежик продержался. Для этого его на облегчённый режим содержания перевести не мешало бы. Например, на больничный. И тут нам эти бумажки очень кстати будут. (потрясает папками). А ещё лучше – меру пресечения изменить. Сослаться на состояние здоровья подследственного – и перевести Олежика под домашний арест, под подписку. История болезни может здорово в этом помочь.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Думаешь, и вправду поможет?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Должна помочь, сын! Иначе – я даже не знаю… И думать боюсь… В камере два десятка человек, в том числе, бомжи туберкулёзные. Там нары в три яруса, спят по очереди… Температура – под 30, духота, испарения… В таких условиях не всякий здоровый выдюжит, а уж с его-то диагнозом… Кровь из носу – надо изменения меры пресечения добиваться!

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. По медицинским показателям меру редко меняют. Я спрашивал, узнавал у юристов.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (повышенным тоном). Узнавал он… Фуфловые, значит, у тебя юристы, раз так говорят!

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Нормальные, батьку… Члены областной адвокатской палаты. Они гутарят, встречный иск выдвинуть надо, тогда шанс появится.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Встречный? К кому?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. К козам этим двум – из агентства. Да и к фирме самой.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. А за что? Повод какой? Основание?..

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Клевета. Клевета на человека, который заведомо не мог сделать то, что ему инкриминируют.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ишь, слов-то каких у своих юристов нахватался! Инкриминируют, заведомо… А судьи спросят: почему это он не мог? Что, молодой и небедный мужик не мог двух холёных сисястых шансоньеток натянуть – да ещё заведомо? А? Смехотура! Вроде, всё у него по этой части в порядке… А? Почему – не мог?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Ты что, батьку, веришь?.. Ты допускаешь, что у него с этими лахудрами что-то было?.. Могло быть?..

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (пожимает плечами). Да нет… Он и сам говорил: не для того они… Не для этого он их нанимал… Что для эскорта они только – вроде рамки для картины. Тут и в договоре прописано… Наверно…(смотрит в бумаги). Только в суде та сторона совсем о другом говорить будет… На здравый смысл они напирать станут: мужик снял за деньги смазливых лялек… Зачем – барану понятно. (хмыкнул). Да я и сам, если честно… Будь помоложе немного… Тоже бы… Особенно, ту… Ну, у которой… (очерчивает в воздухе формы). То-то и оно… Чем, в суде крыть будем, а, Гамалька?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Ориентацией, батьку.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Чего-о? Что ты сказал?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. На ориентацию Олежкину, батьку, напирать станем. На нетрадиционную… А ты как будто не знал?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что?! Да ты как?.. Вообще, что ли!.. Да ты хоть сам понимаешь?..

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Не начинай, батьку, не начинай… Сам же всё знаешь не хуже меня. А если не знаешь – наверняка догадываешься… Сейчас без эмоций надо, с холодной головой надо… (пауза). Ему эти девахи – как медведю портупея. Да и другие всякие – аналогично… Это я ещё с восьмого класса стал за ним примечать… Помнишь, кореш у него был единственный, Славик? А в спортшколе? Тоже ведь – всю дорогу одни пацаны вокруг… И потом, в институте… Такой уж он у нас, видать, уродился, что делать… Сейчас, слыхал, это даже модно.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Хочешь сказать… Ты хочешь сказать, что Олег, внук мой единственный… Что гомик он?!

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Ты, батьку, эти слова… Не надо их… Они сейчас того… Не в ходу… Нынче говорят: не такой как все, нестандартный… Улавливаешь разницу? Понимаешь?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (с силой шлёпает бумагами по столу). Ни черта не понимаю! Отказываюсь я такое

понимать!

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (вздыхает). Не хочется, а надо. Чтобы вытащить Олежку из тюрьмы, чтобы спасти – надо понять. И воспользоваться этим надо. Представь, какой поворот: в самый ответственный момент адвокат берёт слово и заявляет, что обвинённый в изнасиловании аж двух женщин человек – закоренелый гомосексуалист! И сразу всё обвинение – под корень… Камня на камне…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. А факты? Чем докажешь? Олег ведь не признается.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Олег – нет. Вряд ли… Показания нужны.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну и где ты их возьмёшь? Кто будет рассказывать такое?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Смирнов твой расскажет. В подробностях и деталях… Ты разве не знал, что они?.. Что у них?.. Что было у них?.. Даже чувства какие-то… Не знал?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (трёт лоб). Очуметь! Что же это творится, а?.. Очуметь… В голове не укладывается.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Конечно, знал. Только боялся признаться, даже самому себе признаться… (чуть помолчав). Вот Смирнов и пойдёт у нас главным свидетелем. Расскажет, как было… И как есть…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Это что же тогда будет, Гамаль? Расследование, получается, тогда по новой начнут? Допросы, проверки, ставки, протоколы… Да?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Да, батьку. Скорее всего, так и будет. Месяца на два-три эта канитель… Но зато изменения меры пресечения будет проще добиться. Намного проще! Вместо изолятора – подписка о невыезде.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. А потом суд… Суд ведь потом?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Никуда не денешься. Суд.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. И что это значит? Это значит – шум в прессе, слухи, пересуды, косые взгляды, телевидение?.. Так?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (пожимает плечами). Боюсь, без этого никак… Дело громкое, фамилия на слуху… Разве утаишь?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Но ведь это же… Это же клеймо, Гамаль… Тавро на всю жизнь!.. Не отмоешься потом… Даже если его оправдают, даже если он из тюрьмы выйдет… Печать-то останется, до конца дней останется!.. Понимаешь ты это?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Как хочешь называй, батьку: хоть тавро, хоть клеймо… Не в этом дело. А в том, что вытаскивать надо хлопца. Спасать скорее. Разве мы с тобой не этого добиваемся?

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да, этого. Но какой ценой? Что будет потом, ты подумал? На него все пальцем показывать станут: гомик, вон он гомик, пидор, голубец!.. И нашу с тобой фамилию при этом трепать. А как иначе – на суде ведь прозвучало!.. Какие после этого для него выборы? Какой депутатский мандат? Кто за него проголосует?.. Это ж крест на всей политической карьере – большой и жирный! Неужели ты этого не понимаешь?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Понимаю, батьку, хорошо понимаю… У нас здесь – да, крест… (молчание). Но выхода другого не бачу. Сам же говорил: куча гавриков в камере, антисанитария… Лекарство не разрешают… А если новый приступ? У него же, сам говорил, в последнее время обострение… До реанимации ведь доходило…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (он уже взял себя в руки). Нет, Гамаль, нет. Не такой ценой… То, что случилось, то, что сейчас – это всего лишь эпизод из его жизни… Да, неприятный, да, мерзкий, но эпизод… Это пройдёт… Это забудется… Наймём адвокатов, надо будет – из Москвы выпишем. Всё опровергнем в пух и прах, разоблачим, поставим всё на свои места… Нормальным путём поставим – без всяких твоих этих… Фактиков этих… Найдём кучу разных других способов… И Олежик снова будет с нами, в этом кабинете сидеть будет… И всё пойдёт у нас, так, как мы задумывали. Пусть он на эти выборы не успевает – на муниципальные его выставим, по одномандатному. Их пропустит – в главы пускай баллотируется… Будет он у нас человеком, Гамаль, бу-дет! Настоящим будет!.. (словно вспомнил что-то). Надо только потерпеть, слышишь?.. Собраться нам всем – и немного потерпеть… Чтобы Олег – с чистой биографией, с незапятнанной, безукоризненной… Без всей этой грязи, слышишь?.. (делает неопределённый жест). Он же молодой совсем… Может, это просто бзик у него, а? Может, на других насмотрелся, журналов глянцевых начитался?.. А повзрослеет – нормальным станет… Женится, может… А, Гамаль? Чего ты молчишь? Ты не молчи, отвечай, отвечай!.. (тормошит сына за рукав кителя).

Но Гамаль не произносит ни слова. Молчит, отвернулся к окну.

Затемнение

Сцена немного освещается. На неё выходит Смирнов. Сейчас он ещё серьёзней, чем обычно – крайне сосредоточен. В руках у него папка с бумагами. Очень быстро выясняется, что бумаги эти – письма и фотографии. Медленно проходя по краю сцены, Смирнов вытаскивает из папки письма, читает их и рвёт на мелкие клочки. То же самое он делает и с фотографиями. Так же, не спеша, Смирнов скрывается за другой кулисой.

Затемнение

Картина вторая

Офис Олега Васильевича. Всё те же аквариумы, те же шторы, та же дорогая основательная мебель… Но на всём этом – заметная печать запущенности, неприбранности, неюта. Журнальный стол заставлен бутылками, к которым регулярно прикладывается Гамаль Олегович (он расположился на диване). За столом совещаний – Олег Васильевич и Журналистка, с которой хозяин кабинета обсуждает детали будущей статьи. В помещении присутствует и Смирнов. Он, как всегда, малозаметный, но готовый услужить, скромно стоит в сторонке.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (в трубку радиотелефона). А я тебе ещё раз говорю: запрос нужен на официальном бланке. Чтоб с гербом, с регалиями, с печатями… В первый раз, что ли, в кредит твою мать? Не знаешь, как это бывает?.. Чтоб солидно, чтоб весомо… Да… Ну и хера ли, что нету этого лекарства в перечне? Пусть исключение сделают, пусть глаза закроют… Если надо – заплачу. Сколько скажут заплачу… Предлагал уже?.. Не берут?.. Скоты! Значит, боятся… Боятся кого-то там, наверху, кто фас сказал… (к Гамалю Олеговичу). Слышь, Гамаль! Не принимают они аминоцитин, хоть тресни… Тычут в свою инструкцию и всё… Даже медзаключение к делу приобщать не хотят.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Да они там с катушек все слетели! Давно – с катушек… Если что, не дай Бог, случится, они себе таких проблем огребут… У Олега уже четыре приступа было… Ему же ихний заменитель ни черта не помогает, прости Господи… (крестится на аквариумы, потом наливает себе сразу несколько рюмок, залпом выпивает).

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (в телефон). Слушай, ну попробуй ещё раз, а? Ну я же тебя знаю, ты к любому на кривой козе… А? Пожалуйста, ради меня… Как старый товарищ прошу… Ну позвони им хотя бы… Ты понимаешь, что у внука там уже четыре приступа было? И каждый раз всё тяжелее и тяжелее… Скажи, что ему это лекарство – как воздух… Не выжить ему без этих капсул… Ну что, на колени мне встать перед этими шавками? Да встану! Ради Олега – встану. На карачках ползать буду… Ало! Ало!.. (швыряет телефон на пол). Трубку бросил.

Смирнов незаметно поднимает телефон, относит его к рабочему столу шефа, вставляет в базу.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ (иронично-зло). Большой шишкой стал. Начальником!.. А давно ли, батьку, он у тебя в канцелярии протоколы партсобраний подшивал? За перекидными календарями в канцтовары бегал, дыроколом целыми днями стучал?.. (изображает). Тыкдык-тыгдык, тыгдык-тыгдык… Я хорошо помню! (наливает, выпивает). А сейчас… Туда же… Трубки он бросает!

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Давно, не давно… Что было, то быльём поросло. Раньше, сын, всё по-другому было. Раньше они все у меня здесь были… Вот так были… (сжимает кулак). А сейчас… (смотрит на Журналистку). Сейчас они запах крови учуяли. Моей крови и Олежиковой… А это значит, будут добивать. До костей глодать будут, до самой хребтины! (поднимается из-за стола, подходит к стене из аквариумов, показывает).Видите эту? Вон, которая в самый угол забилась… Видите, плавник у неё обкусан, из бока клок выдран… Ей жить осталось от силы сутки… А раньше она у них верховодила, вроде вождя была, сама куски из других рвала… Но – заболела, ослабла, состарилась, может… И всё… Сожрут её теперь, те самые и сожрут, на которых она ещё вчера ужас наводила. Слабым там места нет – закон природы! (после паузы). И здесь нет… (подходит к сыну, присаживаясь на подлокотник дивана). Это когда ж я позиции-то сдал, а Гамаль? Когда во мне слабина эта образовалась, трещина? Почему ещё совсем недавно они передо мной по стойке смирно, а сейчас… Сейчас и выслушать не хотят, через губу разговаривают… Почему? Что произошло? Что изменилось, а?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. А я тебе отвечу, отвечу, батьку! Кони… Канья… Конъюнктура изменилась политическая – вот что! Время иное пришло, другие люди к рулю встали, а ты… Ты всё такой же – с шашкой наголо... Ты думаешь, время на месте стоит? (выпивает).

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Погоди, погоди… Какие это другие люди, а? Они что, с Марса к нам сюда упали, эти люди? С Юпитера? Да я всех этих людей вот с таких вот лет… (показывает). Кому путёвку в «Артек» подписывал, кого в престижную школу устраивал, кому рекомендацию в партию давал, кого от Афгана и Чечни отмазывал… Да я их всех по именам знаю! А ты говоришь – другие…(подумав). А может, ты и прав. Другие времена – поэтому и люди другие… Всё меняется… (тряхнув седой головой, резко). Ладно! Мы ещё посмотрим, кто кверху брюхом будет… Они думают, что я тоже… В углу, без плавников… Нет, шалишь! У меня из бочины клок не так просто выдрать, нет! Я ещё потрепыхаюсь… (совсем другим голосом). Так, что мы сегодня имеем? Что там адвокаты?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Да всё копают, батьку, роют… Работают… Карпо… Кормо… Компромат ищут на этих двух метёлок. Они, оказывается, до агентства по саунам работали, час – тысяча рублей, два – полторы, в будни – скидка 20 процентов… За ними хвост такой – у-у, мама не горюй!.. Ну а параллельно – алиби Олежкино готовят. По всему выходит: не мог он с ними быть в то время, что в заяве указано… А ещё – жалобы строчат во все инстанции: взят, мол, без соблюдения прасце… Процессуальных норм, содержится в нечеловеческих условиях, нуждается в срочном лечении…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Хорошо. Это хорошо… Неплохо… А характеристика? Что насчёт характеристики?

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Характеристика – первый сорт! Сказка, а не характеристика – на трёх листах. (загибает пальцы). Успехи в учёбе… Участник областных олимпиад… Чемпион района по бегу на средние дистанции… Грамота управления образования… Известный предприниматель… Два раза признавался лучшим меценатом города, и тэдэ, и тэпэ… Поэма!

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (возвращается на своё прежнее место). А теперь нам надо эту поэму на музыку положить. Чтобы песня получилась, и все эту песню подхватили. Вся, так сказать, общественность… (к Журналистке). Вот для этого нам статья и нужна. Опубликуем её не только в областных газетах, но и во всех районках. Если надо будет – и в заводских многотиражках, и в еженедельниках… С портретом, с мнением авторитетных людей… Ну, что там с текстом? Ладится дело?

ЖУРНАЛИСТКА. Да, Олег Васильевич, статья почти готова. Осталось красивые детали подчеркнуть, добавить характерные штрихи, вставить интересные эпизоды… Ну и снимок, конечно, выигрышный нужен. Например, Олег Гамальевич вручает телевизор воспитанникам детского дома. Или награждает победителей юношеского чемпионата по пятиборью… Что-то в этом роде.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Это найдём… За этим дело не станет… (оглянулся). Смирнов, есть у нас такие фотографии? (Смирнов делает шаг вперёд, еле заметно кивает). Найдёт, он всё найдёт. Кстати, он и штрихи вам, какие надо подскажет, детали подчеркнёт... Он всё знает. Ну и согласование текста – тоже с ним. (несильно бьёт ладонью по столу). А когда готово будет – сразу в печать. Немедленно! Договорённость с «Областным вестником» и с редакциями вкладок центральных газет уже есть. Пусть статья прозвучит как можно громче! На всю область прозвучит!.. А следующий этап – телевидение, радио… Мы ещё увидим!.. Мы ещё им покажем!.. (кивает на разложенные на столе бумаги). Ну что там у нас вырисовывается? В общем и целом – что?

ЖУРНАЛИСТКА (берёт листочки). Ну, начало, как мы с вами и обсуждали, – про детство Олега Гамальевича. Нелёгким оно было у мальчишки. Большая нагрузка: учёба, музыкальная школа, кружок аригами…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Ещё этот не забудь… Как его… Факультатив по краеведению.

ЖУРНАЛИСТКА. Да, факультатив! (вписывает в листок). Так. Был гордостью школы, учился на пятёрки, классный руководитель не раз отмечал Олега Гамальевича за целеустремлённость, отзывчивость. В любую минуту он мог прийти на выручку товарищу, помочь ему по тому или иному предмету… Вот сюда я вставила примечательный факт: когда одноклассник сломал ногу, Олег целый месяц после уроков ходил к нему, помогал делать домашнее задание и усваивать новые темы.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да, да, это хороший пример, это надо… Это я отлично помню: Славка Зверев, это же он ногу-то… Катался на велике вдоль трассы – и пожалуйста… Грузовиком зацепило… Это, да, было, было…

ЖУРНАЛИСТКА. Так, идём дальше… (перекладывает бумажки). Студенческие годы нашего героя. Отличник учёбы, активист профсоюзной организации вуза, губернаторский стипендиат… Три сезона подряд ездил в стройотряды, был руководителем агитбригады… Отмечен наградами: почётная грамота ректората и нагрудный знак от штаба зонального строительного отряда.

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. А ещё – «Золотой мастерок»! Значок такой ему вручили, у Олжки кладка кир-

пичная хорошо получалась. Ровно, быстро… И качественно, что характерно! Это он на коровнике так навострячился, коровник они в Долгачёвском районе строили. Помнишь, батьку?

ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ. Как не помнить… Мы ж к нему вместе ездили – на день рождения. Мешок конфет привезли, торт вот такущий… (показывает). Другой вкуснятины разной… А он знаешь, что отчебучил? Он это добро на кухню уволок, чтобы вечером на всех поровну разделить.

ЖУРНАЛИСТКА. Вот! Замечательный штрих! Это тоже надо в статью, обязательно… Этот факт – прекрасная иллюстрация его бескорыстия, открытости, готовности всем поделиться с людьми. (строчит в своём блокноте). Ну вот… А дальше у нас взрослая жизнь пошла. Начало предпринимательской деятельности… Трудности, бюрократические препоны… Олег Гамальевич их успешно преодолевает… Предприятие его встаёт на ноги, укрепляется, расширяется… И вот закономерный результат: награда за участие в межрегиональной выставке, диплом от областного комитета поддержки малого и среднего бизнеса. (отпивает воды из стакана). Теперь подходим к главному: благотворительность, меценатство, спонсорство… Вот Олег Гамальевич помогает обновить книжный фонд городской детской библиотеки… Вот он организует поездку начинающих предпринимателей на международный форум… Вот наш герой жертвует внушительную сумму на ремонт часовни…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Про ветеранов, про ветеранов не забудь! (наполняет свою рюмку, выпивает).

ЖУРНАЛИСТКА. Да как можно! Ветераны, дети – это ж святое… Поздравление стариков – ежегодно ко Дню пожилого человека и к 9 Мая. Торжественно, с концертом баянистов, с чаепитием… Здесь, кстати, неплохо было бы вставить тёплые отзывы пары-тройки пенсионеров об этих акциях, о самом Олеге Гамальевиче... Есть такие отзывы?

Олег Васильевич смотрит на Смирнова. Тот едва заметно кивает.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ. Есть отзывы, есть… Будут… Вставим…

ЖУРНАЛИСТКА. Отлично, отлично… Теперь о других благородных акциях. Озеленение нового микрорайона – раз. Покупка спортинвентаря для дворового клуба – два. Помощь общественной организации в проведении митинга в сквере – три…

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (резкий жест). Нет, нет… Это не надо… Ни к чему это – про сквер и митинг… Вычеркивай! (выхватывает у Журналистки ручку и сам вычёркивает). И без этого примеров хватает… А остальное – хорошо, пойдёт… Давай, наводи в статье последний лоск и запускай в работу. (поднимается и снова идёт к сыну. Садится на диван). Вот видишь, всё по-нашему выходит. Сейчас мы такой удар нанесём – не очухаются. Сначала Олежика вытащим, а потом сами в атаку перейдём. Закрутятся они у меня, как гадюки под вилами! (сам разливает по рюмкам). Давай за это выпьем. За то, чтобы их… Этих – без плавников оставить… На дне их бросить – с распоротым брюхом…

Мужчины собираются выпить, но в это время на рабочем столе Олега Васильевича звонит телефон. Его трель звучит долго, громко, настойчиво.

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ (с досадой). Ну, кто это там?.. Кому приспичило?.. У нас, что, трубку уже некому снять? (Смирнов быстро подходит к столу, берёт трубку из базы. Слушает, долго слушает. Лицо его застывает, становится похожим на маску). Кто это? Что надо?.. (Смирнов молчит. Прижав трубку к груди, глядя куда-то в пустоту, он застыл у стола). Ты, что, язык проглотил? Кто сейчас звонил? Меня спрашивали?.. (Смирнов каким-то деревянным шагом идёт от стола в сторону авансцены. Вот он остановился. Его руки по-прежнему сжимают телефонную трубку). Ну?..

СМИРНОВ. Это из СИЗО… Заместитель начальника… Сегодня утром Олег умер… Олег Гамальевич… Резкое ухудшение самочувствия… Кома… Интенсивная терапия… Скончался, не приходя в сознание…

Журналистка закрывает рот рукой. Гамаль Олегович пытается подняться с дивана, но у него ничего не получается. Олег Васильевич резко встаёт, делает несколько шагов к Смирнову. Но почти сразу останавливается – словно в невидимый барьер упёрся… Оглянулся по сторонам... Полез в карманы пиджака… Достал очки, вновь убрал их…

ЖУРНАЛИСТКА. Как же это так, а? Этого же быть не может…

ГАМАЛЬ ОЛЕГОВИЧ. Олежка!.. Батьку!.. Почему, за что?.. Это ошибка! Конечно, ошибка, перезвонить надо… Проверить надо…

Олег Васильевич несколько мгновений остаётся на месте. А затем решительным шагом возвращается к дивану и, преодолев несильное сопротивление сына, выхватывает из ножен ятаган. Ещё несколько шагов – и Олег Васильевич уже рядом с аквариумами. Короткий взмах саблей – и разбита самая большая ёмкость. Удар, ещё удар – и под ударами ятагана один за другим лопаются другие аквариумы. Струи

воды вперемешку с водорослями обрушиваются на хозяина кабинета. Но он не замечает этого, он продолжает методично крушить свои аквариумы. На полу в конвульсиях бьются рыбы. Много рыб. Десятки рыб. Сотни.

Это пираньи.

Затемнение

На опустевшей сцене становится немножечко светлее. Откуда-то из сумерек появляется Олег. Он подходит к краю сцены, долго и, как кажется, растеряно вглядывается в зрительный зал. Не без труда отодвинув одну из секций железного забора, Олег усаживается на самом краю сцены.

ОЛЕГ. Сегодня за окном туман, –
Открою двери и растаю!
Домов верблюжий караван
Куда-то в дымке уплывает.

Дороги шум и улиц гам
Как будто тонут в хлопьях ваты,
И я плыву по облакам,
И невесомый, и крылатый.

Я на невидимом крыле
Парю подобием пушинки.
Всё, что оставил на земле,
Давно внизу – в белёсой дымке.

Как будто матовый буран,
Замёл мосты, деревья, лица…
И я кричу: привет, туман,
В тебе мечтаю раствориться

Насквозь, напропалую – весь!
И вот, над городом взлетая,
Глотаю призрачную взвесь,
И таю,
таю,
таю,
таю…

Конец

Дмитрий МАНАЕВ

Родился 29 июля 1979 года в г. Саратове, где и живёт по настоящее время. В 1998 году окончил Саратовский авиационный техникум. Стихи пишет с 14 лет, но наиболее активно занимается творчеством с 2008 года. Весной 2011 года в рамках бенефиса «самиздатовского» журнала «Утка 76» проводит свой первый поэтический вечер. Регулярно выступает на всевозможных арт-вечерах. Постоянный участник фестиваля актуальной поэзии «Центр Весны». Публиковался в альманахе «Василиск», в газете «Литературная Россия», журнале «Утка 76», а также на всевозможных интернет-ресурсах. Издательством Altaspera (Канада) опубликованы книги «Время Менять Номера» (стихи) и «Per Aspera» (малая проза). В январе 2015 года в том же издательстве выходят прозаические сборники «Район» и «Пахнет Как Вода».

Встреча

В пропитанной солнцем,
Политой дождями,
Озвученной
Непрекращающейся
Суете;
Средь каменных глыб,
Безразлично глядящих
Глазами окон;
Под очаровательной
Сентиментальностью неба;
В словах,
В лабиринтах
Потерянных чувств
Заблудившись,
Отчаявшись,
Память и силы утратив,
Став тенью себя –
Ненужной тоскующей тенью, –
Я брёл
От угла до угла,
От двери до двери,
От одной до другой остановки;
Я влёкся
Сквозь тысячи чуждых пространств,
Не надеясь на чудо.
На столбы натыкаясь,
Преодолевая заборы,
Бордюры,
Искал тебя.
Здесь.
Где-то здесь.
Где-то.
Рядом.
Такая незримая,
Такая жестоко-реальная
Близость.
Казалось, чуть-чуть ещё,
Самую малость –
Полшага, полвзгляда,
Полжизни...
Буквально за следующим
Поворотом...
И...
Опять ничего...
Я кричал свою боль
В этот город,
Я мечтал в эти улицы,
Я почти был готов
На последний
Мелочный подвиг:
Всё оставить, как есть,
Сделать вид, будто можно
Забыть,
Не желать,
Раствориться
В нормальности
Где-нибудь возле
Стеклянных дверей,
За которыми прячется разум.
Подошёл к ним вплотную
И немного левее,
Средь гранитных
Переплетений фасада,
Перед клумбой
Стремящихся к центру апреля
Цветов,
Остановился.
Ну что же,
Вот и ты.
– Привет?
– Привет.

Саратов – Москва (автобусом)

Похмельный туман
Струится весёлым бесом
По тыльной стороне вселенной
Между Саратовом
И Борисоглебском

Пивом налитые веки
Тщетно пытаюсь смежать
Стремясь сквозь клоаку галактик
От Борисоглебска
И до Воронежа

Между Воронежем
И Москвой
Доеду
Доеду ль?
Доехал!
Ой.

* * *

Слова приходят ниоткуда,
Струясь сквозь реки тёплых рук
Печалью солнечных сосудов,
Восторгом сказочных разлук.

Слова приходят без причины,
Как сны внезапно белых дней
В плену прозрачной паутины,
Как нежность кожаных ремней.

Слова уходят без возврата,
Замкнув сомнений красоту
В кольцо объятий вороватых,
Пронзя нелепую мечту
Стрелою сумерек измятых,
Оставив небо на посту.

* * *

Вот твои несравненные
Восемь утра
Вот небо твоё
Переполненное
Переоткрытое
Вот стоянка последних
Надежд
Вот столбы
Вот дома
Вот бесцельное завтра
Сквозящее
В рваном асфальте
Силуэты пришельцев
В грязных строительных куртках
Кирпичи под ногами
Над головой
В голове
Размалёваны стены
Раскрашены лица
Растрачено всё до копейки
В позавчерашнем бою
С алкоголем
Вот голодные псы
Восстают из руин двухэтажек
Вот консервные банки маршруток
Взрывают пространство и время
Вот прохожие
Рельсы
Витрины
И трубы
Вот всё
Вот и ты
Улыбаешься сонно
Почти безучастно
Пролетая над всем этим
Пролетая над всем этим.

* * *

Нелепо и безрадостно
Течёт вода.
Дыра в земле –
Буквально в самом центре
Заброшенной,
Загаженной
Лужайки.
Безмозглый голубь,
Озираясь,
Опасливо
Крадётся
К этому невиданному
Чуду:
Декабрь кончается,
Мороз под двадцать,
А в земле – дыра,
И прямо из дыры
Нелепо и безрадостно
Течёт
Горячая
Вода.

Николай МИРСКОВ

Родился в 1984 году на Дальнем Востоке в г. Хабаровске. Окончил Тихоокеанский государственный университет по специальности инженер ПГС. Волею судеб в данный момент проживает в Подмосковье. Творческому пути дал старт в начале 2015 года, хотя первые попытки делал в 13 лет.

Школа

Из вас кто знает это слово?
Нам нет понятья на земле
Такого светлого, простого,
Всего чудесней, столь родного.
Известно всем – ведь это школа!

Здесь столько доброты, покоя,
Сколь нет ни в городе, селе.
Учителя добры с тобою,
Вчастую жертвуя собою,
Доброжелательны к тебе.

С улыбкой, чуткостью подскажут,
Свой долг никак не предадут.
Ребята мелом доску мажут,
Доклад мечтательно расскажут,
Преподавателя уважут
И уж потом домой идут.

А сколько доблестных мужей
Из стен своих ты выпускала!
За сотни лет, что ты бывала.
Достойных не прогнав взашей!

Судьбу учеников меняла,
Начисто затирая лист.
А каждый, тот, чей почерк чист,
Тобой кто трёпан был не мало –
Отличник или хорошист!

Идут года – все мы взрослеем,
Судьбы дать шанса не спросив.
Своих детей уже взлелеем
Да школ уроки не забыв...

Летний лагерь

Скок-поскок, кузнечик скрипкой
Музу летнюю зовёт.
Кошка лакомится рыбкой,
И давно растаял лед.

На лугу – цветов поляна,
Жук несется над травой.
А его сачком Марьяна
Увлекает за собой.

Цвету радуются пчёлы –
Разнотравия игра.
В новых ульях – новосёлы.
Умываются с утра.

В речке плавают утята,
Мать их манит за собой.
Чуть поодаль вкруг ребята
Сбились дружною гурьбой.

Коля, Маша, Саша, Петя
Наблюдают самолёт:
С грузом важным в небе летнем
Низко-высоко плывёт.

Вася носится с рогаткой,
Даша куклу принесла,
Оля знается с тетрадкой –
Кистью краски нанесла.

Катя, руки в изготовку –
Мама ей кричит вослед.
Моет их, да быстро, ловко.
Начинается обед.

Домик лагеря искрится
Белым цветом над листвой.
Приходите поучиться
Жизни детской, озорной!

Оборона

Сквозь тьму веков грядет на нас проклятье:
Захватчиков полки вокруг границ.
Святой Руси всемощное заклятье.
Старается заставить пасть нас ниц.

Народ в кругу поставлен оборонно.
Друг друга кто тут хочет хоронить?
Наставник наш всё делает резонно.
Законы, вновь законы. Стоит жить.

С мечём кто к нам придёт – тот пожалеет!
Безумная, бессмысленная рать!
Вон там, гляди, белёсый череп реет
Ваш с прошлых войн. За чем же наступать?

Пора остыть, оружья нам хватает.
Умело всё применим в скорбный час!
Атак ведь без расплаты не бывает!
Гостинцев гору выпишем для вас!

А если ж образумитесь вы сами,
Топор вражды далёко позабыв,
Тогда за стол садитесь в раз все с нами
Вина и пива чарки пригубив!

Зима в Подмосковье

Зима в Подмосковье – то слякать, то снег.
Где солнца не видит простой человек.

Да хоть и не очень – всё то же очам
Уныло предстанет все им, «москвичам».

Сколь ты ни пытайся продраться сквозь мглу,
В ботинках, в галошах – не все по нутру!

Уныло лишь тянется люд на работу.
Веками он жил в подмосковных болотах…

Европу пугает он лютой погодой,
И в утро с кровати встает с неохотой.

Всё ждет он весну и надеется сильно,
Чтоб снова осадков не стало обильно.

Чтоб на небе солнце как прежде блистало.
Весна в его сердце давно уж настала!

К нему

Поцеловала вскользь, не повернувшись.
Из дому вышла – рада несравненно.
Работа ей досталась тяжеленна:
Полы мести, в три гибели согнувшись.

В семейной жизни может быть такое,
Врагу не пожелаешь – нет же мочи!
Пока себе сам не раскроешь очи,
Припоминают все тебе былое.

Дитё малое – вся ее отрада.
Годков уж пять как бегает по дому.
Как гонят прочь сей раз ее к знакомым
Гулять во двор – она враз очень рада.

Рутина вновь сменяется весельем.
И все плохое выгоняет память.
Но кажется, что можно все исправить:
Отец прилежно борется с похмельем.

Что должность получил он нежеланно
И как сказать – все непотребно даже.
Поставил он вино себе во стражу:
Расплата с ним пришла неожиданно...

И небо голубое с облаками,
Что солнце закрывают среди лета,
Картину наблюдают грустно эту,
Где круг людей с взнесенными руками.

О судьбе

Бредет фемина – сумки тяжеленны,
Кормить детей - посланников небес.
Товары все к подбору несравненны,
А рынок – сплошь обман, подлог, обвес.

Сменяя время портится погода,
Ни снег ни дождь – все не подвластны ей.
Видна неблагосклонность к ней природы,
Меняющей цвет уличных огней.

И кажется, что празднично-нарядно
Она одета, как ты не спроси.
А мыслями все так же беспорядно,
Как и в работе – ой ты гой еси.

Придет домой, отроков кормит, поит;
И мужа не забыв благодарить,
Отца и мать своих далеких вспомнит,
Его на небе – дальше может жить.

Текут неспешно дни ее в заботах.
Работа, дом, друзья и снова дом.
И тут одолевает вдруг зевота,
Да вторит мысль шальная – все о нём!

Как часто выбирая мы дорогу,
Сверяем сердца, мысли общий тон?
Испытываем дальнюю тревогу,
Затем кричим в душе – гори огнём...

Гарри БЕАР

Русский писатель и поэт, один из основателей ассоциации поэтов-постмодернистов «Студия-1». Автор романов «Альбатрос», «Создатель», «Олли, или Новая Лолита», «Серая жизнь», стихотворений, рассказов, эссе. Родился 23 февраля 1967 года в г. Челябинске. Окончил филологический факультет Челябинского университета. В разные годы работал преподавателем в ряде школ, в Челябинском университете.

Итог столетья

Я – последний Поэт столетья,
Но столетье безмерно, верно,
И вбирает в себя проклятья
Сотен тысяч других эпох...
Век двадцатый в момент зачатья
Грезился всем как век победный,
Век «прогресса», лишенный скверны...
Подвести мы должны итог!

Две большие войны, плач, стоны,
Миллионы людей сожженных
Да овчарок лай похоронный
На просторах родной страны...
Триумфаторы-коммунисты,
Анархисты, эсеры, фашисты,
Визг ораторов, зело речистых –
Славно сыгранный фарс Сатаны.

Век двадцатый – познание Неба,
Выход в космос: кто уж там ни был...
И привычным н е б е с н ы м ф и г у р а м
Звездный атлас замена теперь!
Власть над космосом Человека –
Лжесвидетельство нашего века.
Глянь: сквозь лик просвещенной натуры
Проступает по-прежнему з в е р ь...

Все искусство двадцатого века –
Поиски искупления, света,
Рой молитв, обращенных Небу...
Да услышит ли нас о н о?!
Два Владимира в поисках Бога...
Кто за ними? Ну-ка, попробуй!
Помолись Дионису иль Фебу:
Повезет, и отхватишь Руно.
Роль последнего барда Столетья
Нелегка – ведь не золото медь-то...
Над стихами ночью ломаться,
А наутро веку служить!
Двадцать первый почти у порога...
«Что же он? – вопрошаю я Бога, –
Человечеству ль время кончаться?!»
Бог молчит: значит, времени быть...

История одной страны

Смотри на Россию, смотри наугад –
Страны больше нет и с ней слова «сад»!
Мы все погружаемся в пенную грязь,
И много привычней для нас слово «мразь».

Пустые надежды на новую жизнь
Мы все возлагаем, при этом молчим,
Молчим, когда видим бесправье и ложь:
Где правый, где левый – одно все и то ж!

Война – не для нас, воевали отцы!
Нет хлеба на завтрак, вокруг подлецы?
Зато мы свободно послушаем, как
Нам скажут по телику: «Дж. Буш – мудак».

Надеемся, все разрешится само,
А власть обратит для нас воду в вино.
И первые станут достойны любви,
Нам райские кущи покажут в дали…

Но – доли десятой я вам не отдам
Того, что, возможно, собою создам!
Согласен предать и согласен уйти,
Ведь Новым Заклятьем мне вас не спасти.

Смотри на Россию, смотри наугад –
Да где же тот Город и с вишнями Сад?!
Личину согласья щипцами сдери
И светом сомнений свой путь озари...

Ожидание воли

«Свободу России, достаток – народу… –
Мы слышим от лидеров долгие годы. –
Но надо б чуть-чуть еще подождать нам,
Пока инновации станут понятны…»

В стране нет закона, а власть – у богатства
И тех, *кого следует людям бояться…*
Мы видим движенье то слева, то справа,
За выход на площадь карают расправой.

Нужна ли свобода народам России?
Не проще ль спокойно дождаться Мессии,
Который движеньем руки нас поманит…
И с неба осыплется сладкая манна.

И где *те вожди, помутневшие разумом,*
Что смогут поднять всю громадину разом?
Где Разины, где Пугачевы и Ленины?
В ответ: «Потерпите пока… на коленях».

А, может, и лучше – лежать на диване,
Смотреть сериал, пребывая в нирване.
Тогда уж, наверно, плохого не будет,
Хорошего - тоже... но кто ж нас осудит?

«Свободу – России, а волю – народу,
И хватит с ворами водить хороводы…
У трона стоите, а власть не берете!
Как деды и прадеды, в рабстве умрете…»

Но, *кто прокричал это*, мы не узнали,
Его на патрульной в психушку умчали…
Наверное, заслан он был ЦРУ?
Народ наш мудрец, не клюет на муру…
.....
И, грудь переполнивши воплями счастья,
Которым уж скоро одарят нас власти,
Мы возвратились к ТВ и И-нету…
В душе понимая, что песенка спета.

Зеркало

Мы в зеркало, право, смотрели не раз;
Едва ль уставал наш от этого глаз…
И различая набор отражений,
Ловили полет нашей жизни мгновенной.

Ах, милый ребенок, кудрявый малыш!
Куда ты так ласково, кротко глядишь…
Ах, славная девочка, ангел небесный –
Ну, разве бывает картина прелестней…
Суровая внешность, лицо ¬– медальон,
А глянуть чуть сбоку – Наполеон!
Красивая дама, жеманна немного –
В картине Дали замерла у порога.
И век бы дивился иной красоте!
Но годы уходят, и виды не те…

И кто этот странный плешивый мужчина,
К глазам его словно прилипла кручина?
Мне женщина эта седая знакома,
– Ужель это я так тоскою влекома?
И зеркало, точно Великий немой,
Рыдать нас заставит своею игрой!
.....
Нелепо порой доверяя судьбе,
Мы в зеркале видим опору себе,
Но зеркало¬ просто второе названье
Того, что зовут на земле «воздаянье».
И глупо на зеркало жизни роптать:
Как лик не меняй, а природу не снять.

Молитва

Святый Боже! Святый крепкий!
Я один перед Тобою...
Святый Боже! Святый крепкий,
Пронеси меня с любовью

Мимо этих змеевидных
Тел, что просят подаянья,
Мимо тех, кто *безобидный*,
Кто приемлет все страданья.

Покажи мне, Боже правый,
Ту страну, где без обмана
Живут люди и встречают
Каждый миг как неба манну.

Ту страну, где Слово правды
Поражает ложь и мерзость,
И Христа где свет сияет,
Осеняя веры дерзость.

Ту страну, где нет на троне
Честолюбцев и воришек…
Где друг друга люди холят,
Как предписано то свыше.

Ту страну, где мы услышим
Ангелов, поющих звонно,
Где мы с трепетом увидим
Сад, алмазом окаймленный.

Святый Боже! Святый крепкий,
Забери всех нас с собою!
Святый Боже! Святый крепкий,
Не сносить нам жизнь
с любовью…

Екатерина МАКСИМУК

Родилась в 2000 году в г. Кишиневе. Учится в лицее им. Д. Кантемира. Увлекается русской литературой. Стихи пишет с 10 лет. Публиковалась в журнале Jutrzenka. Победительница ряда конкурсов. Слова к песне «Ветераны» сочинила по воспоминаниям своего деда – Максимука Петра Степановича – бывшего солдата 9-й Краснодарской Пластунской дивизии, прошедшей с боями от Крыма и Кавказа до Праги. Музыку к песне написал известный бард из Молдавии – Сергей Кондратенко.

Колыбельная

Птички, зверюшки, букашки сейчас
Мостятся, стелятся, спать настал час.
Детки послушные кончают играть,
После обеда обязаны спать.

Все, кто не хочет быть хилым,
Малым, больным, не красивым,
После обеда обязаны спать.
В точно назначенный час

Иди до кроватки, разденься, ложись
И ты до стенки лицом повернись.
Детки как спят, то не только растут,
Но и смелее, сильнее стают.

Польша

Польша – моя Родина,
Польша – край родной.
Я живу надеждою
Встретиться с тобой.

И хотя я в Польше
Еще не была,
Все равно ты, Польша,
Мне очень дорога.

Мои прапрадеды
И прабабки
Проживали в Польше
Много-много лет.

Дед мой Петр – ветеран
Войны Второй мировой,
Освобождал от фашистов
Дембицу и Краков.

Польша – моя Родина,
Польша – край родной.
Я живу надеждою
Встретиться с тобой.

Может быть, пожить мне в Польше –
Это не судьба,
Но любить я буду Польшу
Крепко и всегда!

Ветераны

Музыка Сергея Кондратенко
Слова Екатерины Максимук
Посвящается участникам
Великой Отечественной войны.

Ветераны мы, ветераны мы,
Ветераны той войны жестокой,
Шли мы на войну защитить страну,
Не по своей воле – по призыву.

Покидали мы, покидали мы
Дом, жен и детей, осиротевших.
Оставляли их мы без средств на жизнь
И на муки, длившиеся годами.

Посылали нас по приказу в бой,
Нас бросали часто в контратаку
Взять такой рубеж – населенный пункт,
Высоту, реку любой ценой.

Приходилось нам в дождь, пургу, мороз,
В брод осилить водную преграду,
А на берегу том, сразу в бой вступить,
В бой с врагом, прикрытым бронею.

Мы вступали в бой, жизни не щадя,
А когда кончались боеприпасы,
В рукопашную шли и под танки шли,
Закрывая брешь своими телами.

Ну а что теперь? Что за ту войну,
Что мы получили в благодарность?
Бедность, нищету, горе и тоску,
Нищенскую пенсию и только.

К 70-летию Победы.

Георгий КАЮРОВ

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Продолжение. Начало в № 1-3.

Жёлтый император

Глава седьмая

В плену

– Это селение больше похоже на крепость, – сказала Маргарита, рассматривая прилепившиеся друг к другу многочисленные каменные строения, угрюмо вздымающиеся над обрывом, на том берегу горного озера.

– Участковый сказал, нас перевезут в аул Мин-Куш на озере Сонг-Кёль, – сквозь прорыв в брезенте, осматривая окрестности, поддержал разговор Матвей. – По-видимому, это он.

Над селением лениво поднимались дымные столбы. На небе разгорался закат. Всю предыдущую ночь они просидели, не сомкнув глаз, и проговорили. Матвей бодрился и старался поддерживать девушку.

– Какое-то похожее название мы уже проехали, – неуверенно произнесла Рита.

– Когда? Давно? – Матвей внимательно посмотрел на спутницу.

– Недавно. Ты как раз задремал. – Рита тревожно смотрела на юношу. – Странное место. Разве по таким дорогам ходят большие автобусы? – усомнилась девушка.

В этот самый момент машина остановилась. Хлопнула дверь, и откинули полог кузова.

– Выходите, – сказал участковый. – Приехали. Вещи не забудьте.

Пока они выгружались из кузова, участковый подошёл к стоящему поодаль мужчине и стал с ним тихо переговариваться.

– Ну что, готовы? – спросил он, окидывая взглядом молодых людей.

– Куда вы нас привезли? – Матвей старался говорить бодро, но голос не слушался и предательски заикался, выдавая волнение хозяина.

– Вы поедете с этим мужчиной, – пояснил участковый. – Его зовут дедушка Эргаш.

– Какой он мне дедушка, – огрызнулся Матвей.

– Он нас отвезёт в Алма-Ату? – поспешила занять внимание милиционера Рита, с тревогой глядя на того.

– Отвезёт, – неопределённо буркнул участковый и протянул руку прощаться.

Матвей пожал ему руку, и участковый тут же пристегнул на неё наручники. Недолго раздумывая, участковый схватил за руку Риту и ко второму кольцу пристегнул руку девушки.

– Что вы делаете? – растерянно закричала Рита.

Но участковый не обращал внимания на крик девицы. Крепко держа наручники, он силой подтащил ребят к арбе и второй парой наручников пристегнул их к металлическому крюку, затем вкинул вещи в кузов.

– Езжай, отец, – рукой махнув мужчине, ребятам участковый сказал: – Если будете хорошо себя вести и работать, может быть, он когда-нибудь отвезёт вас в Алма-Ату.

– Нас будут искать! – выпалил Матвей.

– Вас уже ищут, – улыбаясь, сообщил милиционер. – Вот, – порывшись в сумке, он достал лист бумаги и протянул Матвею. – Ориентировка на вас. Вы контрабандисты из Афганистана. Любой милиционер, даже начальник ЖЭКа, вас задержит. Езжай, отец.

Старик чиркнул по спине мула прутом, и тот вяло поплёлся, уводя за собой молодых пленников.

По прямой, через озеро, до селения на скалах, было не больше километра, но они обходили озеро по берегу. Старик сидел на арбе, а молодые люди шли пешком. Иногда колёса попадали в расселину, тогда мужчина показывал прутом – мол, толкайте. Матвей и Рита упирались и выталкивали арбу.

Долина озера Сонг-Кёль была обширной, но одной из тех долин, которые уютно прятались в кольце гор. Она отличалась от других поразительной тишиной.

– Да, странное место, – тихо сказал Матвей. – Ты заметила, вода в озере чёрная.

– Да, – согласилась Рита, не отрывая глаз от поверхности воды. – Зловещее озеро.

Неожиданно обернулся старик и, махая над головой прутом, заговорил по-узбекски.

– Ой, как он меня испугал, – выдохнула Рита. – Что он хочет?

– Это он показывает, что озеро сильно глубокое, – равнодушно пояснил Матвей.

– Почему ты решил? – удивилась девушка. – Разве ты знаешь узбекский язык?

– А как ты показываешь, когда глубоко? – с этими словами Матвей махнул ладонью над головой. – А он несколько раз помахал над головой. Значит, очень глубоко.

Старик одобрительно покачал головой, и молодые люди услышали его сиплый, тихий смех. Маргарита не ответила, а только скорчила мину, довольная тем, что её спутник такой сообразительный. Они надолго замолчали. Мул медленно плёлся по дороге, и наши спутники могли внимательно осматривать окрестности.

С двух сторон озеро сжимали горы, разве что с одной стороны это были почти отвесные скалы, кое-где прерывавшиеся веерообразными каменными россыпями и разделённые примостившимся селением, а с другой – пологие, но выше.

– Слышишь? – прошептала Рита.

– Слышу, – настороженно прислушиваясь, ответил Матвей. – Я уже давно это слышу.

– И что это может быть?

– Не знаю, – прикладывая палец к губам, Матвей указал на полуобернувшуюся фигуру старика.

Неожиданно дорога повернула. Эту небольшую часть равнины разрезал надвое крутой утёс, вздымавшийся между заросшей камышами отмелью и полосками пахотной земли. Зайдя за скалу, взору путников открылся небольшой залив. Ближе к берегу вода в нём словно кипела, взбивалась пеной, и стремительно уходила в расщелину. Это из озера вытекала быстрая речка. В этом месте долина сужалась и была перекрыта каменными кубами, словно уложенными друг на друга человеком, чтобы отгородить долину от всего мира, оставляя только узкий проход для русла реки. Тем временем арба подошла к берегу.

– Мин-Джар, – сообщил старик, указывая прутом на селение в скалах.

– Хорошо, – пробубнил Матвей.

– Что он сказал? – не поняла Рита.

– Селение называется Мин-Джар, – повторил юноша. – Приехали.

Мул нехотя ступил в воду и остановился. Старик стукнул того по крупу, и животное, спотыкаясь о каменное дно, стало переходить в брод.

– Ой, какая холодная вода, – вскрикнула Рита.

– Да-а, вода не как в бане, – согласился Матвей.

– У меня ноги мгновенно окоченели, – стонала от холода девушка.

– Потерпи, – Матвей тоже корчился, высоко поднимая ноги. – Недолго осталось.

Как бы то ни было, всё кончилось благополучно. Они пересекли протоку и теперь, усталые, с окоченевшими ногами, но довольные оттого, что пришёл конец пути, с торжеством смотрели на селение, до которого так долго добирались.

Плоские крыши вместе с окружающими их скалами образовывали на фоне неба одну чёрную зловещую линию. Грозными стояли по обеим сторонам селения высокие башни с многочисленными бойницами. Зловещим казалось даже само небо, залитое багровыми красками заката, исчерченное волнистыми полосами золотых и алых облаков, которые напоминали хвосты сказочных чудовищ.

– Зачем они забрались на такую высоту? – сухо заметила Маргарита.

Оказалось, войти в селение труднее, чем войти в ворота иной крепости. Чтобы достичь окраины, молодым людям пришлось перебраться через реку, а у противоположного склона петлять по вырубленному в скале проходу, иногда делая немыслимые повороты, от которых создавалось впечатление, что они возвращаются назад.

– Сумасшествие какое-то, – вздыхал Матвей.

– И это всё из-за того, что кое-кто не захотел собрать корзину хлопка, – съязвила девушка.

– Не знаю, удалось ли им защититься от врагов, но от людей они сумели отгородиться, – вместо возражения спутнице рассуждал Матвей.

– Это селение построили, наверно, ещё их прапрадеды, – предположила Маргарита.

– Но вот кто обитает здесь теперь? – Матвей повёл усталым движением руки. – Ведь их потомки живут в городах, как наш милиционер, например.

– Да, – согласилась девушка. – Тысячи лет прошло, а в плен берут до сих пор.

– Это безумие, – сорвавшимся голосом прошептал Матвей. – Через пару неделей в космос стартует ракета, а нас ведут в плен.

Сильный кашель старика прервал тихий разговор молодых людей. Матвей приложил палец к губам и широко вытаращил глаза. Девушка прыснула в кулак от смешной физиономии товарища. Они снова пошли молча.

Проход был настолько крут местами, что переходил в грубо вытесанные невысокие уступы, но всё равно, петляя, вёл на вершину утёса. На таких поворотах и парню и девушке приходилось подталкивать арбу, помогая мулу. На половине пути перегородила дорогу массивная башня с высокими коваными воротами, напоминавшими предмостное укрепление старинного замка.

– Попасть туда можно только через эти ворота, – предположил Матвей. – А как же выбираться?

– Я когда об этом подумаю, то у меня ноги отнимаются, – неожиданно сказала Маргарита и тихо захныкала. – Матвей, мы уже никогда не вернёмся домой. – Но юноша не ответил, внимательно рассматривая стены и темнеющее небо.

Хотя уже смеркалось, но по мере того, как они поднимались выше, видно было хорошо. Проникнуть в селение незаметно с этой стороны было нельзя.

Наконец они подошли к окованным железом створкам ворот. Вот она, решающая минута. Старик сильно постучал. Стук замер, и наступила тишина. Подождав немного, он постучал ещё раз. По-прежнему единственным ответом была тишина. Селение казалось таким же угрюмым и безмолвным, как окружающие утёсы. Молодые люди переглянулись. С каждым мгновением становилось все темней.

– Дай-ка я, – предложил Матвей, поднимая с земли большой камень.

Старик вздрогнул от громового стука и, взглянув на юношу, грозно показал ему кулак. Выдумка парня оказалась удачной. Прямо перед ними приоткрылось решётчатое окошко. Старческий голос пробормотал что-то невнятное. Старик тоже что-то пробубнил невнятно. Невидимый привратник не ответил, а с той стороны взвизгнули задвижки, загремел железный засов и ворота широко открылись. Подняв фонарь, на Матвея и Риту подозрительно уставился длинноволосый бородатый дед. Арба въехала в ворота, а он снова принялся возиться с задвижками и засовами.

– Вот мы и дома, – испуганно прошептала Рита.

Матвей ничего не ответил. У него было предчувствие – самое трудное ещё впереди. Он не раз попадал в неприятности, но ничего подобного и предположить не мог и как из этого выбираться не представлял. За свою короткую, но разнообразную жизнь ему приходилось встречать и хороших и плохих людей. Он мог быстро заводить знакомства с разными людьми и так же быстро мог расставаться, но что делать в ситуации, в которую он попал, да ещё и вовлёк девушку.

Во внутренней территории селения старик спешился, и его сутулая спина шла впереди мула. Казалось, этот человек в отдельности и все его сожители не думали ни о трудах во имя общества, ни о мирских радостях. Это были люди, так долго жившие затворниками в этом глухом краю, что их души и разум заплесневели, словно хлеб, забытый в кладовой. Он долго вёл молодых людей через настоящий лабиринт тёмных каменных домов с плоскими крышами, пока наконец они не оказались на небольшой площади, представляющей собой каменный мешок, от которого в разные стороны отходили несколько точно таких же каменных проходов. В один из них и устремился старик.

– Знаешь, – сказала Маргарита, – мы никогда не выберемся отсюда.

– Выберемся, – почему-то повеселевшим голосом сказал Матвей. – И в худших переделках приходилось бывать.

– В каких это ещё переделках? – усомнилась Рита, но Матвей не ответил, внимательно изучая округу.

Окон в домах не было, их заменяли узкие дыры под самым потолком. Старик остановился у одного из таких домов и открыл небольшие ворота. Двор оказался настолько тесным, едва хватало места, чтобы протиснуться арбе между стенами. Мул пересёк двор, послушно вошёл в стойло и замер, словно и не сходил с места. Старик отстегнул наручники и повёл пленников в дом. Их разместили в комнатушке со спёртым воздухом и запахом гнилой соломы и мышами.

– Да, это не гостиница и даже не наши спальни, – пробормотал Матвей, с грустью вспоминая спальни интерната.

– Какая мерзкая дыра! Но сейчас я всё бы отдала за тазик тёплой воды!

Когда глаза привыкли к слабому свету, наши путешественники обнаружили две тумбочки с кроватями. Матвей рухнул на одну из них. Девушка села и начала развязывать шнурки на ботинках, которые промокли и не хотели легко поддаваться. Спустя какое-то время к ним вошла женщина, неся в одной руке блюдо с едой и ломтями хлеба, а в другой – чайник с водой.

Маргарита посмотрела на хлеб, понюхала еду и весело заявила:

– Вода во всяком случае свежая. Будем рады и этому.

– Где нам можно умыться? – спросил Матвей у женщины.

Но та только нахмурилась и, прикрывая нижнюю часть лица платком, замахала рукой.

– Как называется ваше селение? – не унимался Матвей, перегородив женщине выход. – Скажите, пожалуйста, как называется ваше селение?

– Если умыться, то иди за мной, – с сильным акцентом сказали за его спиной. Женщина тут же выскочила вон. В проёме стоял моложавый мужчина и пристально смотрел на молодых людей.

– Идём, – с вызовом сказал Матвей, сделав шаг навстречу.

Во дворе уже не было арбы и горел свет куда ярче, чем в комнате, отведённой для них. При ярком освещении Матвей разглядел провожатого. В полумраке показавшийся мужчиной, оказался молодой человек. Добавляла ему возраст небольшая, окладистая борода. Он был в рост с Матвеем, но тощий и с крупной головой. Пройдя через двор, они вошли во вторую половину дома. Преодолев небольшой коридорчик в два шага, они очутились в комнате снова с тусклым освещением, в которой уже стоял приготовленный таз с парящей водой.

– Вот, – указал на таз парень и, что-то оставив у стены, вышел, заперев дверь на засов.

– Эй! Не надо меня запирать! – заорал Матвей, но ему не ответили.

Быстро скинув вещи, он помылся и даже обнаружил шампунь, что его особо обрадовало. Чистые волосы и вымытое тело сняли напряжение после стольких дней волнения. Одевшись, Матвей сильно ударил ногой по двери. Но дверь так плотно сидела, что создавалось впечатление – стук был слышен только в его комнате. Матвей несколько раз ударил по двери кулаками и прислушался. В нервном возбуждении он начал ходить по комнате, пока не ткнулся ногой во что-то на полу. Под стенкой лежал его рюкзак с вещами. Только теперь Матвей осмотрел комнату внимательнее и понял, какой подвох устроили ему хозяева. В комнате стояла кровать и точно такая же еда, которую ранее принесли в комнату, в которой осталась Маргарита. Он с силой стал колотить в дверь и кричать:

– Откройте дверь! Откройте дверь!

Крепко сжимая кулаки, Матвей метался по комнате сам не свой. Он снова и снова подбегал к двери и колотил что было мочи в неё, но никто ему не отвечал. Ничего не оставалось делать, как подчиниться обстоятельствам. Матвей решил для себя твёрдо – надо отдохнуть и набраться сил для завтрашнего дня. Он окинул жалкий ужин, посмотрел на кровать с разбитым матрацем, который должен был бы служить ему постелью, и нервно рассмеялся.

Глава восьмая

Мучительная ночь

Немного успокоившись, Матвей осмотрел комнату, в которую его заманили. Она оказалась не слишком привлекательной. Повсюду слоем лежала пыль, углы под потолком затянуты паутиной. Небольшие оконца под самым потолком пропускали мало света. Унылая обстановка. Не раздеваясь, молодой человек прилёг на кровать. Настроение было самое отвратительное. Давно он не испытывал такого чувства беспомощности. Что-то знакомое было лет десять назад. В интернат приехали отец и мать, решив проведать его, но почему-то ночью. Матвей на всю жизнь запомнил их приезд и последовавшие после него события. Его разбудила ночная нянечка тётя Дуся. Он смутно разобрал, о чём она говорила. Накинул рубашку с брюками и вышел во двор. Там его ждали мать с отцом. Матвей не помнил отца, тот с ними не жил, но сразу догадался – это он.

Сентябрьская удушливая ночь раскинулась глубоким звёздным небом над полями и садами Кубани. В совхозе «Сад-гигант» с августа кипела уборочная страда. Продлится она до поздней осени. На сбор яблок привлекали и воспитанников школы-интерната. Больше тысячи интернатовцев на двух десятках автобусов каждый день, после уроков, выезжали в сады собирать урожай.

Матвей, скрестив руки, сидел на лавочке и сильно болтал ногой.

– Ну что ты так ногой мотыляешь? – сокрушалась мать. – Мы в гости к тебе приехали. Вот папа заехал в кои веки. Конфеты привёз, а ты сидишь и мотыляешь ногой, слова не скажешь.

Подчиняясь просьбам матери, Матвей переставал мотылять ногой, и тогда к нему подступал сон – он начинал потирать себя по плечам и громко зевать.

– Ну что ты всё зеваешь? – снова обижалась мать. – Скажи хоть слово. Как у тебя дела в школе?

– Нормально, – сквозь зевоту протянул Матвей. – Я спать хочу.

– Спасть он хочет! – разозлилась мать. – Я к нему через весь город еду, а он спать хочет!

– Лен, и правда, – заступился за сына отец. – За полночь на дворе. Ему давно спать пора. Пойдём и мы.

– Куда пойдём? – вспылила мать. – Пусть посидит с нами хоть чуть-чуть. Я сына целый месяц не видела.

– Ма, пойду я, – Матвей на покачивающихся ногах встал, и снова сильная зевота прервала его речь.

– Иди с глаз моих долой, – в истерике выкрикнула мать и разрыдалась.

– Чего ты, ма? Целый день уроки, – мямлит в оправдание Матвей, но не спешит уходить. – Мы в совхозе работаем. Потом самоподготовка. Устаём очень. Выспаться надо. Завтра опять на уборку.

– Лена, успокойся, – обнимая за плечи, пытается успокоить супругу отец. – Парню и правда надо отдыхать.

– А я, значит, целый день работала, потом приехала через весь город к нему, не благодарному, двужильная, да? – кричит мать и, обливаясь слезами, сникает на спинку лавочки.

Повсеместно стрекочут цикады. На остановке хлопнули двери последнего автобуса, уходящего в город. Освещённый луной, озираясь по сторонам, прошёл мимо интернатовский пёс по кличке Собака.

– Собака тоже не спит, – с иронией в голосе сказал отец.

Пёс, услышав свою кличку, повёл головой и медленно направился к ним.

– Зачем ты его позвал? – полусонным голосом сказал Матвей и прикрикнул на пса. – Пошёл отсюда!

– Я не звал его, – оправдался отец, глядя, как животное послушно развернулось и поплелось в обратную сторону.

– Собака – это его так зовут, – пояснил сын, а пёс, услышав свою кличку, снова развернулся и стал приближаться. – Пошёл, говорю!

– Странно, – задумчиво произнёс отец, пока пёс замер на полушаге, не понимая – так ему подходить или убираться? – Но и логично – собака, оно и есть собака, – и с этими словами мужчины пёс снова стал подходить к лавочке, но его уже никто не выпроводил. Отец и сын равнодушно наблюдали, как собака приближается.

– Ой! Что это холодное? – вскочила мать, испуганно вскрикнув.

– Лена! Тише, – призвал отец. – Это собака.

– Какая ещё собака?!

– Обычная собака, – задумчиво произнёс Матвей.

– Вы оба издеваетесь надо мной?! – вспылила мать, схватила сумочку и быстрыми шагами стала удаляться.

– Ладно, сын, – сказал на прощание отец. – Бывай, – и пошёл догонять супругу.

Матвей ещё немного посидел и отправился в спальню.

Эти воспоминания навеяли новый приступ тоски, и, тяжело вздохнув, Матвей перевернулся на бок. Он и правда тогда хотел спать.

«Что можно было от меня тогда требовать, – и сейчас, много лет спустя, объяснял своё желание выспаться молодой человек. – За что они меня тогда так?»

После приезда родителей прошёл месяц. Матвей уже и забыл об этом. Как-то утором в спальню к мальчишкам вбежал Парамон и громко объявил:

– Всем встать и слушать меня! После зарядки умываться, одеваться и на линейку.

Ребята недовольно загалдели. Линейка перед завтраком – это плохой знак. Первый признак, кто-то останется без еды, а то и весь класс.

У центрального входа в школьный корпус собралась вся школа. Ждали директора, Валентину Васильевну Денисенко. Неожиданно во двор въехала серая «волга», и оттуда вышла директор. Она коротко переговорила с кем-то сидящим внутри, и «волга», развернувшись, укатила.

– Ух, ты! – воскликнул кто-то из толпы.

Строй замер. Директор не спешила подходить. Улыбающейся физиономией она издали осматривала всех. К ней подскочил Парамон, и они стали что-то обсуждать. Директор протянула ему газету. Парамон только взглянул на то, во что тыкала пальцем-колбаской Валентина Васильевна и, ехидно заулыбавшись, стал осматривать строй, выискивая жертву. Наконец они подошли к линейке. Вся школа стояла, затаив дыхание, все ждали, что же будет, что же произошло?

Матвей слабо помнил, о чём говорила директор. Кажется, читала как всегда мораль о том, какими они должны быть и что некоторых из них ждёт тюрьма, а то и всех. Она всю свою лекцию потряхивала газетой. Когда по её мнению накал был достигнут, Валентина Васильевна вдруг сказала:

– Шпагин здесь?

Подготовленная к расправе толпа тут же вытолкала взашей Матвея из строя. Обескураженный происходящим, а главное тем, что он стал виновником всего происходящего, Матвей на дрожащих ногах вышел на середину.

– Вот! – вскричала директор. – Посмотрите на этого него-одя-я-я! – она протянула слово негодяй в своей излюбленной манере, саму себя накручивая.

Директор подкрепляла пафос действа тем, что с каждым словом опускала газету ему на голову.

– На, читай, подонок! – как гром среди ясного неба прокаркал её перекошенный рот.

Матвей взял газету, но от слёз, застлавших глаза, не видел не то что букв, но и самой газеты.

– Читай, скотина! – рявкнул на самое ухо Парамон и больно ткнул кулаком жертву под ребро с выставленным большим пальцем.

Матвей едва сдержался, чтобы не взвыть от боли, а слёзы крупными брызгами слетели на газету.

– Дай сюда! – продолжал рычать Парамон, выхватив из Матвеевых рук газету и с каждым словом закипающий от злорадства. – Соплями своими измочил всё. Прочту я, чтобы все знали, какой ты у нас герой, – ликующим взглядом обведя строй, объявил он. – Это «Пионерская правда». Она выходит тиражом почти двенадцать миллионов. Во всех концах нашей большой страны сегодня прочтут дети о подонке, который живёт среди нас. И этот подонок стоит перед вами. Имя его Матвей Шпагин.

– Иван Яковлевич, читай уже, – осадила пыл подчинённого директор.

– Читаю.

Тогда Матвей даже не слышал, о чём читал Парамон. Он едва стоял на ногах от одолевающего его страха и ужаса, он ненавидел всех и больше всего боялся того, что его ожидало после линейки. Когда Парамон закончил, по рядам прошёл гул недоумения, никто не понял, что же натворил их собрат.

– Это письмо написала родная тётка этого него-одя-я-я, – директор начала растолковывать интернатовцам смысл статьи, – и отправила в газету. Она родная сестра его матери и возмущена поведением этого неблагодарного. Даже не знаю, какое слово подобрать, чтобы назвать это чудо в перьях. Отойди от меня подальше, – директор брезгливо ткнула Матвея пальцами в лоб и продолжила: – Мать приехала через весь город, чтобы проведать этого негодяя, а он вместо благодарности к самому святому для каждого нормального человека – матери, не захотел с ней общаться…

Матвей снова тяжело выдохнул и перевернулся на другой бок. Он снова испытал тот страх. Тогда ему казалось, небо опустилось на землю и всё утонуло во мраке. Он представил, как двенадцать миллионов школьников и их родителей прочтут о нём статью и будут его осуждать, делать выводы, предрекать ему судьбу падшего человека или ещё хуже, как их директор – пророчить тюрьму.

«Сегодняшний я, Матвей, это тот самый одиннадцатилетний мальчишка? – Матвей резко поднялся и с силой растёр лицо. – Я стал лучше или нет? – пульсировало у него в висках. – Тогда я всё выдержал. Полгода издевались надо мной старшеклассники, подтруниваемые Парамоном. Где они все? Я вот он – не пью, не курю, мастер спорта, поступил в медицинский институт и, наверно, стану неплохим хирургом, а они все где? Директора уволили и выгнали из партии за присвоение денег, выделяемых для интернатовцев – вместе с завхозом покупали себе ковры, золотые украшения, а нас кормили кашей с червями. Ещё Парамон приговаривал – неблагодарные, вам и в кашу мясо кладут, вот как живёте роскошно. Ничего, – Матвей вскочил с кровати и нервно зашагал по комнате, – переживём и это. Подумаешь, плен». Сильный приступ голода остановил молодого человека, и он накинулся на остывшую еду.

И всё же стоило Матвею поесть и лечь, как он мгновенно уснул. Уснул таким крепким сном, что когда рано утром за ним пришёл вчерашний парень, то тот не смог его сразу разбудить.

– Вставай! – тормоша юношу, звал парень. – Собирайся. Работать пора.

– Я никуда не пойду, пока не отведёшь меня к Маргарите, – упрямо пробубнил Матвей.

– Не обижайся, – примирительно заговорил вчерашний провожатый. – У нас женщины не живут с мужчинами. Она на женской половине, а ты на мужской.

– Я хочу её видеть, – упрямо протянул Матвей.

– Умывайся и выходи во двор, – сказал тот и вышел.

Во дворе Матвей встретил Маргариту. Он не сразу её узнал. На девушке было длинное платье, поверх безрукавка из овечьей шкуры с мехом внутрь, и голова наглухо покрыта платком.

– Рита! Как ты? – кинулся к девушке Матвей. – Что за платье на тебе? – он схватил её за руки и пристально стал вглядываться в лицо.

– Ты чего? – удивилась она. – У меня всё в порядке. Когда ты ушёл, пришла женщина и сказала, что ты будешь жить на мужской половине, а я остаюсь здесь – на женской.

– Это что за платье? – Матвей продолжал с недоверием смотреть на девушку, но лицо её было спокойным.

– Мне дали платье. У них женщины в таком ходят, – спокойно объяснила она. – А ещё мне сказали, это особенная безрукавка, она с маньчжурским вырезом, как у их предков.

– И что же в ней такого необычного? – с иронией в голосе поинтересовался Матвей. Его раздражала беспечность Риты.

– С таким вырезом дают безрукавки только гостям, – весло сообщила Рита.

– За одну ночь ты превратилась из пленной в гостью, – Матвей зло посмотрел на девушку, и она увидела в его глазах воспалившееся недоверие к ней.

– Эй! – позвали из дома в этот момент, но Матвей схватил девушку за руки.

– Мне надо идти, – засуетилась Рита. – Я буду учить их детей, – быстро сообщила она. Хотела ещё что-то сказать, но выскочившая женщина развернула её за плечи спиной к Матвею и увела на женскую половину.

Матвей шёл следом за парнем в недоумении. «Как он мог попасться, – упрекал в душе он себя. Наверное, это Чукарин подсунул ему эту девку и она заманила меня. Как я мог так опростоволоситься!» Он не мог по-другому объяснить поведения Маргариты и те перемены, которые с ней произошли за эту ночь. Всякие страшные предположения и догадки восставали в его воображении, но это спокойное выражение лица подруги, надетое на неё чужое платье, покрытая голова, ставили его в тупик и наталкивали на самые мрачные предположения – она заслана генералом ГКБ.

– Обращайся ко мне Тахир, – неожиданно представился парень, когда они вышли на улицу и пошли по проходу, поднимаясь всё выше и выше. – Маргарита сказала, тебя зовут Матвей.

Матвей не ответил. Он злился на Риту, на себя и больше всего на свою беспомощность.

Снизу, из долины, селение казалось отрезанным от всего мира. Теперь, когда Матвей глядел вниз с его стены, ему почудилось, всё селение уплывает куда-то на облаке. Бездонные пропасти разверзались под самыми их ногами, и казалось, каменная стена, опоясывавшая селение и всю вершину, нужна для того, чтобы жители не падали из своих строений, а не для того, чтобы помешать врагам ворваться к ним. Кроме прохода, по которому они вчера вечером поднялись к воротам, с утёса был ещё только один спуск – к озеру, по которому, видимо, жители спускались и удили рыбу с больших камней. Матвей жадно на всё смотрел, чтобы с первого раза запомнить. Главный вывод, к которому пришёл он, – предки его сопровожатого могли бы без труда защищать своё селение на утесе от целой армии.

– Почему такая вода чёрная? – обратился Матвей к Тахиру.

– Это так кажется, – в голосе мужчины зазвучало удовлетворение, тем что юноша с ним заговорил. – Вода в нём очень чистая и прозрачная. Мы из него берём воду. А кажется чёрной, потому что озеро очень глубокое. Никто не мог до дна донырнуть.

– И ты? – коротко бросил Матвей.

– И я, и мой старший брат, и многие наши предки пытались донырнуть до дна. Никто не смог. Старики рассказывали, очень давно приезжали водолазы. Так вот и они не смогли достать до дна.

За разговором мужчины спустились к озеру. Матвей зачерпнул воды в ладонь и посмотрел.

– Не поверил? – заулыбался Тахир.

– Поверил, – огрызнулся Матвей, глядя на покрасневшую руку. – Вода холодная.

– Да, – согласился парень. – Вода очень холодная. Она такая весь год. Зимой не замерзает, а летом не нагревается.

– Купаетесь? – осторожно поинтересовался Матвей.

– Купаемся, но там, в низине есть протока, – Тахир махнул рукой в сторону восходящего солнца. – Ты оттуда пришёл. Переходили её.

К озеру спустились два старика. Они поздоровались со спутником Матвея, а на него посмотрели оценивающе и, покачав головами, направились вдоль берега.

– А эти куда пошли? – поинтересовался юноша.

– По делам, – неопределённо ответил Тахир. – Идём, покажу, что тебе делать.

– Вы узбеки или киргизы?

– Нет. Мы таранчи, – спокойно ответил Тахир.

– Это что за народ? – спокойным голосом поинтересовался Матвей, но сердце у него забилось со всей силы.

– Может, слышал – уйгуры?

– Не-еа, не слышал.

– Чаще нас называют уйгурами, но мой род принадлежит к таранчам.

– Какая разница?

– Никакой, – ирония в голосе юноши обидела Тахира. – А ты кто по национальности?

– Русский.

– Это так же как русские. Все русские, но есть цыгане – русские, и есть ты – русский.

– Уйгуры – это цыгане?

– Русскими называются не только цыгане, – начинал нервничать Тахир. – Новгородцы – это тоже русские, но они всё-таки новгородские, и так далее. Так и у нас – все уйгуры, но есть уйгуры – таранчи, уйгуры – долоны, уйгуры – кашгары.

– Что-то я слышал в детстве, – пустился на хитрость Матвей, заговорив как между прочим, – или читал в книге о каком-то Падже-Хаджы.

Ещё говоря, Матвей почувствовал, как напрягся парень, а от его пристального, встревоженного взгляда начинала гореть щека. Внутренне Матвей ликовал – получилось! Теперь ему хотелось прекратить разговор, чтобы окончательно отвести все подозрения или хотя бы увести его в другое русло.

– Да ладно тебе. Какая разница… – Матвей осёкся, едва не сказав «варвары вы, раз пленников берёте в двадцатом веке». Вместо этого он спросил: – Откуда такой умный?

– Почему умный? – удивился собеседник. – Учился… как и все… как ты.

– Где ты учился?

– В Москве, в университете.

– Воровать людей и пленить научили тебя в университете в Москве? – Всё-таки не выдержав, выпалил Матвей.

– Почему в плен? Брат сказал, вы брошенные. Так живите у нас.

– Разве мы добровольно к вам приехали?

– К нам никто не сможет добровольно приехать, – Тахир развёл руками. – Места глухие. Знать надо дорогу.

– Тогда отвезите нас в Алма-Ату, – в голосе юноши прозвучала надежда. – Милиционер сказал – вы отвезёте нас в Алма-Ату.

– Брат сказал…

– Этот мусор, твой брат? – вспылил Матвей.

– Почему оскорбляешь?

Молодые люди прошли по каменному настилу вдоль берега, заглянули в мрачного вида будку, также выложенную из камня, стены которой изнутри были вымазаны глиной, замешанной с крупным песком. Когда-то они были выкрашены, но краска давно потускнела и выцвела. На полу стояли несколько цинковых вёдер.

– Вот твои орудия труда, – указал на вёдра Тахир.

– И что надо делать?

– Набираешь в них воду и разносишь по улицам. У каких дверей выставлена пустая посуда, наливаешь в неё.

– А если никто не выставит посуду? – ещё не начав работу, она уже тяготила Матвея.

– Такого не бывает, – уверенно сказал парень. – Идём, покажу, где будешь обедать.

Поднявшись до первого переулка, они зашли в местную столовую, где как раз мыли столы. Из кухни потянуло едой, и ноздри юноше защекотал приятный запах. Им навстречу вышла женщина с большой кастрюлей. Она выставила её снаружи у двери и снова скрылась в кухне.

– Вот для тебя работа, – заулыбался Тахир.

– О себе они заботятся как будто получше, чем о своих гостях, – заметил Матвей, показав парню отдельный стол, накрытый скатертью, но тот не ответил. – И много у вас таких… – юноша осёкся.

– Ты имеешь в виду работников?

– Пленных, – зло процедил Матвей.

– Работников достаточно, – Тахир не обратил внимания на эмоции юноши. – Во время обеда увидишь. Удачи, – и ушёл.

Матвей принялся за работу. Его расчётливый ум быстро смекнул – разнося воду по улицам, он быстро познакомится с коммуникациями и проходами селения, а значит, сможет спланировать побег. Только

побег их вызволит из этого плена, он уже не сомневался. Чтобы наполнить кастрюлю у кухни, пришлось ходить дважды. В неё вместили четыре ведра. Проработав до обеда, он даже не смог обойти и одной улицы, так много было выставлено пустых вёдер, а в одном месте даже выволокли бочку. Он специально наполнил её под самый край, в душе злорадствуя – как будут обливаться хозяева, занося в дом. С ним никто не заговаривал, хотя к полудню стали появляться старики и даже сновали дети в сандалиях на босу ногу. Все молчали, но взгляды, которые они бросали на нового работника, были полны настороженного любопытства. В большинстве жители этого селения отнюдь не были стариками.

Вечером Матвей встретился с Ритой. Она поджидала его у ворот. В руках девушка держала полотенце, а во дворе стоял таз с водой.

– Это я для тебя согрела, – сказал она и едва не расплакалась.

– Ты чего?

– Мне страшно.

– Ещё утром ты выглядела бодренькой, – съязвил Матвей.

– Когда я смотрю на них, мне становится жутко, – совсем упавшим голосом заговорила Рита.

– Они не слишком-то гостеприимные хозяева, правда? – сжалившись над девушкой, заговорщицки шепнул Матвей. – У меня есть план. Только потребуется время на его подготовку.

– Ну вот, ты снова рядом, – с тревогой в глазах Рита смотрела на молодого человека.

– Что это вдруг? – удивился Матвей.

– Утром ты на меня так посмотрел, что я увидела, как ты только что стоял рядом, а потом вдруг пропасть – раз, и тебя нет. Стал таким далёким-далёким, чужим-чужим, – Рита не отпускала рук молодого человека и, когда закончила, снова опустилась щекой на ладони. – Не думай обо мне плохо, – проговорили её губы.

– Всё будет хорошо, – сказал Матвей и погладил девушку по голове.

– Я уже ничему не верю… – и Рита расплакалась.

– Дурочка! – раздосадованный истерикой девушки, зло зашипел на неё Матвей. – Увязалась за мной. Говорил тебе, сиди в автобусе. Уже была бы в университете и сидела бы на лекциях. Теперь возись тут.

– Ага, чтобы ты сам делал? – вмиг успокоившись, возбуждённо проговорила она.

– Был бы один, уже сбежал бы.

– Нам никогда отсюда не убежать. Ты видел, всё каменное и заборы высокие, через них ничего не видно, только небо, – Рита говорила, а слёзы лились ручьями.

– Тише, тише, – обнимая её за плечи, стал успокаивать Матвей. – Я не собираюсь так просто отсюда уходить.

– Как это? – отстраняясь, удивлённо посмотрела Рита.

– Это таранчи, – одними губами проговорил Матвей.

– Кто? – не расслышав, вскрикнула девушка, в ней назревала истерика.

– Тише ты! – снова зашипел на неё Матвей, грозно буравя глазами. – Это таранчи.

– Ты уверен?

– Мне сказал Тахир.

– Может, врёт?

– А смысл? Это был простой разговор. Я даже сказал ему имя врачевателя. Так он аж напрягся до дрожи, когда услышал.

– Ты себя выдал. Они будут теперь осторожны, – возбуждённо затараторила шёпотом девушка.

– Нет. Всё получилось гладко… – Матвей ещё что-то хотел сказать, но в этот момент открылась дверь в женской половине. – Тихо. Идут.

Женщина вынесла им еду и небольшой столик со стульчиками. Ужинали они с Маргаритой во дворе.

– Тахир! – позвал парня Матвей, когда тот проходил мимо. – Старик Эргаш уехал?

– Нет. С чего ты решил?

– Арбы не вижу.

– Вон она, – с лукавой улыбкой в глазах кивнул головой под навес парень. – Мы её разбираем, когда не надо никуда ехать.

Со снятыми колёсами, прислонённая к стене дома стояла арба. В проёме узкого хлева виднелся круп мула, отмахивающегося хвостом от мелких мух.

– Ты что делаешь? – успокоившись, поинтересовалась Рита, когда парень скрылся на мужской половине.

– Разношу воду по домам.

– Тяжело?

– Как тебе сказать?! – и Матвей выставил ладони, истёртые в мозолях-волдырях.

– Что же завтра будешь делать?

– Завтра и увидим, – Матвей только повёл плечами.

– Ну и молодчики есть среди них! – сказала Рита.

– Крепкие?

– Я бы не сказала. Глаза чёрные, как вода в озере. Уставится и смотрит не мигая. Жуть.

– Главное, ты за всем наблюдай и подмечай. Нам надо изучить их особенности и привычки.

– Сколько времени надо? – отчаянно протянула девушка.

– Мало, – уверенным тоном заговорил Матвей. – Всего-то день прошёл, а у меня уже есть кое-что.

– Что? – вскрикнула Рита.

– Тише! – кладя пальцы ей на губы, прошептал Матвей. – Узнаешь. Давай расходиться. Таскать воду по этим горам – не учить детей. Кстати, поспрашивай малолеток. Они могут оказаться болтливыми.

– Как ты думаешь, где наши документы? – озадачилась девушка.

– Я не видел, чтобы он передавал их Эргашу, – прикинул Матвей. – Оставил у себя.

– Это что-то означает, – задумчиво проговорила Рита.

– Приедет, – предположил Матвей.

– Но как?

– Как и мы. На машине сюда не заедешь, – рассуждал юноша.

– А времени у него разъезжать нет, – девушка посмотрела с тревогой на Матвея. – Значит, он приедет не раньше своего отпуска. А когда он у него?

– Ладно, – чем больше они углублялись в рассуждения, тем сильнее портилось настроение у Матвея, и он решил покончить с этим. – Пошли отдыхать.

Продолжение следует.

Com.
Tiraj 1000 (3500) ex.
S.C. «Prag-3» S.R.L.
MD–2059, Chişinău, str. Petricani, 94